

ГЕРОИ

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Генри Лайон ОЛДИ, Ашарей КИВИНОВ,
Вячеслав РЫБАКОВ, Виктор ТОЧИНОВ
и многие другие

Владимир Аренев

Герои. Новая реальность (сборник)

«Точинов Виктор»

2010

Аренев В. К.

Герои. Новая реальность (сборник) / В. К. Аренев — «Точинов Виктор», 2010

ISBN 978-5-9985-0755-7

В 2008 году антология «Герои. Другая реальность» была признана лучшим тематическим сборником по версии журнала «Мир фантастики». История продолжается: ведущие писатели России и зарубежья развивают тему на страницах новой книги. Генри Лайон Олди и Андрей Кивинов, Вячеслав Рыбаков и Далия Трускиновская, Виктор Точинов и Лев Гурский – эти имена давно знакомы и заслуженно любимы поклонниками фантастического и детективного жанров. Писатели предлагают свои версии развития событий, знакомых нам по произведениям Толкина и Стругацких, Олеси и Чехова, Конан Дойла и Свифта. Добро пожаловать во вселенную литературной игры, вселенную «альтернативной классики»!

ISBN 978-5-9985-0755-7

© Аренев В. К., 2010
© Точинов Виктор, 2010

Содержание

От составителя	5
Виктор Точинов	6
1. О вреде всеобщей грамотности	7
2. Хочу кита	8
3. Директорское сафари	10
4. Кораблекрушение в ванной (история, рассказанная Саввой Матвеевичем)	13
5. Директорское сафари (окончание)	15
6. Первая жертва	16
7. События развиваются	19
8. Комиссия по улучшению	22
9. Невезучий Семага	24
10. Комиссия по улучшению (продолжение)	27
11. Роковые яйца Ирины Разгуляевой	28
12. Комиссия по улучшению (окончание)	30
13. Погребение	32
14. Иностраннный легионер (история, рассказанная Семагой)	33
15. Погребение (окончание)	35
Эпилог	37
Далия Трускиновская	41
Михаил Назаренко	68
I	68
II	69
III	72
IV	74
V	75
VI	78
VII	79
VIII	80
IX	82
X	84
XI	88
XII	89
XIII	90
XIV	91
XV	93
XVI	94
XVII	96
XVIII	97
XIX	98
XX	99
XXI	103
XXII	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Герои. Новая реальность

От составителя

Вышедшая в 2008 году антология «Герои. Другая реальность» под редакцией Натальи Резановой и Виктора Точинова не только собрала хорошую прессу и была отмечена редакцией журнала «Мир фантастики» как лучший российский тематический сборник сезона. Прежде всего, она оказалась неожиданно тепло принята читателями. В чем же привлекательность концепции «альтернативной классики», тонкая прелесть повестей и рассказов, в которых действуют герои Мелвилла и Свифта, Чехова и Олеши, Ефремова и Толкина, причем действуют, как правило, в весьма непривычном для нас амплуа? Каким образом постмодернистская литературная игра смогла привлечь благосклонное внимание широкой аудитории? Сложно ответить на этот вопрос однозначно. Пожалуй, главный секрет кроется в узнаваемости: подавляющее большинство персонажей, представленных на страницах «Героев», знакомы нам, что называется, со школьной скамьи – и многими, что бы ни говорили о вреде преподавания классики в школе, искренне любимы. Кто откажется узнать, как бы повели себя в иных, непривычных обстоятельствах Андрей Болконский и Том Сойер, Ромео и капитан Блад, Шерлок Холмс и Родион Раскольников? Этот эффект, к слову, не первый год активно используют многие популярные авторы – достаточно вспомнить опыт Бориса Акунина, творчески переосмыслившего чеховскую «Чайку».

Сейчас, когда вы держите в руках второй выпуск антологии, самое время сказать несколько слов о том, чем она отличается от первой, – ну, кроме фигуры составителя, разумеется. Во-первых, книга стала значительно толще, объемнее почти на треть, это сразу бросается в глаза внимательному читателю. Во-вторых, разнообразнее стал состав: на сей раз вас ждет встреча не только с литературными героями, но и, например, со штандартенфюрером СС Штирлицом из культового телесериала советских времен «Семнадцать мгновений весны». Наконец, пестрее стал авторский состав: помимо писателей-фантастов (именитых, как Генри Лайон Олди, Далия Трускиновская, Вячеслав Рыбаков, Даниэль Клугер и Виктор Точинов, и многообещающих, но куда менее известных отечественному читателю), «за нашу сборную» в этом тайме играют два представителя другого жанра: Андрей Кивинов, приобретший известность благодаря сериалам «Менты» и «Улицы разбитых фонарей», и Лев Гурский, автор иронических детективов «Убить президента», «Перемена мест», «Траектория копья» и так далее.

Надеюсь, эти нововведения пойдут на пользу проекту в целом, тем более что мы постарались и в новой книге сохранить в неприкосновенности лучшие черты, которые характеризовали первых «Героев»: остроумие, неожиданность сюжетных ходов и, конечно же, безусловное уважение к текстам оригинальных произведений. Последнее, если вдуматься, совершенно логично – только человек, искренне любящий и ценящий текст классика, возьмется за продолжение, рискуя вызвать шквал негодования со стороны пуристов. Хочется верить, что литературная игра, которую мы затеяли, придется вам по душе и подарит не меньше положительных эмоций, чем ее участникам. Добро пожаловать во вселенную «альтернативной классики»!

Василий Владимировский

Виктор Точинов
Не стреляйте в демонов моря
(Маленький печальный триллер)

В глубине, в самом сердце океана, плывет Белый Кит.

Потоки окружают его, и все волны и воды проходят над ним. Мощь его сотрясает море – волны рождает он, а волны рождают ветер.

Имя ему – Левиафан. Служение его – быть Демоном Моря. Волны – любимые дети его; волны, что питаются людьми и кораблями.

И несется над водами ихуна неистового капитана Ахава, китобоя из Нантаккета. Капитан ее страшен и яростен, ничто и никогда не остановит его. Белого Кита он зовет Моби Диком – и поклялся убить Демона Моря.

Где-то и когда-то столкнутся они, и сила разобьется о ненависть, и мощь поглотит ярость. Разве можно убить Демона? Не вернется в Нантаккет капитан Ахав...

Так говорят романтики, так писал великий из них – Герман Мелвилл.

Скептики и практики возражают: да, бывают белые киты. Цвет кожи такой – пигмента не хватает. Да, редки – и нелегко найти в безбрежном океане кита-альбиноса. Но бессмертный дух стихии, Демон Моря? – не смешите, любого кита можно убить. Если подойти на верный выстрел. Убить, и накачать сжатым воздухом, и отбуксировать к плавбазе, и стащить по наклонному пандусу на ее палубу, и...

Хорошо.

Можно.

Но тогда послушайте, как оно было...

1. О вреде всеобщей грамотности

Конечно, тот факт, что большинство граждан умеет читать и даже писать, сам по себе не вреден. Весь вопрос в том, *что* люди читают и какие из этого делают выводы.

Например, правоохранительные органы многих стран проклинают тот день и час, когда англоязычный писатель Фаулз задумал свой роман «Коллекционер».

Интересная вроде книжка и написана мастерски, да вот беда: кинулись народные массы опробовать изобретенную и подробно описанную автором методику – как добиться любимой, но равнодушной к тебе женщины: оборудовать в глухом местечке звукоизолированный подвальныйчик, запастись хлороформом и т. д.

В ход пошли самые разные сооружения: секретные комнаты в городских домах, подвалы, тайно выкопанные в сельских коттеджах, частные бомбоубежища, возведенные во множестве в ожидании Третьей мировой. Один американский типчик, не мудрствуя, оборудовал под каземат купленную по дешевке и зарытую в землю емкость из-под горючего. Но того женщины не интересовали – заманив соседа на презентацию нового погреба, полгода с детским энтузиазмом играл в тюремщика, пока полиция штата и ФБР сбивались с ног в поисках пропавшего...

Но рекорд в этих постлитературных играх принадлежит, конечно, нашей стране. Два индивида, выкопав под гаражом в Подмоскovie многокомнатный бункер, заселили его заманенными из окрестных общаг молодыми и одинокими лимитчицами. А для самоокупаемости гаремчика заставили заниматься пошивом халатов и наволочек. Подпольный, в прямом смысле слова, кооператив приносил неплохую прибыль до самой его принудительной ликвидации. Ну и кто там говорит, что рабский труд непроизводителен? Это, граждане, смотря как поставить дело.

А все началось с книжечки в мягкой обложке...

Прежде писатели поаккуратнее были. В старые времена за подобные штучки запросто можно было сгореть на костре из собственных творений. При этом подходе у пишущей братии такой внутренний редактор развивался – любой Главлит обзавидует. Каждую свою фразу по семь раз отмеряли. Но зато и создавали шедевры. На века.

Сейчас, конечно, цензуры никакой. Писатель что в голову пришло, то и пописывает, читатель почитывает, издатель денежку гребет...

Но это сейчас, а порожденная прочитанной книжкой история, которую я хотел рассказать, началась гораздо раньше, в незабвенное Потерянное Время – время фанфарно-звонких побед везде и во всем: в тайге и в тундре, на Земле и в Космосе, на суше и в океане... Побед, обернувшихся одним большим поражением.

2. Хочу кита

Сергей Викторович Рогожин, директор НИИ океанологии, профессор, доктор биологических наук и лауреат Государственной премии СССР, тоже, понятное дело, умел читать. И на беду себе и окружающим прочел одну интересную книжицу – «Моби Дик» называется. История белого кита, сиречь Демона Моря.

Причем прочитал он ее даже дважды. Первый раз – в школе, когда будущий лауреат и профессор учился в шестом классе и жутко обижался на кличку Рожа-Рогожа. Книжка вышла в серии «Мир приключений», и Рогожа, весьма уважавший приключения вкупе с детективами и фантастикой, цепко ухватил ее с библиотечной полки.

Но неведомый автор с нерусской фамилией Мелвилл грубо насмеялся над чистой тягой юноши к знаниям: приключений в объемистом томе оказалось мало. Зато нашлось много философских сентенций и рассуждений, лирических отступлений, аллюзий и намеков на вещи, о которых Рожа-Рогожа не слыхивал. Всю эту словесную дребедень он пролистывал не читая, пока не убедился, что книжка приближается к концу, а вожаделенные приключения все не начинаются. Возвращавший роман в библиотеку Рогожа был крепко обижен на Германа Мелвилла...

Второй раз «Моби Дик» попался в руки Сергея Викторовича пятнадцать лет спустя, когда свежеиспеченным кандидатом биологических наук участвовал он в экспедиции на НИС¹ «Звезда».

Ах, что это было за время!

Ветер романтики шестидесятых годов развеивал густую еще шевелюру Сержа, все казалось по плечу, все задачи были решаемы и все проблемы преодолимы, а полное и окончательное счастье виделось совсем рядом, буквально в двух кабельтовых к норд-весту...

Молодой ученый выглядел тогда как живая иллюстрация к балладам Визбора: шкиперская борода, толстый свитер со стоячим воротником, прокуренная трубка и потерянная гитара с набором р-романтических песен.

Мечтатель и идеалист, он принимал даже неистребимое тресковое амбре «Звезды» (в девичестве – рыболовецкого траулера) за аромат дальних странствий и неизвестных берегов. И конечно, будущий открыватель великих тайн океана во втором знакомстве воспринял философию Мелвилла уже совсем по-другому – как отражение своих, любовно выношенных мыслей о себе и окружающем мире.

Белый кит отныне стал для него средоточием тупой и хаотичной Природы, могучей и бессмысленной одновременно. И Сергей дал клятву, как Герцен на Воробьевых горах: пронзать гарпуном научного познания эту стихийную и опасную силу до полного ее покорения в интересах грядущего всеобщего счастья.

Время шло. Романтический настрой испарялся, как талые лужи оттепели. Идеалы тускнели. Но мысль загарпунить Белого Кита, уже не символ агрессивных природных сил, а вполне реальное животное, глубоко засела в мозгу делавшего стремительную карьеру океанолога. Превратилась в своего рода навязчивую идею.

Разные бывают у людей мании. Эта, прямо скажем, еще относительно безобидная.

* * *

Сергей Викторович Рогожин, профессор, доктор и т. д. (см. выше) ликовал. И основания тому имелись.

¹ НИС – научно-исследовательское судно.

Вчера украсился последней разрешающей подписью проект строительства нового здания НИИ. И Сергей Викторович, развернув на необъятном директорском столе большой, сорок восьмого формата, лист, снова и снова любовался грядущим общим видом своего любимого детища.

Он ведь во многом был соавтором готовившей проект группы архитекторов. Более того, считал себя главным творцом развернувшейся на листе красоты. Наследники Воронихина и Растрелли казались Рогожину всего лишь мелкими техническими исполнителями его дерзновенных фантазий.

Особую гордость директора вызывал громадный холл-вестибюль грядущего дворца науки. Сергей Викторович строил глобальные планы относительно огромного зала, украшенного на эскизе колоннами и зимним садом. Он хотел разместить там кита. Здоровенный костяк кита, на зависть питерскому Зоологическому музею.

Причем – кита белого.

Конечно, по скелету масть этой громадины не больно и угадаешь. Но такое упущение должно было возмещаться наличием в том же зале большой, три на десять, картины. Или мозаичного панно – с техникой исполнения шедевра Рогожин еще не определился. Художественное произведение изображало бы охоту на огромного разъяренного Моби Дика. Белое чудовище, по замыслу профессора и лауреата, дробит гигантскими челюстями китобойный вельбот с вопящими от ужаса людьми. Чуть поодаль виднеются среди волн обломки другой лодки и головы тонущих неудачников. А на переднем плане гордый мускулистый китобой на носу третьего вельбота заносит над головой смертоносный гарпун. И так заносит, что любому ясно – настал для кита-убийцы судный час. Что там Делакруа с его львами...

Китобой, между прочим, предполагался несколько похожим на самого Сергея Викторовича. Не на нынешнего, полысевшего и растолстевшего, но на того, молодого, энергичного парня с НИС «Звезда».

А вечерами, по приезде важных гостей или после удачных защит, зал превращался бы в небольшой приватный ресторанчик под неформальным названием «Чрево кита». В мечтах Рогожину уже виделись крахмальные скатерти на составленных буквой «П» меж гигантских ребер столиках; столовские работницы в белоснежных передниках и наколках, подающие разные вкусные вещи; и венчающий вечер десерт – огромный торт в виде обмазанного белым кремом кита. Рогожин очень любил вкусную и здоровую пищу.

...Оторвавшись от приятных размышлений, директор с сожалением свернул эскиз и вызвал секретаршу – диктовать приказ об отбытии собственной персоны на Дальний Восток.

3. Директорское сафари

На Тихоокеанской китобойной флотилии институт океанологии и лично его директора любили и жаловали.

Ведь именно контора Рогожина производила учет китового поголовья и принимала прямое участие в определении норм добычи, в свою очередь напрямую связанных с зарплатой китобоев. Посланцев института принимали самым радушным образом, в лучших традициях дальневосточного гостеприимства. Для желающих выйти в море на судах флотилии с какими-либо научными целями тоже всегда находились места с вполне комфортабельными условиями – по меркам китобойного судна, естественно.

Океанологи с трудом тащили по возвращении редкие деликатесы и деликатесные редкости – от икры и крабов до совсем уж экзотичных маринованных осьминогов по-китайски. Понятное дело, квоты на добычу никогда не подводили чайный гостеприимных хозяев. Рука руку моет, как выразился однажды светлейший князь Потемкин, получив от благодарной императрицы чуть не миллион десятин чернозема в свежезавоеванной Тавриде.

А считать китов можно всяко, у них номера на спинах не проставлены. И плавают туда-сюда совершенно бестолково – глупые, одним словом, животные.

Кстати, всеобщее убеждение о разумности китообразных произошло в основном от их внешнего вида. И мало соответствует действительности.

У дельфинов, одно время произведенных чуть не в братья по разуму, за высоким сократовским лбом мозгов, извините, нет. Там у них огромный жировой пузырь – орган ориентировки и равновесия. Сам мозг значительно дальше и из себя совсем даже небольшой относительно размеров тела. Малоразвитый. А что они в бассейнах через обруч прыгают – так с голодухи за ставридку и не такое покажешь...

Прочим представителям их семейства, китам с косатками, отсутствие излишних извилин тоже плавать не мешает.

А подлинные интеллектуалы моря, как доподлинно известно океанологам, – крупные осьминоги, порой даже использующие примитивные орудия для извлечения моллюсков из раковин. В одной из своих ранних работ Рогожин особо подчеркивал, как эти головоногие подтверждают мысль Энгельса о глубокой связи в развитии мозга и конечностей. Правда, на партбюро его по-товарищески покритиковали. Объяснили, что Энгельс никак не мог иметь в виду щупальца подобных скользких и классово чуждых тварей.

...На китовое сафари Сергей Викторович отправился, бросив родной институт без малейших угрызений совести. Надо было спешить. Хотя строительство нового здания не подошло даже к нулевому циклу, о ките следовало позаботиться заранее. Имелась причина.

Продажные западные политиканы, подстрекаемые движениями набирающих силу «зеленых», все чаще ставили во всех международных организациях вопрос о запрете китового промысла. О полном запрете – по крайней мере до конца века. Нудили о восстановлении популяций, не принимая во внимание пятилетних планов партии и правительства.

И в самых верхах ходили слухи, что соответствующие конвенции будут-таки вскоре подписаны. Поскольку «зеленые» не только китов охраняют, но и весьма даже нужными делами порой занимаются – то пикетируют и блокируют вражьи военные базы, то на дурацких надувных лодочках мешают плавать опять же вражьи боевые корабли... И ссориться с этими придурковатыми «Гринписами» не с руки, а вот выступить защитниками братьев меньших от хищнического истребления международным капиталом – наоборот, политически правильно.

* * *

Знаменитый капитан Ахав был дилетантом – с современной точки зрения.

Приколотил к мачте золотой дублон, пообещав его тому из команды, кто высмотрит на горизонте белого кита. И бедные морячки неделями пялились в безбрежные морские просторы... Причем без уверенности, что в каком-либо порту этот пробитый ржавым гвоздем дублон им разменяют.

Теперь все проще.

Если уважаемая организация сообщает: для научных целей нужен кит-альбинос, – то у нынешнего Моби Дика возможностей ускользнуть не больше, чем у карпа в рыбном магазине шансов спастись от сачка продащицы.

...К делу подключили авиаразведку, при нужде могли привлечь и космическую – связи у Рогожина имелись. Но хватило и самолетов. Дважды засеченные белые объекты оказывались на деле стадами белух, но на третий раз радиограмма подтвердила: найден, дескать, недалеко от острова Кетой потребный экспонат.

Готовьте банку с формалином.

Сергей Викторович, грызший ногти от нетерпения на материке, немедленно вылетел вертолетом на китобойную плавбазу, вокруг которой как мухи вились маленькие и юркие суда-китобойцы. Командовал плавучей базой старый знакомец Рогожина...

* * *

– Эх, Серега, разве теперь киты пошли... Так, мелочь одна. – Флагман-капитан китобойной флотилии Савва Матвеевич Погорин вздохнул и плеснул себе и Рогожину еще коньяка из пузатой зеленой бутылки.

Легкое волнение в предназначенной для самых почетных гостей каюте плавбазы «Уссурийск» почти не ощущалось. В углу раздавалось сладострастное постанывание и прочие охи-вздохи – на видео крутилась гонконгская порнушка. Сергей Викторович порой поглядывал на сплетение смуглых тел, но капитан принципиально сидел к экрану спиной. Включал, похоже, заморскую игрушку только для важных визитеров.

Савва Матвеевич с сомнением посмотрел на свою стопку, плеснул коньяка еще на два булька и продолжил:

– Вот, помню, в начале тридцатых мы на Командоры ходили, за сивучем. Так вода от планктона прямо зеленая, и киты – ну натурально как коровы на пастбище. До сотни фонтанов за раз насчитывали. А промыслом-то китовым тогда не занимались, не было ни судов подходящих, ни пушек, ни специалистов знающих. Вот они, киты, совсем рядом, здоровенные, – а не взять. Бывало, пальну от бессилия из винтовочки зверобойной в эту тушу – а он ну хоть бы дернулся... А теперь-то, конечно, не те киты пошли. Теперь, чтобы план выполнить, по всем четырем океанам мотаться приходится... Вот, помню, Серега, в прошлом году в Южной Атлантике, недалеко от Фолклендов...

Тут Рогожин мягко, но настойчиво прервал старика, переведя разговор на интересующую его проблему. За минувшие пять дней он досыта наслушался историй из неистощимого запаса ветерана, начинавшихся неизменным: «Вот, помню...» Но Савва Матвеевич был непреклонен:

– Нет, Серега, всю флотилию я к Кетою гнать не могу. Нет резона. Беляк твой – одинец, других в том районе не видели. Там и Сашка Березин на «Комсомольце» отлично справится. Через день-другой небо откроют, Сашка его возьмет, никуда он не денется... Накачает воздухом и притащит на буксире. Маринуй.

Морской волк почесал изжелта-седую бороду и снова завел о своем, наболевшем:

– Кит нынче больно мелок пошел, Серега. И вот ведь фортель какой: план нам дают в тоннах, а нормы добычи – в штуках. Как нам, грешным, с такой мелкотой план выполнять? Уходят, уходят куда-то зверюги... Говорят, в Австралии на отмели береговые постоянно выбрасываются. По сто голов, по двести... Сколько же добра пропадает... Ты бы посодействовал насчет норм, Серега? А уж мы отработаем, хоть тебе кита, хоть косатку, хоть еще какую диковинку...

Рогожин помолчал. По прибытии он постеснялся сказать старику про свое затаенное желание – самолично загарпунить белое чудо природы. И поначалу надеялся, что случай такой подвернется.

Но неведомый Саша Березин, готовый вступить в схватку с Моби Диком в ста милях к норд-осту, похоже, не оставлял Сергею Викторовичу надежд воплотить своими руками детскую мечту. Чтобы отвлечься, Рогожин стал рассказывать флагман-капитану о разрабатываемой в его институте системе. Методика была действительно интересной и обещала превратить китобойный промысел просто в китоводство.

– Понимаете, Савва Матвеевич, все очень просто: каждого китенка метим радиобуйком. Крепление – штырек с зазубринами – находится в жировом слое, боли кит не чувствует. И четыре раза в сутки докладывает нам о своем местоположении.

– А кто батарейки в твоём буйке-...ке менять будет? – недоверчиво поинтересовался китобой. – Опять нам, грешным, придется?

– Батареек нет. Источник тока – прямоточная турбинка. Кит плывет, энергия накапливается, раз в шесть часов разряжается через передатчик. Геостационарные спутники берут координаты, передают на компьютер. А в нем все данные на кита, вплоть до ориентировочного веса. Мелочь добывать больше не придется, наводить будем только на крупных. Надежная система должна получиться, вроде заграничного КОСПАС-САРСАТа.

– Ох уж этот КОСПАС-САРСАТ... Один знакомец мой иностранный, шкипер Роджерс, так он тот КОСПАС просто всей душой ненавидит. И есть за что. Я, говорит, лучше уж по старинке тонуть буду, отстучав SOS морзянкой. С ним через САРСАТ довольно поганая история приключилась...

4. Кораблекрушение в ванной (история, рассказанная Саввой Матвеевичем)

Мы, Серега, с этим шкипером Роджерсом сезонов пять подряд южнее Дурбана встречались. Он тоже плавбазой командовал, английской. Там поля планктонные богатейшие, китов много подходит, хватало обоим.

Чтобы из-под носа друг у друга китов не стрелять, сразу договаривались: вот линия на карте, справа – твои, слева – мои. И даже соревнование с ним устраивали, социалистическое, – кто больше добудет в расчете на один китобоец. Или капиталистическое, это с какой стороны взглянуть. А приз, вместо переходящего красного знамени, – ящик виски.

Сначала лишь по рации общались, потом и в гости друг к другу ходить начали... Он по-русски только «мир, дружба, водка», но я-то на американском китобойце начинал, больше года стажировался, по-ихнему еще помню, так что общались запросто, без переводчика. (Савва Матвеевич, очевидно вспомнив подробности неформального общения, мечтательно причмокнул и плеснул еще коньяку себе и Рогожину.)

Парторг мой, правда, поначалу стойку делал, но тут пошла разрядка, разоружение и сплошные Хельсинкские соглашения. Брежневу, значит, в Америку можно, а мне обменяться опытом с зарубежным коллегой-китобоем уж и нельзя? Присмирел парторг, перестал катать телеги.

Так вот, говорит мне как-то приятель мой закордонный: мол, все, Савва Матвеевич, последний сезон охочусь, заработал пенсию, списываюсь на берег. Вот ведь они, англичане, – в сорок семь лет на пенсию, а?

(По тону Саввы Матвеевича Рогожин не понял, осуждает он эти буржуазные странности или наоборот.)

Его хозяева уговаривали остаться, но он уперся – двадцать пять лет отплавал, баста, хочу на берег. Ну ладно, закончили сезон, проставил Роджерс отвальную, распрощались.

Списался на берег, купил на заработанные коттедж приличный в Шотландии, на отшибе в предгорье; соседи хоть и в трех милях, но люди хорошие; пенсия большая, живи и горя не знай. Так нет ведь, не сиделось ему что-то, не хватало чего-то. Моря ему, Серега, не хватало. Я вот ведь плавать буду, пока на медкомиссии за бутылку виски чужую кардиограмму в карточку подшить можно. Нечего мне на берегу делать, сотки-огурчики-помидорчики поздно осваивать...

Так Роджерс яхту себе купил. Решил по заливам и фиордам своей Шотландии попутешествовать. Яхта восьмиместная, не новая, но машина и оснастка в порядке, в кругосветку не пойдешь, а для шотландских заливов сгодится... Вот.

Арендовал пенсионер Роджерс место на стоянке при яхт-клубе Глазго, поставил туда посудину и пошел по толкучке прогуляться. А толкучка в порту Глазго, чтоб ты знал, Серега, место совсем особое. Там на распродажах много чего из морского имущества прикупить по дешевке можно. По сроку списанного, но в дело вполне пригодного. И королевский ВМФ запасы распродает, и частные судовладельцы...

Так вот, ходит пенсионер по толкучке, кое-какие мелочи для яхты присматривает. И вдруг видит спасательный радиобуй системы КОСПАС-САРСАТ. Потертый слегка, но, продавец клянется, вполне в рабочем состоянии. И просит за эту красоту всего пятнадцать фунтов. Роджерс подумал и купил. Фиорды и заливы – дело коварное, у берегов чаще тонут, чем в океане.

На яхт-стоянку возвращаться не стал, загрузил буй в машину, домой поехал. А дома, в коттедже, его вдруг сомнения одолели. Бэушный радиобуй это тебе не бэушный спасательный круг, проверить надо бы. Отколупнул пластинку защитную, кнопочку красную надавил.

Запищал буй громко, как положено, лампа наверху замигала ярко. Работает, понятное дело. Роджерс скорей питание вырубает, пока сигнал не пошел на спутник, буй в шкаф прячет, до первого путешествия. А сам отправляется принять ванну.

Но надо сказать, Серега, англичане эти – люди не простые. Они вот такие вот люди... (Тут указательный палец Саввы Матвеевича описал направленную вверх спиралевидную кривую, призванную изобразить, какие люди эти англичане.) И радиобуйки у них не простые, с подвыподвертом. Их, буйки, включить легко, а потом хрен выключишь. И если источник питания вырубается, он, зараза, на запасную батарею переходит. Та послабее – мигалка со звуком отключаются. Но передатчик работать продолжает.

Так вот, плавает Роджерс в ванной, расслабляется после трудового пенсионерского дня. А буюк стоит тихо в шкафу и шлет себе сигнал. Прямо на КОСПАСовские спутники. И завертелась система. Спутники коттедж пеленгуют и быстренько гонят сообщение на Бермуды, в штаб-квартиру САРСАТа. Там компьютер его расшифровывает, прикидывает треугольник ошибок к карте, опознает кодовый шифр буйка и выдает диспетчеру: на реке Литл-Крик, притоке Клайда, терпит бедствие грузопассажирское судно «Принц Уэльский», порт приписки Абердин. На борту, по данным четырехдневной давности, сто четырнадцать душ экипажа и пассажиров.

Ну, перерегистрировать буй на свою яхту Роджерс просто не успел. А Литл-Крик у него за домом действительно протекал. В основном весной протекал, летом там и хомяку, чтобы утопиться, долго бы глубину искать пришлось... Электроника, блин... Правильно, Серега, товарищ Сталин говорил в свое время: «Нэ может машина быт умнээ чэловэка».

Так эта же машина не только диспетчеру сообщение выдала, она его переслала, опять же по спутнику, через океан на ближайшую к месту крушения САРСАТовскую точку. А это база королевских ВВС в Монторуэлле. На базе играют полный алярм – сто четырнадцать человек тонут, не шутка. Поднимают два звена вертолетов, чтобы при случае всех разместить, включают свои пеленгаторы на КОСПАСовскую частоту и летят спасать. Подлетают, сигнал все сильнее, но судна на ручейке никакого не видят, только коттедж на берегу приткнулся.

Так вот, Роджерс еще и голову намылить не успел, вдруг на лужайке перед домишком его четыре боевых вертолета приземляются – двигатели режут, стекла вылетают, цветочки в палисаднике в кашу, спасатели в оранжевых комбинезонах к коттеджу бегут, Роджерса спасать...

Ну, спасли его из ванной, понятно. И буюк заглушили. А потом за оказанные услуги выставили счет. На тридцать две с половиной тысячи фунтов стерлингов. Тут никакой капитанской пенсии не хватит. Продал он яхту, и осенью мы опять южнее Дурбана встретились...

Причем китов он стал бить прямо с каким-то остервенением. Вот, помню, однажды у него... (Тут повествование было прервано срочным сообщением вахтенного. О дальнейшей судьбе незадачливого шкипера Рогожин так никогда и не узнал.)

5. Директорское сафари (окончание)

Вахтенный сообщил неожиданное, но радостное известие: в восьми милях к норду с «Краскома Шадрина» замечен белый кит. Оторвавшийся от обмешулившегося Саши Березина, капитана «Комсомольца Приамурья», Моби Дик, на свою беду, полным ходом влетел в негостеприимные объятия главных сил эскадры Погорина.

Началась охота.

Совсем не хочется описывать, как наводили гарпунную пушку на обреченного белого гиганта, как полетел в цель смертоносный гарпун, снаряженный гранатой и полуметровыми лапами-зазубринами, как забился на прочнейшем нейлоновом лине властелин морей, повинный единственно цветом кожи. Не хочется. Противно...

Тем более что убил кита безымянный (для нашей истории) гарпунер с «Шадрина». Рогожина на китобоец Савва Матвеевич не отпустил, сказав, что ввиду усиливающегося волнения на болтающееся щелкой суденышко ни катером, ни вертолетом не добраться.

А посему перейдем сразу к событиям дня следующего.

...Юношеская мечта Рогожина лежала на просторной палубе «Уссурийска» грудой мертвого мяса. Сергей Викторович, экипированный в новую штормовку, подошел поближе. Моби Дик при внимательном рассмотрении оказался не таким уж и белым. Так, желтоватый с легкой прозеленью...

В душе было абсолютно пусто, ни малейшей эмоции. Подлец Мелвилл обманул Рожу-Рогожу еще раз. Охота закончилась, а приключения так и не начались. Брезгливо пнув тушу сапогом, директор и лауреат развернулся, сдвинул набекрень зюйдвестку, сделал мужественное лицо и взмахнул над головой старинным ручным гарпуном, хранившимся в качестве талисмана у Саввы Матвеевича. Сверкнула фотовспышка. Фотограф помудрил с объективом, отбежал подальше, щелкнул еще раз...

Надо сказать, получившиеся фотографии Рогожин никому никогда не показывал. На первой толстенький человек в нелепом маскарадном одеянии стоял на фоне не пойми чего, больше всего напоминающего вагонную простыню, проделавшую долгий путь Москва – Владивосток. На второй кит выглядел прилично, но вот доктор наук казался каким-то мелким, каким-то очень незначительным, даже насекомобразным каким-то.

Дальше начались будничные хлопоты: проследить, чтобы аккуратно расчлененный скелет (мясо и сало пошли на нужды народного хозяйства) погрузили в строгом порядке в заранее подготовленные ящики; составить схему сборки-разборки этого гигантского конструктора; организовать отправку груза на материк и, уже железной дорогой, в институт... Рутина.

* * *

А может, и правы последние романтики, утверждающие, что белый кит – воплощение Демона Моря, дух изменчивой и чуждой человеку стихии? И что держаться от него лучше подальше. Демон ты или нет, с сидящей в гарпуне тротиловой гранатой особо не потягаешься. Только вот духи, такое дело, гораздо долговечнее брэнного тела, даже китового. И имеют пакостную привычку мстить убийцам этого тела. Так ли это, или следовавшие странные события – лишь цепь житейских случайностей, решайте сами.

6. Первая жертва

Первой жертвой загробной мести Моби Дика стал институтский запойный грузчик Потапыч, бывший технический гений.

Когда-то, очень давно, Потапыч был инженером и заведовал опытно-производственной базой института. Причем инженером Буданов (сейчас фамилию Потапыча помнили лишь отдел кадров да несколько старожилов НИИ) был в самом старорежимном смысле этого слова, разительно отличаясь от мало что знающих и умеющих выпускников технических институтов. Потапыч поднялся к пику своей карьеры из простых рабочих и уже старшим техником, на излете четвертого десятка, заочно закончил вуз.

И руки, и голова у Потапыча работали одинаково хорошо – в технике он мог и умел все. Яйцеголовые деятели науки могли весьма невразумительно объяснять, что им, собственно, нужно – и больше ни о чем не заботиться. А Потапыч-Буданов выдавал им к нужному сроку необходимый прибор, зачастую не имеющий аналогов в обозримой части Вселенной. И еще четверть века назад сам великий Ширшов, корифей, академик и основоположник, говорил, похлопывая Буданова по плечу: «Ну, Алексей Потапыч, ты – гений!»

Зря говорят, что все гении в *той* стране были непризнанны. По крайней мере, гениальность Потапыча заметили и вознаградили. Правда – скромно, по-советски. Чтобы не возгордился и не оторвался от народа. Но премии, грамоты с вымпелами, благодарности в приказах и путевки в Крым получал гений регулярно. Имел целый ряд авторских свидетельств на свои технические решения и даже был представлен к ордену «Знак Почета»...

Однако орден не получил, да и вообще карьера Потапыча пошла под уклон после одного злополучного изобретения.

А дело было так. Задушевный друг-приятель, в семейном бюджете которого повышение цены на главный продукт страны с трех шестидесяти двух аж почти до четырех с полтиной пробило ощутимую брешь, попросил сделать ему домашний микроспиртозавод. В просторечии – самогонный аппарат.

Ни с теорией, ни с практикой производства спиртов малопоьющий Буданов не был знаком, но взялся за задачу с присущей ему обстоятельностью. Может быть, если бы приклепал он на скорую руку змеевик к бачку из нержавейки, так и катилась бы его жизнь по прежней колее, получил бы свой «Знак Почета», затем «Заслуженного изобретателя», вышел бы на пенсию, окруженный всеобщим уважением...

Но привык Потапыч делать все, за что брался, лучше, чем кто-либо до него. Теоретически задача была проста: температура кипения этилового спирта 83,7 градуса Цельсия. Увеличить ее – в выходящей смеси будет слишком много воды, чуть уменьшить – недопустимо увеличится процент ядовитых сивушных масел. Вопрос лишь в том, как удерживать с большой точностью заданную температуру при постоянно изменяющемся объеме кипящей жидкости. Не на шутку увлекшийся инженер проводил вечера за все более усложняющимися опытами.

Меченый борец с алкоголем тогда и в мыслях не приближался к главному креслу страны, отираясь на дальней периферии звездоносного генсека. Соответственно, не рыскали по лестницам домов наряды с собаками-алкоголичками, делающими стойку на тянувшийся из-за двери знакомый запах, – трудам Потапыча никто не мешал.

Уже друг-приятель, удовлетворившись одной из промежуточных конструкций, давно переводил на эликсир веселья пуды дешевых карамелек-подушечек, а технический гений все продолжал свои поиски, заменяя хорошее на лучшее. Параллельно он проводил глубокие исследования в областях рецептуры и очистки.

Зримый и весомый результат наступил два года спустя – гости на дне рождения, отведав в целях эксперимента из двух поставленных перед каждым стопок казенной водки и огненной воды Потапыча, дружно обозвали самогонкой продукцию ликеро-водочного завода.

Дерзания конструкторской мысли привели к рождению сразу двух чудо-машин. Одна из них, замаскированная под холодильник и даже издающая приличествующие этому агрегату звуки, при работе на полную мощность могла выдать в сутки до полутора кубометров первоклассного спирта. Другая, снабженная электронным блоком управления на четырнадцати микросхемах и цифровой индикацией, была портативной и размещалась в небольшом дипломате. При отсутствии поблизости розетки дипломат мог до двух часов работать на автономном источнике питания, исправно снабжая владельца живительной влагой.

За годы поисков, находок и дегустаций Потапыч стал великим специалистом по гидролизу и ректификации, по виноделию и производству крепких напитков. Мог с легу ответить, чем отличается технология приготовления ямайского рома от кубинского. Освоил наиболее экономичные способы производства конечного продукта из четырех десятков видов сырья...

А кроме того – просто спился.

Что делать, таковы традиции старых русских инженеров и ученых. Построил мост – так и стой под ним при испытаниях, изобрел вакцину – так и коли ее себе первому. Это только нынешние все, что придумают, на нас испытывают.

На работе Потапыча поначалу ласково журили, с пониманием относясь к присущей многим русским талантам слабости. Но затуманенный регулярными вечерними дегустациями мозг гения все чаще давал сбои при работе над темами, не связанными с алкогольным производством.

Однажды, изготавливая термостат-инкубатор, он вместо заданной температуры по привычке запрограммировал агрегат на роковые 83,7, загубив уникальную глубоководную микрофлору, опыты над которой требовались для докторской диссертации заместителя директора.

Это был Рубикон. Вместо премий на жертву науки посыпались выговоры, строгие выговоры и понижения в должности. Прежнее начальство, из уважения к бывшим заслугам, еще держало его на инженерной работе. Но произошедшая смена поколений в руководстве отечественной океанологией привела Потапыча обратно в техники. Потом, опускаясь все ниже и ниже с каждым кадровым приказом, он постепенно добрался до грузчика.

Из грузчиков его бы тоже уволили за постоянные нарушения трудовой дисциплины, но никогда не скупящийся на угощение коллегам Потапыч имел на них громадное влияние. Больше, чем комсорг, профорг и парторг, вместе взятые. Отдел кадров обоснованно опасался, что вслед за чемоданчиком уволенного бывшего гения, как за волшебной дудочкой Гаммельнского крысолова, покинут пределы института все грузчики, разнорабочие, слесари и электрики...

* * *

Октябрьским утром, когда в поросшем бурьяном углу обширного двора НИИ разгружали наконец прибывшие из Владивостока трофеи директорской охоты, Потапыч опять опоздал на работу.

Он медленно продвигался в сторону толпы в спецовках, облепившей огромный ящик с устрашающей надписью «ПРАВЫЕ РЕБРА» на боку. Две проблемы занимали мозг слабо реагирующего на эту суету гения: как разместить новую модель аппарата в корпусе карманных часов и что предпринять в затянувшейся войне с начальником институтской ВОХРы. Начальник всерьез вознамерился реквизировать легендарный дипломат, и его гнусные поползновения, переходящие в откровенную слежку, все больше тревожили Потапыча.

Очнулся от творческих раздумий изобретательный грузчик только в тот момент, когда понял, куда собираются поставить его коллеги грандиозный ящик.

Днище саркофага Моби Дика нацелилось прямо на любовно устроенный тайник, оберегающий волшебный чемоданчик от алчных домогательств ВОХРы. Секретное вместилище было замаскировано под небольшую, поросшую жухлой растительностью кочку и вполне могло выдержать вес взрослого человека. Но что сверху шлепнется не пойми откуда взявшийся кит... Такого, понятно, никакой гений не предусмотрит.

Бурный спринт Потапыча, мгновенно оценившего ужасную опасность, перешел в стелющийся над землей прыжок, достойный любого из прославленных футбольных голкиперов. Может, бедняга и успел бы выдернуть свое сокровище из сокращавшегося пространства под днищем ящика, если бы действовал молча.

Но рвущийся из глубин потрясенной души вопль заставил вздрогнуть напрягающих мышцы тружеников. У кого-то от неожиданности соскользнули пальцы с нижнего угла ящика, груз качнулся вниз, резко увеличив нагрузку на прочих атлантов. И с криком «Берегись, бросаю!» они попрыгали в стороны. Из-под рухнувшего ящика раздался мерзкий хруст...

А в следующий момент толстые доски обшивки вступили в столкновение с носовой частью человека-снаряда Потапыча, завершающего стремительный полет.

Вышедший присмотреть хозяйским оком за разгрузкой Рогожин увидел странное зрелище: три первых ящика стояли ровным рядком, а четвертый как-то криво и к тому же был забрызган каплями крови. Рядом кучка рабочих окружала бригадира, торопливо оказывающего первую помощь пострадавшему.

Хотя повреждения получил только кровоточащий орган обоняния Потапыча, бригадир накладывал тугую, виток к витку, повязку начиная с самой макушки горестно стонущей жертвы, издали приближаясь к пораженному месту. Отчего несчастный постепенно приобретал вид, настойчиво вызывающий о немедленной отправке в реанимацию.

В воздухе витал тот пронзительно-печальный аромат алкоголя, какой бывает над вынесенной из двухчасовой очереди и неосторожно грохнутой об асфальт поллитровкой.

И это стало лишь началом...

7. События развиваются

Алла Эдуардовна была жутко недовольна.

Жильцы соседней девятиэтажки выжили ее из небольшого сквера под своими окнами. Сквер давно был облюбован Аллой Эдуардовной и другими окрестными собачниками для прогулок со своими любимцами. Но жильцы попались все какие-то нервные и склочные, что вполне объяснимо – аромат собачьих экскрементов физическое и моральное здоровье совсем не укрепляет.

Борьба за скверик – длительная, как Столетняя война, и так же изобилующая всевозможными стычками, обходными маневрами и военными хитростями – завершилась как раз сегодня полным поражением собаководов.

К двинувшейся привычным маршрутом со своим ненаглядным Гектором Алле Эдуардовне подошел их участковый и предложил малоприятный выбор: либо немедленно изыскать другое место для прогулок, либо прогуляться – но уже с ним и в отделение – на предмет составления протокола и уплаты штрафа. Судя по отсутствию прочих собаководовладельцев в это популярное (шестой час вечера) для прогулок время, хозяйка Гектора стала не первой жертвой милицейского произвола.

И вот теперь она влачила тропинкой по дальнему, за полторы остановки, пустырю, вдоль неосвещенного забора какого-то НИИ, и вокруг было холодно и очень неудобно. Правда, хулиганов и прочих таящихся в темноте опасностей Алла Эдуардовна не боялась – Гектор, здоровенный кудлатый пес неизвестной науке породы, служил вполне надежной защитой. Он, купленный четыре года назад своей одинокой хозяйкой под видом карликового (!) пинчера, бодро трусил по тропинке, явно довольный сменой надоевшего маршрута.

И тут с небес раздался странный звук, и часть ярких осенних звезд оказалась закрытой большим предметом очень экзотичной формы.

Но Алла Эдуардовна, увлекающаяся в свободное от работы время летающими тарелками, снежными людьми, телепатией и прочей мистикой, заинтересоваться этим аномальным явлением толком не успела.

Потому что в следующую секунду неопознанный летающий объект совершил весьма жесткую посадку на ее ондатровую шапку-боярку. В терминах уфологии – контакт второго рода. Незадачливая контактерша рухнула на подернутую октябрьским инеем траву. Напуганный Гектор рванулся, но не сумел ни сдернуть с руки намертво захлестнутый поводок, ни сдвинуть упавшую поперек тропы грузную хозяйку.

И он завыл, обратив морду в сторону проходившего невдалеке проспекта...

* * *

Если бы тренеры по легкой атлетике добровольного спортивного общества профсоюзов «Буревестник» имели странное обыкновение прогуливаться по темному двору института океанологии, желательно вооружившись прибором ночного видения, их, тренеров, ждал бы в этот вечер приятный сюрприз.

Дело в том, что по темным закоулкам двора продвигался уверенным шагом хорошо изучившего дорогу человека разнорабочий четвертого разряда Пряжкин. На плечах его смутно виднелся здоровенный предмет вытянутой формы.

Этот Пряжкин задумал грандиозное дело – спереть из института кость от передней правой конечности Моби Дика. Путем перебрасывания через окружающий территорию четырехметровый бетонный забор. Похититель, не зная о наличии у Рогожина точнейшего списка и

подробной схемы сборки, был уверен, что никто не заметит пропажи одного из бесчисленных мослов, разложенных для просушки на стеллажах институтского склада.

А зачем, спросит недоверчивый читатель, простому советскому пареньку-пролетарию такая костяшка?

Да она вроде и ни к чему, но вот был у Пряжкина знакомый коллекционер всяких морских редкостей. Скромный такой коллекционер, сидевший по выходным на птичьем рынке за столиком, украшенным крупными раковинами, сушеными крабами и морскими звездами, а также надписью: «КУПЛЮ – ПОМЕНЯЮ.»

Невинное хобби этого гражданина не привлекло внимания ни представителей преступного мира, ни, как следствие, стражей правопорядка. И те и другие больше интересуются собирателями картин, монет и антиквариата. Упомянутые граждане обеих категорий весьма сильно бы удивились, узнав, что один западный немец (с проходившего в рогожинском НИИ конгресса гидробиологов), с большим трудом заманенный натуралистом-любителем в набитую редкостями квартиру, с лету предложил приобрести коллекцию для своего института за сто двадцать тысяч марок...

Пряжкин, подцепленный коллекционером в соседствующей с институтом пивной, тоже внес свою лепту в формирование столь высоко оцененного собрания, вынося помаленьку из НИИ кое-какие диковины. Услышав краем уха о крайней редкости и научной ценности прежнего владельца этого колоссального супового набора, то есть белого кита, он на свой страх и риск решил порадовать знакомого уникальным экспонатом. Небезвозмездно, конечно.

Боюсь, господа, что вам трудно оценить весь дерзостный полет замысла Пряжкина. Но все же попробуйте. Для начала представьте себе извлеченную из куриной ноги косточку. Представили? А теперь увеличьте ее, опять же мысленно, в двадцать раз по каждому из габаритов. Причем прошу отметить, что вес косточки после такой операции вырастет в *восемь тысяч* раз!

Теперь вообразите бетонный забор высотой четыре метра. Да-да, почти два с половиной ваших роста. Накиньте еще метр на идущие по гребню этой фортеции стойки с натянутой проволокой, отойдите от получившегося укрепления метров на десять-двенадцать (ближе нельзя, земля выслана тонкой, но крепкой стальной путанкой). Затем попробуйте, все еще мысленно, перекинуть через это хозяйство нашу любовно выращенную куриную косточку... Что, не получается?

Лицам, напрочь лишенным воображения, предлагаю спуститься во двор и попробовать закинуть простое двухметровое бревно на свой или соседский балкон второго этажа. И заранее снимаю с себя ответственность за возможные жертвы и разрушения.

Богатырь земли Русской Алеша Пряжкин уже несколько лет тайком тренировался в метании через забор разнообразнейших материальных ценностей. Техника этого дела была доведена у него до полного совершенства, ни одна клетка могучих мышц не работала впустую.

Окажись-таки в тот момент у забора вышеупомянутые тренеры, и карьера Алеши круто изменила бы направление, еще раз прославив на международной арене советскую школу метателей молота. Но тренеров не было. И никто не видел, как раскрученная живой катапульты чудовищная кость со свистом исчезла в ночном небе...

* * *

Старшина милиции Чернорук в последующих рассказах не слишком расцветчивал свою роль в этой истории героическими красками.

Не утверждал, например, что заглянул на пустырь, привлеченный подозрительными звуками и имея целью пресечь возможные злоумышления. Но и тот факт, что привела его на это поле чудес банальная физиологическая надобность, возникшая после двух выпитых по окончании дежурства бутылок пива, Чернорук тоже старался не афишировать.

Как бы то ни было, обогнувший угол институтского забора старшина остановился, прикованный к месту фантастическим зрелищем.

Поперек тропинки лежала кость невероятных размеров, слабо белея в свете далеких фонарей. Над костью возвышался здоровенный пес, глаза которого зловеще светились во мраке.

Ни дать ни взять – ужас Девонширских болот, Баскервильская собака.

Причем только что дочиста обглодавшая очередного несчастного сэра Баскервиля. Сэр ей явно попался на редкость крупный... Потрясенный милиционер помотал головой, пытаясь отогнать кошмарное видение. Видение не исчезло. Собака рванулась в сторону старшины Чернорука и дико завывала.

Не мудрствуя лукаво, тот повторил известный прием попавшего однажды в схожую беду беглого каторжника Селдена: развернувшись, с истошным воплем понесся в сторону освещенного проспекта. Будучи лет на двадцать постарше Алеши Пряжкина, олимпийских рекордов Чернорук в этом спринте не побил, но вполне доказал свое право на выступление за сборную ветеранов МВД...

Институтские вохровцы, в караулку которых бросился за спасением от прожорливого чудовища старшина, сначала весьма логично заподозрили у него белую горячку. Но настойчиво повторяемое: «В-вот т-т-такая к-к-кость!» в сочетании с широко разведенными руками заставило вспомнить о недавно поступившем экспонате. Чернорук решился показать место происхождения только после того, как старший смены вручил ему обшарпанный наган взамен оставленного на службе табельного оружия. Спешно составленная поисковая экспедиция выступила.

Тем временем вой и настойчивое дерганье Гектора вернули в чувство погребенную под костью Аллу Эдуардовну. Ничего не понимая, она попыталась встать из лужи, в которой до сих пор пребывала, не замеченная старшиной Черноруком. Встала, но сильнейшее головокружение вновь опустило ее на четвереньки. Пес вырвал поводок из ослабившей хватку руки и радостно умчался во тьму.

Когда старшина, вторично вывернувший из-за угла во главе процессии охранников, увидел, что кошмарная собака превратилась в стоящую на четвереньках над все той же костью растрепанную и довольно грязную женщину, он просто сел в заросли бурьяна, закрыл руками лицо, выронил в лужу казенный наган и перестал на что-либо реагировать. Так, с прижатыми к лицу руками, его в «скорую» и загрузили. А с ним и злополучную собачницу с сильным сотрясением мозга. Бедняга Гектор пополнил ряды бездомных собак.

Русский богатырь Пряжкин, наблюдавший за финалом действия с безопасного расстояния, тяжело вздохнул и пошел к трамвайной остановке. По пути он размышлял, не надежнее ли прорыть туннель под проклятым забором...

8. Комиссия по улучшению

Неприятности росли со скоростью снежного кома. Получивший моральную и физическую травму Потапыч, сильно контуженная собачница, ставший заикой милиционер – случаи хоть и неприятные, но все же единичные. Сейчас же трясло и лихорадило весь огромный коллектив института. Дело в том, что с исполинскими костями Моби Дика произошло то, что обычно и происходит с любыми останками: они засмердели.

Дело житейское, весь вопрос в масштабах.

Здесь масштабы были огромными. Подспудно процесс начался еще две недели назад, во время долгого железнодорожного путешествия костей из Владивостока, и вскрывавшие ящики работяги брезгливо морщили носы. Затем, в полном соответствии с законами диалектики, произошел качественный скачок – запах стал нестерпимым. Ночной осенний морозец еще как-то ослаблял убойную силу потрясающего воображение зловония, но дневное солнышко вновь доводило его до невыносимых для человеческого организма концентраций. Ситуация усугублялась тем, что сушить детали скелета необходимо было в проветриваемом помещении, то есть с открытыми воротами склада.

Работоспособность океанологов стремительно упала фактически до нуля.

Сотрудники торопливо брали отпуска за свой счет, отгулы и бюллетени, наконец – просто прогуливали. Всей душой рвались в местные и дальние командировки, и даже, редкий случай, на сбор подмерзшей картошки с колхозных полей. Хоть какая-то возможность для полезной деятельности сохранилась лишь у счастливиц, страдавших в тот момент насморками. Но и они жаловались на сильную резь в глазах.

Ударный субботник по досрочному заклеиванию окон (большинство его участников трудились одной рукой, второй крепко стиснув ноздри) не принес желаемых результатов. Отвратительная вонь просачивалась через все мыслимые отверстия, в первую очередь через вентиляцию. Все жгуче завидовали начальнику ГО института, гордо приходившему на рабочее место в командирском противогазе.

Удушливое облако постепенно накрыло микрорайон, жители окрестных домов писали жалобы во всевозможные инстанции. Но являющиеся с проверками официальные лица, менее выносливые, чем слегка притерпевшиеся аборигены и океанологи, просто не могли добраться до эпицентра газовой атаки.

Серьезно пострадал и международный престиж НИИ – прибывшая было делегация шведских гидрографов трусливо развернула автобус от ворот пахучей конторы. Институт погибал на глазах, требовались срочные меры по спасению.

И Рогожин пошел путем всех руководителей, не желающих нести единоличную ответственность за свои просчеты: создал комиссию. Причем не написал в приказе открыто и честно, что создана она для борьбы с вонью. Сформулировал длинно и уклончиво: «Комиссия по улучшению условий хранения биологических экспонатов».

* * *

Комиссия собралась в хорошо кондиционируемом директорском кабинете.

Сильно ослабленные миазмы прорывались и сюда, но изнасилованным носам, прошедшим зловонный ад, они казались благоуханным воздухом альпийских лугов. Это было последнее заседание в полном составе – Рогожин внезапно обнаружил, что дела в Мурманском филиале института требуют его неотлучного присутствия, и завтра вылетал в командировку. Обязанности председателя комиссии в его отсутствие должен был исполнять Петр Николаевич Семага, заместитель директора по экспедиционной работе.

Заседание началось с длинных речей, изобилующих ссылками на постановления съездов и пленумов, на мудрые решения партии во главе лично с генсеком, на насущные задачи института в их руководящем свете. Пересказывать подобную тягомотину так же скучно, как и слушать. Поэтому, пока они там словоблудствуют, я лучше познакомлю вас с некоторыми членами комиссии по улучшению воздуха...

9. Невезучий Семага

Петр Николаевич пришел в океанологию из моряков-подводников довольно извилистым путем. Закончив училище командного состава подводного флота, молодой лейтенант Петя Семага делал стандартную карьеру морского офицера: Северный флот, база в Гремехе, достаточно случайная женитьба в первом же отпуске, отличные аттестации, трое детей-спиногрызов, очередные повышения в звании и отвратительные условия быта.

Все так и шло, пока он не получил под командование свой первый корабль – только что построенную дизельную подлодку. Через неделю он утопил ее со всем экипажем и членами приемной комиссии в тридцати метрах от стапеля. Это было пробное погружение на малую глубину, приборы показывали, что все клапаны и вентили закрыты. Как выяснилось, один из датчиков безбожно врал – через клапан приема воздуха внутрь ворвалась мощная струя воды. Кормовой отсек стал затопляться.

Позднейшее расследование показало, что все решения Семаги в эти минуты были единственно верными. Он успел эвакуировать людей из не слишком быстро затопляемого отсека (глубина и, соответственно, давление были небольшими), успел задрать водонепроницаемый люк и жестко пресек первые намеки на панику. В принципе, необходимое для подъема лодки оборудование находилось в сотне-другой метров, но Семага принял решение спасаться своими силами. С затопленным отсеком продул балластные цистерны, так что нос вставшей под углом сорок пять градусов лодки показался над поверхностью, и вывел всех через аварийный люк торпедного отсека.

Лодку довольно быстро подняли, введя в строй с опозданием всего на месяц. Но командовал ею уже не Семага. Полностью оправданный, он вдруг обнаружил, что просто не может плавать под водой. Ни командиром, ни кем-либо еще. Такая вот фобия.

Но пусть попрекнут его те, кто бывал на дне моря в заливаемой водой лодке, неся при этом полную ответственность за шестьдесят душ экипажа. Не желая обманывать себя и начальство, Петр Николаевич написал рапорт о переводе в надводный плавсостав и после четырех месяцев переподготовки вступил в командование сторожевиком.

Корабль был не новый, спущенный в конце сороковых. Командовал им Семага успешно, но не очень долго – восемь с небольшим месяцев. Беда пришла на очередных учениях. Задержавшийся из-за неисправности машины сторожевик никак не успевал выйти к сроку в заданный квадрат. Семага решил спрямить путь, пройдя проливом, которым никто обычно не ходил по причине сложного фарватера и сильного течения. Для успешного прохождения на большой скорости требовался трудный, прямо артистичный маневр, и Петр Николаевич его с блеском совершил, пройдя впритирку с нависшими над левым бортом отвесными скалами. Но тут же, на выходе из пролива, вспорол днище о подводные камни...

Погубила злополучный С-113 ошибка в логии. Вернее, опечатка – лишняя единица в указанной глубине. В логиях обычно опечаток не бывает, нет на свете другой книги, которую проверяли бы так тщательно. И поначалу громы и молнии расследовавшей происшествие комиссии обрушились на сотрудников выпустившего том издательства.

Но те перевели стрелки, предъявив экземпляр логии, по которому готовилось издание. В нем стояли те же, роковые для корабля Семаги цифры. Члены комиссии продолжили поиск. Постепенно, переходя от одного издания к другому, они нашли виновных. Ими оказались наборщики и корректоры экземпляра 1869 года выпуска...

Погиб хоть небольшой и старый, но все же боевой корабль. Погибли двое матросов из машинного отделения. Ситуация требовала наказания виновных, и, ввиду недоступности главных из них, пострадал Семага. Потерял звездочку и был переведен командовать буксиром «Академик Курчатов»...

Буксир этот оказался довольно могучим суденышком, легко таскавшим атомные левиафаны по бухте Гаджиева. Шторма, подводные камни и прочие неприятности в спокойных водах бухты буксиру не грозили.

Теперь у Семаги было два варианта дальнейшей службы. Либо он проплывает на «Академик» до самой пенсии, либо кто-то из старых друзей, поднявшись к начальственным высотам, вытащит его с этой малопочетной должности.

Но судьба-злодейка приготовила Семаге третий, совершенно неожиданный вариант – он утопил «Курчатова».

На самой середине бухты неказистый буксир-тудяга напоролся на... Нет, не на айсберг, как легендарный «Титаник». И не на ржавую, принесенную течением мину Второй мировой. Даже не на «заблудившуюся» натовскую подлодку. Корабль умудрился врезаться скулой в бочку из-под кваса. Огромное количество ее близнецов-братьев стояло по городам и весям Союза, оделяя жаждущих граждан большой кружкой пенистого напитка за шесть копеек, а маленькой – за три.

Где и как смыло эту емкость в воды Мирового океана и каким неведомым ветром занесло на базу Гаджиево – навсегда останется загадкой истории. Но таинственная одиссея бочки явно подходила к концу. Почти заполненная водой, она выступала над поверхностью всего на несколько сантиметров, совершенно неразличимая среди легкого волнения.

Теоретически, крепчайший, не боящийся толстых льдов корпус буксира должен был сплющить залетную бочкотару как яичную скорлупу. И без особых для себя последствий. На деле же получивший пробоину «Академик» стал стремительно терять плавучесть. Но Семаге было не привыкать к кораблекрушениям. Сбавив ход до самого малого и включив на полную мощность аварийные насосы, он настойчиво пытался дотянуть буксир до ближайшего берега.

Не хватило сотни метров: «Курчатова» сел на дно на прибрежном мелководье, – мачты и верх надстроек сиротливо торчали над водой. Жертв не было. Позже выяснилось, что принявший удар коварной квасной емкости стальной лист имел неразличимый глазом дефект – в его толще змеилась незаметная изнутри и снаружи внутренняя трещина, образуя почти замкнутое кольцо неправильной формы. Это был брак даже не корабелов, а сталепрокатчиков, обнаружить который без ультразвуковой дефектоскопии, не применявшейся во времена строительства кораблика, было невозможно.

Попавшая с годами в трещину забортная вода усугубила дело процессом коррозии. А замерзая зимой – углубила и расширила предательский дефект.

Случившийся в очередной комиссии специалист по морской статистике подсчитал на досуге: вероятность появления дрейфующей квасной бочки равнялась примерно одной миллионной. Вероятность появления вышеописанного дефекта примерно такая же. Возможность их пересечения в одной точке пространства и времени вообще выражалась смешной цифрой – полстраницы нулей и в конце сиротливая единичка.

Вывод был однозначный: невезучий Семага привлекал к себе «неизбежные на море случайности», как притягивает молнии одиноко стоящее дерево...

Формальных поводов для обвинения не было, и Семаге дружески посоветовали написать рапорт об отставке, пообещав взамен пристроить на хорошее место в Москве или Ленинграде. Чувствовавший вину за свою неудачливость Семага согласился.

А тут как раз открылась вакансия у океанологов. Надо сказать, военные моряки и океанологи давно и тесно сотрудничали. НИИ ведь не только изучал рыб, китов и прочих креветок, но и выполнял в ряде своих лабораторий абсолютно секретные заказы ВМФ. Отсюда и высокий забор с полосой препятствий, и многочисленная ВОХРа, и постоянно встречающиеся в коридорах люди в черной морской форме.

И вот уже четыре года Семага руководил работой институтских научно-исследовательских судов, опираясь на свой богатый негативный опыт. Лично, впрочем, в море не выходил.

Однажды, отправившись с семьей в Петродворец, посадил жену с отпрысками в «Ракету» на подводных крыльях, а сам – по берегу, электричкой. Так надежнее.

Но что удивительно, на институтских НИСах с приходом Семаги не то что крушений – серьезных поломок не случилось.

10. Комиссия по улучшению (продолжение)

Теперь Семага по-военному четко и внятно докладывал комиссии и Рогожину о результатах своих переговоров с проектировщиками.

Дело в том, что кит, попавшийся Рогожину, был чуток крупноват. Его гигантская пасть самую малость не помещалась между двумя колоннами, запроектированными поддерживать крышу в институтском чудо-зале. И Рогожин просил архитекторов их немного раздвинуть.

Но доклад Семаги был неутешителен. Весь проект основывался на использовании железобетонных деталей стандартных размеров – раздвинутые колонны рассыпали его, как картонный домик. В качестве альтернативы проектировщики предложили разместить кита наоборот – хвостом к парадному входу. Тогда, по их расчетам, он вставал идеально.

Рогожина подобный вариант не устраивал. Ведь при таком раскладе все входящие попадали во «Чрево кита» не через пасть, а как бы через диаметрально противоположное отверстие. Но менять всю утвержденную, подписанную и оплаченную проектную документацию было уже поздно. Рогожин утешился только тем соображением, что, выходя встречать важных визитеров, он будет проходить через благородные челюсти, ну а они... Это, в общем, их проблемы.

Ирина Разгуляева не принимала участия в китово-архитектурной дискуссии. Главная задача Ирины: заполучить на строительство дачного домика отличные доски от многочисленных ящиков из-под позвонков и ребер Моби Дика – была успешно выполнена еще на первом заседании комиссии. Сейчас Ирину занимали другие заботы, исключительно личного плана.

Этим утром муж предъявил ей ультиматум...

11. Роковые яйца Ирины Разгуляевой

Ирина принадлежала к типу общественно активных женщин, очень точно изображенному Рязановым в бессмертной комедии. Помните: «...когда-то давно ее выдвинули на общественную работу и до сих пор не могут обратно задвинуть...» Образ, созданный классиком, верен – ни прибавить, ни убавить.

Но проблемы Ирины имели к ее общественной активности лишь косвенное отношение. Началось все три месяца назад, еще до появления на горизонте Моби Дика, и совсем на другом конце города, в Сестрорецком районе.

Хваткие ребята из ОБХСС накрыли на курортном побережье залива летнее кафе, бойко реализующее блюда и напитки мимо кассы. Расследование выяснило, что один из питавших кафе ручейков неучтенных продуктов брал начало в столовой института океанологии. Грянула комплексная проверка. Естественно, участвовала в ней и Ирина Разгуляева, не то как понятая, не то как представитель профсоюза.

Заведующая столовой была битой и матерой волчицей, зубами и когтями завоевавшей свою экологическую нишу в джунглях общепита. К ней так просто не подступишься – бумаги в порядке, количество продуктов соответствует накладным, контрольное взвешивание блюд соответствует раскладкам.

Вот и доказывай теперь, что она предупреждена подельниками, а не является кристальной чистоты торговым работником. Ну а всякие неподсудные мелочи, обнаруженные проверяющими, часто в таких случаях для них на виду и оставляют, дабы не чувствовали себя дармоедами, вкушая бесплатный обед и принимая причитающиеся презенты.

Так бы они и ушли ни с чем, когда бы не наблюдательная Ирина.

Задержавшись на кухне столовой, она остановилась, привлеченная действиями одной столовской работницы, известной как тетя Паша. Та стояла у огромной сковороды, предназначенной специально для жарки яиц. Может, видели – дно состоит из множества слегка вогнутых кружочков, чтобы подаваемые жареные яйца имели идеально круглый вид.

...Руки тети Паши производили весьма странные манипуляции. Вообще-то это надо видеть, но попробую описать. Значит, так: в левой руке, между большим и указательным пальцами, зажато крупное куриное яйцо. А между двумя пальцами правой – бритвенно-отточенный нож. Сильный взмах, сильнее обычного, рассекает яйцо пополам, сверху донизу, и свободные пальцы правой руки быстро ухватывают за скорлупу, разламывая мгновенно на две равные части. Результат: в двух ячейках сковороды жарятся *две* порции яичницы-глазуньи, обе с аккуратным зрачком желтка посередине.

Заинтригованная быстрой и филигранной работой тети Паши, Ирина пригласила взглянуть и полюбоваться сотрудника ОБХСС. Тот, мгновенно оценив кулинарное новшество, вцепился в тетю Пашу, как изголодавшийся лесной клещ в невезучего грибника.

Выдумка действительно была гениальная. Яйцо – товар штучный, нигде и никем не взвешивается, в раскладке так и пишут: мясо – 80 г, рис – 100 г, яйцо – 1 шт. И если из тысяч сотрудников института, посещающих в течение дня огромную столовую, человек пятисот закажут весьма популярное блюдо «Бифштекс с гарниром и яйцом», то в конце месяца автор придумки получит сумму, соответствующую окладу полного академика.

А если сосчитать тех, кто закажет яичницу?

Заведующую зацепили. Остальное было делом техники – ОБХСС не сомневался, что в заглазнике у нее есть еще пара-тройка подобных трюков. Но речь не о ней, а о Ирине Разгуляевой.

Поставив где надо свои автографы, по дороге домой она долго размышляла об увиденном. Придя, решительно достала из холодильника купленный накануне десяток яиц и вооружилась огромным кухонным ножом...

Пришедший с работы муж с удовольствием употребил огромную яичницу-глазунью с ветчиной и помидорами, слегка удивляясь, что его всегда аккуратная супруга размазала желтки по всей сковородке. А после ужина, вместо традиционного телевизора, был командирован на кухню хорошенько наточить ножи.

На следующий день Ирина купила яиц уже два десятка. И опять потерпела фиаско: отточенные ножи помогали мало, желток либо оставался единым, либо позорно размазывался, скорлупа тоже не хотела разрезаться на две идеальные половинки, как у тети Паши. Содержимое изведенных яиц экспериментаторша аккуратно слила в кастрюльку.

На четвертый день Ирининых опытов муж, доедая омлет, осторожно намекнул, что яйца он любит и ничего против них не имеет, но для разнообразия не возражал бы отведать и жареной картошки. Ирина испекла в воскресенье для умиротворения супруга вкусный пирог (пять яиц в тесто, одно – в начинку) и в понедельник побежала в столовую, на поклон к тете Паше.

Тетя Паша, ничего не зная о махинациях увезенной ОБХСС заведующей и свято верившая, что ее манипуляции экономят ценный продукт государству, охотно показала свой фокус. Вроде все было как в неудачных попытках Ирины, но последнюю операцию тетя Паша выполняла мгновенно и неразлично для глаза. Разгуляева пожаловалась на свои трудности и попросила показать помедленнее, разбивая движение на фазы. Тетя Паша показала, в результате чего выпустила на фартук содержимое яйца и больно порезала отточенным ножом палец. После чего рассердилась и выгнала Разгуляеву из пищеблока.

Ира и сама понимала, что все это блажь и ерунда, недостойная взрослой и серьезной женщины. Не понимала только того, что это где-то в глубине ее души, замурованный сборами взносов и проведением мероприятий, заседанием в различных комиссиях и жеребьевкой продуктовых наборов, – где-то там глубоко бьется неугасший родничок живой мысли, желающий попробовать и ошибаться, искать и разочаровываться, бороться и находить...

Возвращаясь домой, она купила уже три десятка яиц...

А сегодня муж решительно заявил, что она оставляет ему только два выхода: или обрасти перьями и закукарекать, или развестись с нею. Если даже Ирина мужа и не любила (точно она и сама не была уверена), то, по крайней мере, ценила и уважала, привыкнув за двенадцать лет супружеской жизни. И вопреки удалой фамилии изменяла крайне редко и очень осторожно.

Даже к подругам не пойти было поплакаться – сама осложнила в последний месяц отношения, приходя в гости и, рассказав забавный этот случай, предлагая поэкспериментировать на кухне.

Ирине было тоскливо...

12. Комиссия по улучшению (окончание)

Тем временем комиссия, всячески обсудив варианты размещения Моби Дика, наконец перешла к главному – к вопросу, как привести останки к виду, не тревожащему обоняние.

Слово передали Васе Скворушкину. Этот младший научный сотрудник, распределенный четыре года назад в НИИ, чем-то сразу не понравился Рогожину. И был сослан на абсолютно бесперспективное место – в институтский музей флоры и фауны. Скворушкин по роду службы часто имел дело с Центральной лабораторией таксидермии АН СССР (откуда и вернулся перед заседанием комиссии) и теперь докладывал о проработке там вопроса по превращению груды зловонных костей в красивый и гигиеничный скелет, достойный украсить новое здание.

Ясноглазый Вася краснел и запинаясь, впервые выступая перед корифеями НИИ. Но доходчиво изложил суть переговоров с таксидермистами и представил проект договора и смету расходов. Рогожин, ухватив машинописный листочек договора, стал быстро пробегать его глазами, стараясь скорее добраться до главного – до сроков и общей стоимости работы. Листок со сметой изучал Семага.

– Ты что мне принес? – загремел вдруг Рогожин на засмущавшегося Васю. С младшими научными сотрудниками директор не слишком выбирал выражения. – Они что там, вконец охренели? Двести семьдесят тысяч рублей! Да кто нам даст столько на такое дело?

Действительно, гигантское строительство грозило в ближайшие годы пожрать все свободные средства НИИ.

– А что это за гвозди такие, по сорок семь рублей за штуку? – подал голос вскочивший Семага. – Золотые они, что ли? Да еще швейцарской фирмы «Матисс» – у нас что, своих гвоздей не хватает? И почему эти гвозди трехлопастные? Это же гвоздь, а не вентилятор!

Защищая отечественных гвоздепроизводителей, Семага вошел в такой раж, что, сев, ухватился вместо своего дипломата за коленку Ирины Разгуляевой, торчащую из-под мини-юбки.

– Эти гвозди, скобы и штифты, Петр Николаевич, не золотые, а титановые, почти полметра длиной, – терпеливо стал объяснять Вася Скворушкин. – И предназначены для скрепления частей скелета. Не клеим же БФ их клеить.

БФ Вася использовал для мелкого ремонта экспонатов.

Семага недовольно фыркнул. Судя по всему, он доверял БФ больше, чем заграничной фирме «Матисс».

– Саботажники вы все, – грустно сообщил комиссии Рогожин. История с китом раздражала его все больше. – Ничего доверять нельзя, любое дело прогадите. Придется самому звонить Гринбергу.

И позвонил.

Илья Исаевич Гринберг заведовал Центральной лабораторией таксидермии, проще говоря, работал главным чучельником страны. Ответил он Рогожину ласково:

– Но, милейший Сергей Викторович, разве ваш сотрудник... э-э-э... Вася, все не объяснил? Здесь необходимы довольно сложные процессы по замене органических веществ в костях неорганическими. Ввиду размеров вашего... э-э-э... экспоната наши ванны для вымачивания не годятся. Придется использовать американскую технологию, с американскими же реактивами; все за валюту, сами понимаете.

Рогожин не знал, что сказать. И вдруг из глубин памяти всплыла спасительная мысль.

– А тюлень, а как же тюлень-то? – обрадованно вскричал он.

Действительно, скелет ископаемого гигантского тюленя, привезенный из Умбы пять лет назад, был обработан лабораторией за сумму, совершенно смехотворную по сравнению с нынешней. Тюлень, конечно, поменьше кита, но рост цен на порядок опережал рост размеров.

– Сергей Викторович, дорогой, – заворковал Гринберг. – Ведь тот тюлень был ископаемый, пролежал семьдесят тысяч лет в осадочных породах. И органика у него окаменела, естественным порядком заменилась минеральными солями. Вы закопайте своего кита на подходящий срок – и все в порядке, нам только глянец навести останется...

– На семьдесят тысяч лет? – мрачно поинтересовался Рогожин. Такой срок его никак не устраивал.

– Помилуйте, Сергей Викторович! Если оптимально подобрать pH и минеральный состав почвы, то потребуется, э-э-э, лет пятнадцать, не более. Ну, для полной гарантии – восемнадцать. И оставшиеся работы станут вам не особо дороже тюленя.

После короткой дискуссии на том комиссия и порешила.

Других вариантов не было, да и стройка займет немалую часть этих пятнадцати лет. Рогожин улетел дышать свежим морским воздухом в Мурманск. Семага, одев на следующий день морскую форму с кортиком и всеми регалиями, отправился третировать «Севзапгеологию», допытываясь о местоположении почв с заданными характеристиками. Вася мотался по районам области, выясняя, что, собственно, на этих почвах расположено. Разгуляева тайком продолжила яичные эксперименты – она была уверена в близком успехе.

Окружающую атмосферу комиссия так и не улучшила.

Только Вася Скворушкин проявил деловую хватку. Перед выездом на рекогносцировку он привез от таксидермистов три канистры с эмульсией и, вооружившись садовым опрыскивателем и респиратором, обработал зловонный костяк. Напрочь запаха это не отбило, но позволило хотя бы проводить погребальные работы без изолирующих противогазов.

13. Погребение

Похоронный кортеж получился внушительным.

Впереди неспешно катила милицейская машина с включенной мигалкой. За ней, осторожно объезжая ямы и выбоины, медленно ехал бортовой КамАЗ, нагруженный деталями скелета. Следом цистерна, заполненная ядовитой химией с непроизносимым, пятнадцатисложным названием. Гринберг уверял, что эта гадость, вылитая в приготовленный котлован, весьма ускорит процесс минерализации. Семага решил на всякий случай за грибами в те края больше не ездить. Далее, по порядку, следовали: ПАЗик с рабочими; автокран; институтская «Волга» с Семагой и Васей; еще одна милицейская машина.

Во избежание нездорового ажиотажа у местных жителей хоронить решили ночью, и замершие безмолвные улицы добавляли торжественности траурной процессии. Правда, венков с черными лентами, Шопена и орденов на подушечках не было.

Выбранное Васей место находилось недалеко, в окрестностях города-спутника Всеволожска.

Но катить пришлось через весь город, к тому же очень медленно, приноравливаясь к осторожничающему КамАЗу. Хорошо хоть не надо было тащить с собой технику для заравнивания загодя вырытого котлована – Вася подрядил бульдозер в местном совхозе. Директора совхоза Скворушкин по дороге ругал изобретательно и нецензурно.

Этот сельхозруководитель оказался представителем местной малой народности – вепсов. Вася был немало удивлен, узнав, что малые нации, оказывается, обитают не только на Крайнем Севере и Дальнем Востоке, но и под самым носом, в Ленинградской области.

Директор, достойный сын младшего брата в дружной семье советских народов, злонамеренно прикидывался простаком-аборигеном, таким добродушным дитем природы, плохо понимающим русский язык и не могущим взять в толк, что от него хотят. Дело спасла бутылка дефицитной «Посольской» водки, с бою взятая Васей Скворушкиным в огромной очереди и любовно сберегаемая к ноябрьским праздникам.

«Посольская» совершила с директором чудо. Непутевый сын малого народа мгновенно освоил язык межнационального общения и проник в суть проблемы, уверенно ткнув мозолистым пальцем в край заштрихованного на карте овала с нужными почвами.

Заверяя Васю, что на указанной пустоши можно захоронить сотни полторы китов без малейшего ущерба для земледелия и животноводства, прозревший вепс лихо и молодецкато вскочил за руль совхозного уазика, решив самолично отвезти упиравшегося Васю на осмотр местности. О подробностях этой веселой поездки (ноль семьдесят пять «Посольской» уже были употреблены директором по прямому назначению) обычно вежливый Скворушкин рассказывал малоцензурно.

– Да-а-а, знаю я эти малые народности, – прокомментировал Семага, оторвавшийся от тянувшегося за окном ночного пейзажа. – У меня вот тоже случай вышел лет десять назад с одним дитем гор...

14. Иностраннный легионер (история, рассказанная Семагой)

Попал к нам на лодку, Вася, один матрос с Кавказа. Не совсем обычно попал. Его милиция отловила на вокзале в Пятигорске. Проводили рейд с проверкой документов и замели здорovenного парня, грязного, нестриженого и голодного. Документов нет, по-русски не говорит. Попробовали несколько других местных языков – тоже бесполезно. Но милиционеров это не удивило. На Кавказе, Вася, этих языков и наречий – как разновидностей вируса гриппа. Бывает, на языке каком-нибудь говорит один-единственный аул высоко в горах. И больше никто в целом свете. А то и половина аула, а другая – на другом. Тут переводчиков не напасешься.

Ну, паренька помыли, подстригли, накормили, с трудом имя выяснили. Думают, что дальше делать. Проверили по ориентировкам – никто с такими приметам в розыске не числится. Подумали еще и отправили в военкомат – на вид парню лет двадцать, возраст призывной, а в армии явно не служил. После армии по-русски хоть немного, да кумекают. А в военкомате на медкомиссию – здоров как бык, и – призвали. Определили на флот, пусть послужит подольше, не шляется по вокзалам. А поскольку человек южный – на Северный флот, чтоб служба сахаром не казалась.

Так вот и попал он на лодку, где был я старпомом. Вообще-то в подводники всегда старались славян брать, причем желательно городских, со среднетехническим – те технику легче осваивали. Но в шестьдесят седьмом с личным составом очень напряженно было – «нерожденное поколение», может, слышал, Вася, такой термин? Призываться должны были дети тех миллионов, что в войну погибли... (Семага вздохнул. Война зацепила его своим краем – детство прошло в Молдавии, под румынской, затем немецкой оккупацией. Но повоевать Петя не успевал, даже сыном полка. А в мирное время ему, как вы знаете, не везло.)

Так что гребли тогда всех. И сразу призывников на корабли определяли, никаких тебе учебок по шесть месяцев. Попал наш горный орел в БЧ-3, к старлею Колыванову. Посмотрел старлей на этот подарок военкомата, выматерился от души и отдал парня старослужащим на воспитание. Те, конечно, Сухомлинского с Макаренкой не читали, но делать из салаг справных матросов умеют замечательно. Через полгода кавказец уже сносно объяснялся на русском, правда в основном в области мата да технических терминов. Но служба заладилась, обязанности свои освоил, старшего матроса ему присвоили...

Так уж получилось, что с лодки мы уходили почти одновременно, даже я чуть раньше – на повышение, свою лодку принимать... (Тут Семага снова вздохнул.) Ну а парень – на дембель. Форму подготовил соответствующую, альбом ему дембельский салаги нарисовали, все как положено. Уволился и отправился в штаб дивизии за документами на проезд к месту жительства. Но вернулся пустым – не дают документов, нет у них сведений о родном его селе, нии Мадаркесе, а ни района, ни области парень не знает. Знает одно – вокруг горы были, на горах снег лежал...

Колыванов с подчиненными крутоват бывал, но в обиду никому никогда не давал, тем более береговым штабистам. Взял толстенный подробнейший атлас мира, даже нежилые деревушки указаны – и сидит, изучает Кавказ, ищет Мадаркесе. И нашел-таки в горах недалеко от советско-турецкой границы. Но – с турецкой стороны.

Колыванов бегом к командиру лодки, кавторангу Поддубному. Так, мол, и так, уволившийся от нас старшина 2-й статьи Гарджулиев Гарджули Нуржаланович (так в военкомате бормотание призывника расшифровали) желает проследовать к месту рождения, а родился в Турции. Какие будут указания?

Ну, Поддубный указаний никаких не дал, а для начала перевернул всю базу в поисках переводчика – со словарным запасом старшины 2-й статьи ситуацию не выяснишь. И нашел в

батальоне береговой охраны парнишку подходящего, из советских курдов. Гарджули как его услышал, сразу на шею бросился – три с лишним года родного языка не слышал. Но тот к нему не слишком ласково – там у них свои сложности, роды всякие, кланы, кто-то с кем-то враждует... Но перевел все исправно. Интересная история выплыла, Вася.

Был парень действительно курдом. Турецким. Пас себе высоко в горах отару овец. Ночью в тумане сам не заметил, как умудрился перемахнуть вместе с отарой на нашу сторону. Утром огляделся – места чужие. Попробовал обратно – едва ушел от пограничников, бросив отару. Ночью попробовал еще раз, налегке – опять чудом ноги унес. Без овец дома ему ничего хорошего не светило, и двинул парень в глубь нашей территории. Занялся было знакомым делом – пас овец у каких-то местных богатеньких буратин, но те его по окончании сезона обманули, ничего не заплатили: иди, мол, жалуйся.

Откочевал этот голодный иммигрант с гор в долины – бомжевал по всему Кавказу, ночевал на вокзалах, подворовывал, побирался... И попал к нам.

А ты зря, Вася, улыбаешься. Ситуация хреновей некуда. Подумай сам – три года служил человек на лодке, с секретным оборудованием дело имел, в отличники боевой подготовки вышел... Подписок на нем повешено, за границу невыездной лет пять минимум... И тут вдруг выясняется, что это гражданин иностранной державы. Да не просто державы, а участницы агрессивного блока НАТО. Три года по боевому кораблю вероятный противник шастал... Тут погоны могли полететь, как листья осенью.

Можно было, конечно, выписать парню проезд до ближайшей деревушки и забыть этот разговор с переводчиком. Но слушок по базе уже пополз, да и помполит с Поддубным не очень ладил, тут же настучал в штаб дивизии. Ему же первому хвост и накрутили. Где было, говорят, чутье твое классовое, как не распознал чуждого элемента? Беседы с ним проводил? Проводил, не отпирайся, вон отчетов целая папка. Так что пакуй, голуба, чемоданы, есть у нас корабли поменьше и точки посвернее.

А потом комдив, каперанг Фролов, к нам прибывает и самолично за Поддубного берется. Та же песня: как допустил, отчего проглядел, почему не выявил...

Но Поддубный мужик крутой был. Войну в сорок первом юнгой начал, всех не воевавших командирами считал довольно условно... Так он, не вступая в споры, вызывает из кубрика трех матросов, все с Кавказа. Вот, говорит, товарищ каперанг, один из них наш вероятный противник Гарджулиев. Распознайте и определите, пожалуйста. Получится – готов идти под любой трибунал. За то, что из присланного военкоматом пещерного горца приличного матроса сделал.

Фролов аж позеленел от такого предложения. Но красней тут или зеленей, а решать проблему теперь ему, комдиву. Больше всего хотелось Фролову упечь парня лет на пять дисбата – как раз и срок подписки кончится. Но тот вроде человек уже гражданский, да и если вдуматься, был ли военным? Присягал-то ведь как гражданин Союза, имеет ли силу такая присяга? Сплошной юридический казус.

И пошла эта проблема наверх, до самого штаба флота. Там в паренька контрразведчики вцепились – не матерый ли это шпион, турецкий Штирлиц? А под пастуха неграмотного, мол, косил для маскировки.

По всему получалось, что сидеть парню свой червонец за нелегальный переход границы, а командирам его новые погоны покупать, на каких звезд поменьше.

Но тут приехали столичные гэбэшники и забрали парня. А нам, чтоб слухи не бродили, объяснили под подписку на закрытой информации, что никакой это не потенциальный противник, а представитель братского, но угнетенного курдского народа. И что станет он вести борьбу с турецкими империалистами в составе фронта национального освобождения. Выучка же наша боевая ему лишней в этой борьбе совсем не будет. Даже поблагодарили и руку пожали...

А ты говоришь – вепсы...

15. Погребение (окончание)

Много еще морских баек рассказал Васе впавший в ностальгические воспоминания Семага за долгую дорогу. Он весело, порой цинично шутил о бывших коллегах, уверенный, что навсегда распрощался с военной службой. Семага не знал, что ему придется еще раз покомандовать боевым кораблем. С вполне предсказуемыми, впрочем, последствиями.

* * *

Весна 92-го года стала критической для Приднестровской республики. Бои шли на окраинах Дубоссар, истекали кровью Бендеры. Кадровых офицеров среди дравшихся насмерть ополченцев (вчерашних рабочих, трактористов, виноградарей) не хватало катастрофически. Пятидесятилетний Семага, воевавший к тому времени в батальоне «Днестр» командиром взвода, принял под команду бронекатер, спешно переделанный из скромного речного рабочего серии «Тайга». Восьмиместный легкий катер «Тайга» совсем не предназначен воевать. Его дело – развозить грузы и пассажиров в расположенные по притокам отдаленные поселки. Но выбрать было не из чего...

...Третий выстрел из гранатомета прошел, как фольгу, семимиллиметровую «броню» и разнес двигатель, покончив с надеждами Семаги сняться с предательской мели. Рассветало.

– Плыви, Гриша... – прохрипел Семага и сплюнул. Плевков расплылся кровавой кляксой. Чтобы не упасть, Семага ухватился за рукоятки ДШК, установленного в носовой полубашенке. Головы остальных четырех членов экипажа медленно перемещались в сторону далекого левого берега. Слишком медленно – вода в Днестре была ледяная, а течение быстрое.

Гриша молча покачал головой и залег на палубе, пристраивая к пробоине фальшборта АКС с двумя магазинами, перехваченными синей изолентой. Он вообще был немногословен, этот парень из-под Черкасс, прошедший к тридцати своим годам Афган и рижский ОМОН.

Семага не стал спорить. Напряженно щурясь – очки валялись на палубе сиротливой кучкой золоченных проволочек и битых стекляшек, – он пытался понять, двоятся ли в его глазах кочки на берегу, или же это пятнистая форма молдавских полицаев – «румынов», как звали их приднестровцы. Стрельба пока прекратилась. Может, кончились выстрелы к РПГ, а может, румыны хотели захватить кораблик, прославившийся в последний месяц отчаянными ночными рейдами.

Но там, на берегу, были не кочки – рассветный туман вспороли автоматные очереди. Били не по катеру, фонтанчики от пуль потянулись по воде к плывущим. Семага закусил губу и выпустил первую гулкую очередь. Потом еще и еще. ДШК – пулемет устаревший, но его крупнокалиберные пули, с палец толщиной каждая, страшное оружие на полутора сотнях метров. Они разносили в мелкую щепу остатки деревянного причала, разбитые прибрежные камни разлетались во все стороны смертоносными осколками. Иногда пуля находила фигуру в камуфляже. Тогда у воссоединения с Румынией становилось одним сторонником меньше – бронезилеты на таком расстоянии не спасали. Когда ревуший ДШК делал паузу, были слышны скудные очереди автомата Гриши.

Через час после рассвета румыны, осатаневшие от сопротивления обреченной посудины, подтащили установку и саданули ПТУРСом. Попали с первого раза – в небо ударил столб пламени и металла, воды и крови...

...В День Военно-Морского Флота, приняв по первой и по второй за семь футов под килем и за славные былые победы, прежде чем спеть про гордый «Варяг» – поднимите молча сто фронтовых грамм и за капитана третьего ранга Семагу. Заслужил.

* * *

Бульдозер сбросил первые кубометры земли на разложенные в идеальном прижизненном порядке кости (Скворушкин не слишком верил в долговечность нанесенных черной нитроокраской сборочных номеров и решил подстраховаться).

– А знаешь что, Вася, – задумчиво сказал Семага, машинально снявший фуражку. – Пусть он так здесь и лежит. Не надо Рогожину его откапывать. Кости в земле лежать должны. Негоже им среди живых людей, совсем негоже...

Это было надгробное слово Моби Дику...

Эпилог

Прошли годы. Не пятнадцать и не восемнадцать – двадцать три. Последние десять из них НИИ океанологии медленно, но неуклонно шел на дно, погружался этакой неторопливой Атлантидой. Рогожина, правда, это уже не касалось. Рогожин за минувшее время стал членком, а потом и академиком, получил Героя Социалистического Труда и, наконец, уже в годы перестройки был избран защищать интересы советской науки на первый Съезд народных депутатов СССР.

Став народным избранником, Сергей Викторович примкнул к ярым демократам и стал делать политическую карьеру с тем же напором, с каким раньше делал научную. В те странные годы, когда одни профессора запросто становились мэрами многомиллионных городов, а другие обещались обустроить-одеть, накормить и развлечь огромную страну всего за каких-то пятьсот дней, – в это странное время восхождение Рожи-Рогожи к вершинам политического Олимпа никому ничего хорошего не сулило.

Спасла страну от очередного горе-реформатора скоростная смерть академика в девяностом году. Злые языки болтали, что инфаркт случился вследствие неяростных словесных баталий на съезде, но неумеренного чревоугодия усопшего...

За год до смерти Рогожин успел уволить Семагу, публично обозвавшего его «горбачевской подстилкой».

Савва Матвеевич, добродушный убийца китов, тоже умер. Причем как и мечтал – в море.

Потапычу-Буданову встреча с Моби Диком, наоборот, пошла на пользу. От полученного морального и физического шока Потапыч бросил пить. Абсолютно. Эмигрировав в сумятице перестроечных лет во Францию, занялся там любимым делом – работал на одном из заводов концерна «Смирнофф». И даже написал и издал книжку с простым названием «Самогон», в юмористических тонах повествующую о его алкогольных приключениях. Некоторые главы из этого мемуара печатал у нас журнал «Изобретатель и рационализатор»; многочисленные технические описания, впрочем, в редакции вырезали, опасаясь за судьбы отечественной ликероводочной промышленности...

Ирина Разгуляева по-прежнему трудилась в НИИ – до пенсии осталось два года, по совместительству подрабатывала в коммерческом ларьке. Даже слово «яйца» в ее чудом сохраненной семье находилось под запретом. Когда кто-либо из сослуживцев начинал чистить принесенное на завтрак крутое яйцо (столовую давно упразднили) – Ирина вставала и выходила из комнаты. Такая вот странная аллергия.

Любимое детище покойного Рогожина – новое здание НИИ превратилось в обыкновенный постсоветский долгострой, регулярно замораживаемый из-за отсутствия финансирования. Достроили его в конце концов на деньги частных инвесторов, которые и заняли под бизнес-центр большую часть площадей.

Несмотря на журчащий ручеек арендных денег, институт бедствовал. Едва хватало на зарплату сильно поредевшей армии самых стойких сотрудников. Фундаментальных исследований не велось, суда ржавели на причале или тоже сдавались в аренду. Иногда подкидывали какой-нибудь сугубо практический заказ чилийцы или южные корейцы, но и эти деньги уходили как вода в песок.

В бесплодных попытках найти еще что-нибудь, не проданное и не сданное в аренду, новое руководство НИИ вспомнило о ките. Вернее, вспомнил Вася Скворушкин. Впрочем, он был давно не Вася, а Василий Александрович – защитился, остепенился, заматерел, заведовал в институте отделом, дела в котором шли на общем фоне не так уж и плохо.

О мечте Рогожина – украсить китом достроенный вестибюль-переросток – речь не шла. Там уже размещался ночной клуб – не оглушительно-молодежный, но для солидных людей: с рулеткой, стриптизом и прочими атрибутами хорошей жизни...

Задумка была попроще: продать белого кита за границу, подпитав валютной выручкой умирающее учреждение. На сей предмет уже прошли с потенциальными клиентами предварительные переговоры.

Необходимо было проверить состояние товара.

* * *

Василий Александрович Скворушкин двигался в сопровождении четырех своих сотрудников по сильно пересеченному сельскому рельефу, напряженно пытаясь восстановить в памяти изрядно подзабытое местоположение гробницы Моби Дика. В правой руке он держал самодельную карту, на которой жирным крестом было обозначено захоронение. Плетущийся за ним практикант сгибался под тяжестью здорового диска двухсотметровой полевой рулетки. На плечах еще двух сотрудников возлежали колья с флажками, коими следовало отметить место будущих раскопок. Рядом семенила Елена Руслановна Хандова, последняя могижанша вымирающего племени научных энтузиастов.

Со стороны вся компания напоминала пиратов Джона Сильвера, рыщущих по острову Сокровищ в поисках золота Флинта.

Привязка карты к местности давалась Скворушкину с трудом. За двадцать лет сухие некогда лощинки заболотились, ровные полянки поросли противным мелколесьем. Продравшись через густой кустарник, он наконец увидел деревянные столбы линии электропередач, поднимавшейся на небольшой пригорок.

– Вот оно. На другом склоне этого холмика мы с Семагой тогда его и зарыли, – оповестил Василий Александрович запыхавшихся коллег.

Повеселевшие океанологи бодрой трусцой потянулись вверх по сухому склону. Но погубленный морской гигант приготовил им еще одну посмертную месть.

На обратной стороне холма стоял поселок, не отраженный ни на карте, ни в памяти Скворушкина. Двух- и трехэтажные особнячки из красного кирпича, витражные окна, красивые ограды...

– Но как же так, как же так, – запричитала Хандова. – Здесь ведь ничего не должно быть, ни в одном плане застройки не указано...

Скворушкин не отвечал, отсчитывая третий от вершины столб и возясь с компасом. Отдельные участки пустовали, на других виднелись только штабеля кирпича и прочих стройматериалов. Кит вполне мог быть под одним из незастроенных владений.

Напрасная надежда.

Стальная змея рулетки на шестьдесят восьмом метре уперлась в чугунную литую ограду, окружавшую стилизованное под замок детище новорусского барокко. Башенку замка венчал позолоченный флюгер в виде русалки с гипертрофированно развитой грудью. Вокруг лужайка с идеально подстриженной травой – никаких парничков и грядок.

Аккуратный альпинарий был украшен бронзовым бюстом. Вглядевшись, Скворушкин с удивлением узнал слегка шаржированное изображение президента Клинтона. Моники на обозримом пространстве не наблюдалось. Ну разве что русалка...

Нажатие кнопки звонка на воротах вызвало, как джинна из бутылки, мордастого и весьма упитанного организма, ведущего на коротких поводках двух ротвейлеров. Организм шествовал в футболке яркой попугайской расцветки и тренировочных штанах, поддерживаемых на круглящемся брюшке широкими, с ладонь, подтяжками. Штаны, хотя и потертые, и вытянутые

на коленях, в первозданном виде явно стоили не меньше месячного жалования Елены Руслановны.

Сообщение о том, что под его участком зарыт ценнейший научный экспонат – белый кит, владелец грудастой русалки воспринял как самую веселую шутку в своей жизни. Его залихватистый смех перемежался повизгиваниями, похрюкиваниями и похлопываниями по животу оттянутыми подтяжками. Хандова, раздраженная таким физиологическим весельем, повысила тон и пыталась предъявить институтское удостоверение. Она наивно полагала, что интересы науки превыше всяких особняков, русалок и альпинариев.

У мордастого было другое мнение. Шутка уже перестала смешить, и он потянулся к карабину на поводке ротвейлера, давая понять, что считает диспут законченным...

* * *

Случись такое в Потерянное Время, можно было бы поставить на этом точку. Пошли бы печально интеллигенты-очкарики писать бесплодные жалобы и плакаться чиновникам, подкупленным Мордастым.

Но Василий Александрович Скворушкин был российским ученым новой формации. Он, среди прочего, владел несколькими коммерческими фирмами, в свое время активно выкачивавшими деньги и материальные ценности из зашатавшегося НИИ, а теперь уверенно рассевшимися океан рыночной экономики. Одна из этих фирм и должна была посредничать в продаже Моби Дика. Понятно, с немалым для Скворушкина доходом. А крыша у него имелась надежная, уж всяко не хуже, чем у Мордастого.

Поиграв кнопками извлеченного из кармана мобильного, Скворушкин обменялся несколькими фразами с неведомым, но, судя по всему, весьма авторитетным собеседником. Затем, жестко выговаривая слова, сообщил Мордастому, где, когда и в чьем присутствии они будут разговаривать.

* * *

Второй раунд переговоров прошел в ресторане «Кочубей», что на Конногвардейском бульваре. Осознав свою ошибку в оценке незваных гостей, Мордастый был настроен миролюбиво. Он даже сам предложил разумный компромисс: в домике том живет он недавно, привыкнуть не успел, к тому же супруге место не нравится, ей хочется поближе к заливу. Короче, пусть Скворушкин забирает недвижимость, возместив ее стоимость плюс десять процентов за переезд и хлопоты.

Стриженные личности, наблюдавшие с обеих сторон за тем, чтобы переговоры оставались в рамках понятий, посовещались и решили, что предложение Мордастого справедливо.

Скворушкин и сам так считал. Его лишь возмутила непомерность цифры. Два года назад он приобрел гораздо более крутую дачку в соседней Финляндии за треть запрошенной суммы. Но тут же сделанные в агентства по недвижимости звонки подтвердили: да, примерно столько такие коттеджи в тридцатикилометровой зоне от Питера и стоят. С учетом стоимости раскопок и предпродажной подготовки гешефт получался убыточный.

В общем, не договорились.

Утерев интерес к реализации Моби Дика, Скворушкин занялся другими делами – наклеивался жирный грант для института от зарубежных экологических фондов. Надо было провести исследования, доказывающие, какую смертельную угрозу для экологии Мирового океана представляют остатки Российского военно-морского флота...

Мордастый же (носящий, кстати, в определенных кругах образованное от фамилии прозвище Клинтон), расслабляясь в теплой компании, любил прихвастнуть приятелям, что под

домом его зарыты кости древнего монстра, стоящие немеряных бабок. И если дела, тьфу-тьфу-тьфу, пойдут вдруг плохо, он, Клинтон, сам вооружится штыковой лопатой и предпримет в подвале раскопки...

Друзья не слишком верили – Клинтон был не дурак соврать, известное дело.

* * *

Пройдут годы. Пройдут века. Может быть, пройдут тысячелетия.

Время, стершее с карты великую страну, сотрет мимоходом и краснокирпичные новорусские поселки. Археологи грядущих эпох будут с благоговением извлекать из культурного слоя обломки финских унитазов, японских стереосистем и прочие раритеты конца XX века. И натолкнутся на останки Моби Дика. Какой-нибудь ученый муж защитит на этом факте диссертацию о возможности обитания гигантских китообразных в пресноводных водоемах Карельского перешейка...

Может быть, найдется в будущем свой Рогожин и решит украсить белым гигантом новый храм науки, опять забыв, что костям лучше лежать в земле...

А океан будет так же неторопливо катить свои волны – что ему людская суeta и мелкие заботы. Но только не надо будить Демонов Моря...

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В БЕЛЫХ КИТОВ, ГОСПОДА!

Даля Трускиновская

Бедные рыцари

Все было очень плохо.

Рожь и ячмень, не тронутые градом, всю колосились, ни один теленок не подох, грибицы приносили из леса полные корзины хороших грибов и сушили их под навесами. Зрели яблоки, зрели груши, вообще все зрело и наливалось, прямо трескалось от хмельного золотого сока, а зачем?

Этой осенью в деревне решительно некого было женить и выдавать замуж.

Вернее, были и парень, и девушка почти подходящего возраста, но – брат и сестра. К тому же девушка старше парня на два года, а для деревенского жителя жена, которая старше, – неприемлемое диво, вроде коровьего седла или башмаков для зайца.

Об этой беде и толковали тетki у колодца, когда самая глазастая увидела вдали на дороге всадников.

– Проклятая фея... – пробормотала она. – Кума Пруденция, беги-ка домой и прячь своих!

– Пусть в лесу укроются! – кричали вслед убежавшей куме соседки. – В старый колодец пусть залезут! На пасеку пусть бегут, на пасеку!...

Пруденция, плотная и краснощекая, как и полагается крестьянке, все лето работающей на свежем воздухе и получающей на ужин миску каши наравне с самым здоровым мужчиной, оставила ведра и понеслась домой так, как не бегала и девчонкой.

Ее старшая, семнадцатилетняя Марция, чистила хлев. У низких дверей лежала куча свежего торфа для подстилки, и старший из сыновей, Гай, как раз выгружал тачку. За торфом ходили на старое болото, использованный же складывали на краю огорода, чтобы весной вывезти на поля. Там росла куча – такой ширины и высоты, что ею можно было гордиться. Ни у кого в деревне больше не было столь знатной и пышной навозной кучи.

– Дети, дети, бросайте все! В лес, на болото, живо! – приказала Пруденция. – Дочка, давай сюда вилы, я сама встречу эту чертову фею!

Марция вышла из хлева.

Это была крепкая и румяная крестьянская девица на выданье, очень злая из-за того, что в деревне для нее не было жениха.

– Да хоть к фее, хоть к болотным чертям, лишь бы не сидеть тут с вами! – заявила она. – Наломался по уши в навозе, а что проку?

– А вот пошла бы к отцу Тибурцию грамоте учиться, давно бы тебя в девичью обитель взяли, – отрубила мать. – В Уэльсе вон, слыхано, построили новую, так сестры живут лучше, чем в раю, и кормят их знатно, и все в шерстяных рясах ходят, в теплых суконных плащах!

– Да не хочу я ни в какую обитель...

– Пошла, пошла отсюда! Стану я еще слушать, чего ты хочешь, чего не хочешь!

Но Марция не унималась, и, когда прибежал, бросив тачку на огороде, Гай, она уже ревмя ревела от двух крепких материнских оплеух. А рука у Пруденции была тяжеленная.

Гай, такой же коренастый, как мать и сестра, выглядел как раз на свои пятнадцать – руки-ноги уже выросли, как у взрослого, плечи и туловище за ними не поспевали. Густые и жесткие рыжеватые волосы были полны мелкого сора – не причесываться же лишний раз, хватит того, что вечером мать даст гребень и присмотрит, чтобы из-за уха не торчали сухие еловые иголки.

– Бери сестру, бегите в лес, – приказала Пруденция. – Фея, того гляди, нагрянет! Живо, живо, живо!

Гаю было всего пятнадцать, о женитьбе он не задумывался и повода для ссор с матерью пока не имел. Взяв рыдающую Марцию за руку, он потащил девицу прочь со двора, да всё скорее, всё скорее – так что через луг они уже бежали во весь дух. А лес был прямо за лугом – если забраться на скамью у ворот, то видна опушка.

Пруденция вздохнула с облегчением и подняла брошенные дочкой вилы. Хозяйство у них с мужем было хорошее, крепкое – три лошади, две коровы и телочка, десять овец, свинья с поросятами, да еще птица – гуси, куры, утки. Обычно нанимали работников. Сейчас работники вместе с супругом, Юнием Брутом, повезли в господский замок хворост из леса, сено и гусей в клетках.

В хлеву уже был вычищен целый угол, и Пруденция взялась за следующий. Скотину пасли младшенькие, и она хотела до вечера, до возвращения своих пастушков, повыкидывать из хлева всю старую подстилку, лежавшую толстым плотным слоем в полфута, не меньше.

Скоро ее окликнули со двора.

Она неторопливо вышла. Так и есть – фея Моргана, верхом на сером коне, в сопровождении придворной дамы и двух пажей. Невзирая на жару – в алой бархатной мантии, прикрывающей конские бока и почти достающей до копыт. Темные кудри ниспадали на мантию из-под золотого венчика, белоснежные руки уверенно держали нарядные фестончатые поводья, но в этой благородной красоте было нечто пугающее.

– Где твои дети, Пруденция? – звучно спросила фея.

– А я их отослала, милостивая госпожа, – бойко отвечала крестьянка.

– Куда же ты их отослала?

– К родственникам, в Корнуэлл.

Огромные синие глаза феи прищурились весьма выразительно.

– И для чего, позволь спросить?

– А для того, что тут для Марции жениха нет, да и Гая учить надобно. Пусть поживут у родни, наберутся ума...

– А ведь ты врешь, Пруденция.

– Отослала детей, – мрачно повторила крестьянка.

– Не хочешь, чтобы они мне в замке служили?

Ответа не было.

– Ну что же вы за люди такие? Плохо ли вам живется? Разве не в замке покупают все, что у вас есть на продажу, и платят хорошие деньги?

– Вы всех в замок забираете... мы не для того детей рожаем...

– Разве им там плохо?

– А никто не знает! Вы же, госпожа, их оттуда не выпускаете! Сколько парней и девиц забрали из деревни – никто еще не вернулся! И отцы в замке сколько бывали – ни разу никого не встречали!

– Вам не угодишь, – возразила фея Моргана. – Сразу же был договор: замок покупает у вас все, что дают хлев, птичник, поле и огород, а за это дети служат в замке и живут там на всем готовом. И нет нужды возить зерно на ярмарку в Северный Уэльс, чтобы на обратном пути разбойники отобрали у вас кошельки и лошадей!

Пруденция могла возразить лишь одно: зато тогда дети жили при родителях и в деревне каждую осень справляли свадьбы. Но фея Моргана вдруг подняла руку в богато расшитой перчатке. Это был знак: молчи, дура, не до тебя...

А другой знак был дан свите, и он означал: за мной!

Фея, ее придворная дама и оба пажа поскакали к лугу, через луг – к опушке, и скрылись среди деревьев.

Пруденция так и осталась стоять, разинув рот.

Меж тем к ее двору приближалась странная процессия.

Первым ехал шагом на крошечном осле карлик в пестрейшем наряде: одна штанина желтая, другая лиловая, блио с гербом – всех известных Марции цветов, правый рукав зеленый и по локоть, левого нет вовсе, а плащ – серый, дорожный, и оторочен потертым мехом.

В поводу этот карлик вел рыцарского коня – обычного коня в конской броне. А вот в седле сидел человек в доспехах, без шлема (шлем висел у седельной луки) и с завязанными глазами.

Далее ехала дама в глубочайшем трауре – даже черная вуаль была двойной. Ее сопровождали два оруженосца.

– Скажи, поселянка, далеко ли до Змеиного леса? – так обратился к Пруденции карлик.

– Три мили вдоль речки, потом взять вправо, там будет развилка, и от развилки десять миль, – подумав, доложила Пруденция.

Рыцарь с завязанными глазами достал из кошель и наугад бросил ей золотую монету. После чего карлик повел его коня дальше, и процессия миновала ворота крестьянского двора.

Пруденция, покопавшись в грязи, подобрала монету, и вовремя – один из оруженосцев уже скакал к ней, причем дурное намерение было у него написано на роже такими крупными буквами, как в большом церковном молитвеннике.

– А шиш тебе, – сказала Пруденция, выставляя вперед навозные вилы. – Разлетелся!

– Дура, был же уговор!

– Знать не знаю никаких уговоров.

– Твой муж подписал условие...

– Вот с Юнием Брутом и разговаривай, а я знать ничего не знаю. Пошел вон отсюда, а то закричу!

Рыцарь с завязанными глазами еще не так далеко убрался, чтобы не услышать вопля здоровой глотки, привычной на лугу перекликаться с косарями, а на озере – с рыбаками.

– Допросишься, – сердито пообещал оруженосец и поскакал догонять свою процессию.

Пруденция долго еще не опускала свои вилы.

Монета пришлась кстати – Марцию и впрямь следовало бы отослать к родне. В семнадцать лет девица должна быть замужем – и все тут. А золотой – это два красивых платья, две пары башмаков, зимняя накидка и много прочих вещей, необходимых невесте для полного счастья. Будут эти вещи – глядишь, и жених найдется.

* * *

Марция и Гай далеко от опушки не убежали – стояли тут же за березками и смотрели на луг.

– А я тебе говорю – что мы тут хорошего видим? Что, кроме навоза? – спрашивала, еще всхлипывая, Марция. – И всю жизнь будем в этом хлеву торчать, и помрем в этом хлеву, и в навозной куче нас закопают!

– Тихо ты, дура, – отвечал ей на это брат. – Нудишь и нудишь... нудишь и нудишь... и замуж тебя никто не возьмет...

– Так некому же!.. А ты – дурак! И никто за тебя замуж не пойдет!

– Больно надо! А ты сметану ночью воруеть!

– Сам ты сметану воруеть!

Они отвлеклись от наблюдения и не заметили, что через луг проскакала на сером своем жеребце фея Моргана, а за ней – свита. Тропинка вывела всадников как раз туда, где стояли брат с сестрой.

Гай и Марция могли бы хоть пригнуться, но им было не до материнских наказов – они дрались. Сестра дала братцу пощечину, брат заехал ей в плечо кулаком. Фея придержала коня и строго приказала прекратить безобразие.

– А что он?!. А что она?!. – услышала в ответ фея.

– Вы со двора Юния Брута?

– Да, госпожа.

– Так это вас не хотят отпускать на службу в замок?

Гай еще только собирался сказать что-то умное, а Марция уже бросилась на колени прямо под конские копыта.

– Возьмите меня с собой, госпожа! – воскликнула она. – Я полы мыть буду, простыни стирать, я умею! Я и большую печку топить умею, и за скотом ходить, только заберите меня отсюда!

– Вот так-то лучше, – сказала фея. – Заберу, конечно. Что тебе тут делать? Громерта, возьмите девицу на круп своего коня.

Марция, поднявшись с колен, направилась было к придворной даме, но ей сказал: «Сюда, милочка!» рыжеволосый паж, и она с изумлением поняла, что паж – переодетая девушка, немногим ее старше.

– Так не пойдет, госпожа! – возразил Гай. – Мать не хочет, чтобы мы шли служить в замок!

– По уговору, замок покупает у деревни все, что дают хлев, птичник, поле и огород, а деревня отправляет парней и девушек на службу в замок, – отвечала фея. – Твоей матери это не нравится, но твой отец Юний Брут подписал уговор. Так что я забираю девицу, а ты передай матери, что через два года и твой черед настанет. Слышишь? И не сердись на меня!

Гай попятился. О могуществе феи Морганы рассказывали всякое. И смотрела она так грозно, что впору под землю провалиться.

Марция меж тем взобралась на конский круп и крепко обняла фальшивого пажа.

– Скажи им всем, что я больше никогда не вернусь! – крикнула она и добавила из чистой вредности: – А ты дурак, дураком останешься и помрешь на навозной куче!

Гай кинулся стаскивать сестру с коня, но хлыст феи Морганы коснулся его плеча – и парень окаменел. Он лишился не только движения, но и голоса.

Несколько минут Гай мог лишь смотреть, как всадники уезжают по лесной опушке. Потом тело стало оживать.

Сестру увезли уже довольно далеко, когда он окончательно пришел в себя.

Конечно, можно было вернуться к матери, все ей рассказать – и получить знатный нагоняй. Если бы Марция при всех не назвала его дураком, он бы так и сделал. Но его оскорбили при знатных девицах – и он сильно разозлился.

Крестьяне – и вообще-то упрямый народ, а Гай был к тому же сыном Юния Брута, самого норовистого в деревне хозяина, и жену взявшего себе под стать. Поэтому парень без лишних рассуждений отправился в погоню. Всадники были уже далеко – но он их видел, и этого ему пока было довольно.

* * *

Марция редко выезжала из деревни. Пресловутый уговор был заключен еще до ее рождения, и потому она даже на больших ярмарках не побывала. В замок феи Морганы – и то ни разу не сходила, хотя замок стоял неподалеку, в двенадцати милях от дома. А что такое двенадцать миль для крестьянской девицы? Да она их и не заметит, особенно если будет на ходу, как принято у пастушек, плести пояс.

Поэтому Марция вертелась на конском крупе и наслаждалась новым миром, открывшимся перед ней так внезапно.

За полями и рекой был лес, дорога прямо приглашала следовать по ней и часть пути проехать лесом, но въезжать в лес фея Моргана не пожелала, и всадницы, свернув с пути, обо-

гнули его по опушке, разве что около полумили проехали молодой рощицей. Марция догадалась, что это либо Змеиный лес, либо лес Трех Великанов, либо, на худой конец, лес Ночных Свистунов. Вот родители – те знали, где какой, и, когда странствующие рыцари забредали в деревню, всегда умели их направить в нужную сторону. А Марция знала только один большой лес неподалеку от дома, да и тот – безымянный. Ходить туда приходилось с опаской – в уговоре было сказано, что деревенские жители могут собирать грибы и ягоды только на опушке.

Наконец добрались до замка. Девушка-паж Громерта протрубила в рожок, ей ответили с надвратной башни, опустили мост, и всадницы въехали в замковый двор.

Марция сползла с конского крупа и стояла, озираясь по сторонам. Выходит, здесь ей теперь предстояло жить, в каменных башнях с небольшими окошками... Но здесь все ходят в башмаках – это она заметила первым делом. Женщины, проходившие через двор с корзинами, и женщины, принимавшие коней, и женщины, развешивавшие по стенам какие-то разрисованные полотнища, – все были обуты! Опять же, и одежда у них была добротная, и выкрашена не травками и корнями, а городскими красками, потому такая яркая. Марции захотелось жить тут, с этими женщинами, красиво одеваться, знать все новости здешней жизни, особенно про женихов.

– Лота, отведи Марцию к Балиане, пусть выдаст ей рабочее платье да подгонит по фигуре, – распорядилась фея Моргана. – Она девушка статная, вот только руки... тут нужно что-то придумать...

Действительно, широкая исцарапанная и загорелая ручища Марции мало была похожа на белоснежную и изысканную кисть феи.

– Пойдем, – сказала девушка Лота. – Мы до вечера должны с тобой управиться.

– Я работы не боюсь, – отвечала Марция, – и переодеваться незачем. Вот эта юбка у меня рабочая, и эта рубашка тоже. Где тут что надо делать?

– До ужина ничего делать не придется, – успокоила Лота. – Я научу тебя ходить и кланяться. А Балиана приготовит платье.

– Кланяться-то зачем?

– В королевском замке на каждом шагу поклоны, а ты будешь в свите дежурной дамы, – объяснила Лота.

– Я – в свите дамы?!

Но этот восторг несколько минут спустя уступил место иному восторгу: Марция увидела свое рабочее платье. Оно было бирюзовое, с длинными и широкими рукавами, с накладным воротником, утыканным позолоченными бляшками и большими круглыми камнями, красными и зелеными, а главное – оно было до пола, не то что крестьянский праздничный наряд, из-под которого чуть ли не весь чулок видно. Выдали ей и мягкие кожаные башмаки с завязками.

– Рукава укорачивать не будем, – деловито сказала Балиана. – А то лапы у нее – как вареные раки. Ну-ка, пройдишь... ох, нет, кто же так ходит? Ты ступай ровненько, спинку выпрями...

Марция понятия не имела, что ходит неправильно и что можно ходить как-то иначе. Лота с Балианой гоняли ее немилосердно, показывая правильную поступь и тыкая Марцию кулачками то в поясницу, то в загривок, так что и сами взмокли от усилий. Наконец вроде стало получаться.

– Сядь, – велела Балиана и приладила к ее голове две длинные накладные косы невозможного цвета – почти белые, собственные же волосы Марции убрала под шапочку и еще накрыла сверху вуалью. – Ну, сойдет в полумраке, если не слишком приглядываться.

– Сейчас поедим и в дорогу, – сказала Лота. – Ты, главное, молчи и смотри в пол. Жди меня в трапезной, я скоро...

Она действительно обернулась быстро и пришла в таком же бирюзовом платье, как у Марции, и с такими же сомнительными косами. Более того – в трапезную явились и присели с

края длинного стола еще две особы, одетые точно так же, и в одной Марция признала девушку пажа Громерту.

Ужин был прескверный – не миска каши с поджаренным салом, как привыкла Марция, а какие-то жалкие хлебцы, кусочки сыра, мелко порезанные травки и отвар шиповника.

– Этак я не наемся и работать не смогу, – предупредила крестьянская девушка.

– Сможешь, – строго сказала ей Громерта. – А будешь много разговаривать – госпожа уста замкнет.

– Лучше бы сразу замкнуть, – посоветовала Лота. – Вставай, Марция...

Подошла дама в белом наряде, с удивительно белым лицом, каких на свете не бывает. Издали она показалась Марции дивной красавицей. А вблизи оказалось, что ее лицо словно вылеплено из белой глины. Выделялись только красные губы, которые, когда красавица заговорила, почти не двигались.

– Собирайтесь, девы, телега уже подана, – сказала эта странная особа и удалилась, неся свое белоснежное лицо с превеликой осторожностью – как бы от избыточного движения бровей или уст с него не полетели комки белой глины.

Четыре одинаково одетые девушки вышли из трапезной, а потом и из замка. Большая телега стояла уже за подъемным мостом. Дама в белом, госпожа Риона, забралась туда с помощью кучера. Марция пригляделась – и кучер тоже был переодетой женщиной.

– Помажь за ушами, да только не слишком много, – шепнула Лота, вжимая в ладонь Марции стеклянный пузырек.

– А я не оглохну?

– Нет, это для приятного запаха.

Телега тронулась с места, Марция, приноравливаясь к ее колыханиям, вынула притертую пробку, понюхала – и ей стало безумно жарко. Слезы хлынули ручьем, в носу засвербело, звонкий чих сотряс все ее тело, и другой, и третий.

– Этого еще не доставало! – воскликнула дама Риона. – Откуда только привозят таких несчастных дур?

Достав из-за пояса палочку в палец длиной и с шариком на конце, она забормотала и ударила этим шариком Марцию по носу. Чих, готовый вылететь наружу, застрял где-то внутри и принялся буянить. Слезы так и текли. Марция перепугалась до полусмерти, и в голове было одно: бежать, бежать отсюда!

Она соскочила с телеги, но Громерта бросилась следом и поймала ее.

– Пошла назад! Не будешь слушаться – отдадим дракону! – пригрозила она и для убедительности оскалилась и зашипела.

Марция уставилась ей в лицо, но лица уже не было – а была чешуйчатая морда, зеленая с черными пятнами, с красными ноздрями, с прижатыми острыми ушами, с длинными змееобразными усами – четыре справа, четыре слева. Марция ахнула и ноги ее подкосились...

* * *

Неподалеку от леса Гай потерял из виду фею Моргану со свитой. Некоторое время он шагал, не беспокоясь, потому что деваться им было некуда – дорога шла все прямо и прямо, без развилок и перекрестков. Наконец парень оказался на опушке.

Дорога вела в лес, и он преспокойно углубился в чащу, опять же, не испытывая никакого страха. Во-первых, днем хищники отсыпаются, во-вторых, на поясе широкий нож, в-третьих – если тут разбьезжают дамы на лошадях, значит, место совершенно безопасное.

Не прошел он и сотни шагов, как увидел стрелку, вырезанную на коре большой ольхи. Стрелка указывала на почти незаметную тропинку. Решив, что такая тропинка – не для конных, и непохоже, чтобы по ней только что прошли четыре лошади, Гай двинулся дальше.

Шагов он, конечно, не считал и не мог бы сказать, на каком расстоянии от стрелки дорога раздвоилась. На развилке стоял большой валун, обычный серый валун, какие порой вылезают прямо из глубины земной посреди пашни. Но этот был перемазан в красном. Гай присел на корточки и разобрал снизу несколько кривых букв. Прочие были смыты дождем.

Буквы сложились в слово «подвиг».

В отличие от сестры, Гай учился грамоте две зимы. Внятно написанное слово он мог прочесть без большого труда. А вот слово, в котором недоставало букв, особенно в начале, было для него непреодолимо и потому страшновато.

Гай отошел от камня и задумался. Следовало выбирать дорогу, и надпись определенно давала какие-то советы, но поди ее теперь разбери.

Тут послышался скрип колеса. Гай обрадовался – теперь хоть будет у кого спросить о замке феи Морганы. Но когда он увидел, кто сидит на краю тележки, правая крупным ослом, то спрашивать уже не пожелал, а, наоборот, – отступил и забрался в малинник.

Деревенский житель прост и боится вещей непонятных и некрасивых. Известно, кто и для чего сотворил карликов, ростом человеку чуть выше пояса, известно, кто их снабдил такими страшными рожами, а главное – для чего им рот от уха до уха. И это бы еще полбеды – а вот почему их держат при себе знатные господа, наряжая лучше, чем родных деток, совершенно непонятно.

Карлик остановил осла, сполз с тележки, снял ведро и поставил у камня. Макая туда тряпку, он смыл остатки букв, протер камень насухо другой тряпкой, взял горшок с краской и кисть, принялся списывать с пергаментного клочка слова. Камень был шершав и неровен, зеленые буквы ложились как попало, но карлика это мало беспокоило.

– «Сей подвиг уготован рыцарю, – шепотом прочитал Гай, – который разгадает загадку».

И далее карлик вывел такие слова: «Кто в черном царстве красный рыцарь?»

Гай даже рот разинул: все деревенские дети скажут, что это морковка. Что же за рыцарь должен прочесть загадку – новорожденный, что ли?

Карлик сунул кисть в горшок, забрался на тележку и заставил осла развернуться.

– Камень подновили, дракона покормили, с озером разобрались, черного рыцаря навести... Ну, поехали домой, Серенький, – приказал он. – Живо, живо!

Осел все понял и перешел на довольно шуструю рысь.

С тележки слетело что-то белое, но упало не на дорожку, а на куст, совершенно беззвучно, так что карлик не заметил пропажи.

Гай подождал немного и выбрался из малинника. Теперь он хоть знал, какая из дорог ведет к замку феи Морганы. Кто, кроме нее, будет держать карликов и посылать их кормить дракона?

То, что своей тяжестью промяло густой куст почти до земли, оказалось отрубленной чуть выше локтя рукой в белом парчовом рукаве.

От рукава тянулись какие-то веревочки с железными штуковинами вроде шутовских бубенцов на концах.

Ужаснувшийся Гай, сам не ведая для чего, подошел поближе. Он впервые в жизни видел отрубленную руку, его трясло от возбуждения, но неведомая сила влекла его разглядеть получше эту страшную находку. Он нагнулся над кустом и задел ветку.

Тонкие веточки под рукой разошлись и она тяжело упала на землю. Тут и обнаружилась, что рука-то живая!

Длинные белые пальцы сгибались и разгибались, словно шаря в воздухе незримую добычу.

Гай попятился и кинулся бежать без оглядки. Ему казалось, что рука по воздуху летит следом и собирается оборвать ему уши – и это в лучшем случае. Наконец он споткнулся и упал.

– Ты кто такой? – спросил густой мужской голос. – Откуда ты взялся?

Гай приподнялся на локте и увидел склонившегося над ним черного рыцаря.

– Я Гай Брут... сын Юния Брута... – пробормотал он. – Спасите меня, господин рыцарь! Там – рука!

– Рука – и что же?

– Рука! Мертвая рука! И шевелится!

– Мертвая рука шевелится? Любопытно... Ты у нас новенький, дружок? Вроде слышал я, фея говорила, что хочет посадить в лесу еще одного дракона. Или великана? А ты часом не сынок тетки Пруденции?

Рыцарь поднес к прорезям забрала нечто, скрытое до поры в железной перчатке.

– Пуфф... – сказал он.

Из шлема прямо в лицо Гаю вылетело облачко серого дыма...

* * *

Марция были лишена почти всего – дара речи, способности двигать руками, обоняния и желаний. Она могла только переступать ногами и выполнять приказы, глядя при этом в пол. Это был каменный щербатый пол галереи, опоясывавшей двор совершенно незнакомого замка, куда прибыли уже в полной темноте.

– Дайте ей край мантии, – сказала дама Риона. – А с тобой, Громерта, я потом поговорю.

– А что Громерта? Велите Громерте делать что-нибудь одно, а не дергайте ее – сегодня в лес на дежурство, я еще днем должна была Бомейну сменить, завтра с рыцарем в странствие, послезавтра большая стирка! – огрызнулась девица-паж. – А заклятие-то отменять никто не станет!

– Бомейна должна дожидаться рыцаря. Ты его так не встретишь, как она. Который год служишь – с огнем обращаться не умеешь, – упрекнула дама Риона. – Подавай-ка мантию живее!

Мантия оказалась десяти футов в длину, из белой парчи с голубым подбоем. Громерта накинула ее на плечи даме Рионе, застегнула на шее пряжку, затем очень осторожно развернула ткань, а Лота, подведя Марцию, вжала ей в кулак тесемку, пришитую к краю.

– Держи и не смей выпускать.

Затем все построились: впереди маленький паж с факелом, за ним дама Риона с подносом, на котором был водружен рыцарский шлем, за ней попарно девицы, несущие мантию. Женщина-кучер достала из приколоченного спереди к телеге ящика рог и протрубила сигнал.

Минуту спустя прозвучал ответ – такой же скрипучий и срывающийся в писк.

– Идем, – велела дама Риона.

Марцию подтолкнули – она и пошла.

Процессия неторопливо прошествовала по галерее, свернула в арку, пересекла небольшой зал со щитами на стенках и встала перед огромной двустворчатой дверью.

Дверь охраняли двое мужчин в доспехах.

– Доложите его величеству, что пришла дама, угнетенная несчастьями и страждущая! – скорбным и звучным голосом потребовала дама Риона.

Дверь распахнулась.

– Дама, угнетенная несчастьями и страждущая, к его величеству! – доложил герольд.

Марция, получив пинок от Лоты чуть ниже спины, побрела в зал.

Если бы она подняла голову, то увидела бы помещение, убранное, на деревенский взгляд, роскошно: стены в огромных тканых гобеленах, изображающих охоту; камин – такой, что туда на телеге въехать можно, и в нем полыхает настоящий пожар; главное же – стол посреди зала, величиной с ток для молотбы, причем круглый.

За этим столом сидело человек пятьдесят рыцарей, все длинноволосые и кудрявые, и они разом повернулись к двери, а один встал и медленно погладил ладонью седеющую бороду.

– Прекрасная дама, что привело вас к моему двору? – спросил этот мужчина. – И что означает шлем, который вы принесли сюда?

– Этот шлем я ношу как знак моей вечной скорби, – отвечала дама Риона. – Я не смогу освободиться от него, пока не найду рыцаря, весьма доброго в своих делах и мыслях, без греха, измены или злых помыслов, который сможет надеть этот шлем на голову и совершить великие деяния. При многих дворах я побывала, но никто не сумел надеть шлем, и я надеялась, что в Логрии, при дворе короля Артура, найду хотя бы одного истинного рыцаря.

– А что за приключение связано с этим шлемом? – полюбопытствовал бородатый мужчина.

– Тот, кому шлем придется впору, на рассвете выедет из замка в одиночестве, и отправится искать лес Зачарованного озера, и въедет в лес, и окажется на берегу озера, и там он увидит, как сражаются два призрака, белый и черный. И если рыцарь сумеет победить черный призрак, то перед ним откроется дорога, ведущая к замку, где ждет освободителя юная дева, и дева скажет ему, что он еще должен совершить, чтобы низвергнуть зло и взять ее в жены, – объяснила дама Риона.

Рыцари за столом загалдели.

– Пусть это будет мое приключение! Нет, я слишком долго ждал этого приключения! У меня уже два года ни единого приключения! – слышала Марция хриплые голоса, но поднять голову и хоть раз взглянуть на рыцарей – не могла. Все ее способности сейчас сосредоточились на одном – не выпустить из рук край роскошной мантии.

– Доблестные рыцари, приключение уготовано тому, кто сможет надеть шлем! – повторила дама Риона. – Коли угодно, попытайтесь, а коли нет – я пролью слезы и пойду искать дальше рыцаря, который освободит мою несчастную дочь...

Тут за круглым столом стало тихо – сотрапезники осознали, что дама в белом собирается стать кому-то из них тещей.

– Позвольте одному из моих рыцарей надеть этот шлем, – сказал бородатый хозяин застолья. – Сэр Гарайн! Вы уже три года мечтаете о подвиге...

Немолодой рыцарь выбрался из-за стола и без особой охоты подошел к даме Рионе. Взяв с подноса шлем, он попытался надеть его, но голова не проходила в отверстие, казалось бы, достаточное и для пивного бочонка.

– Нет нужды и в половине этих усилий, рыцарь, шлем предназначен иному. – С тем дама Риона, поставив поднос на табурет, сняла с сэра Гарайна шлем, и он с явным облегчением вернулся на место.

Еще несколько рыцарей поочередно примерили шлем. Марции немного полегчало, она стала прислушиваться к речам, поглядывать на мужчин и вскоре сообразила, что бородатый хозяин – король ее страны Логрии, Артур, прочие же – его друзья и вассалы, о которых рассказывают дивные истории – как они отгоняют от границ Логрии великанов, драконов, злых полководцев и колдовские наваждения.

Правда, она не сразу в такое диво поверила. Вся деревня знала, что Логрия огромна, что столица Камелот с королевским дворцом и знаменитым Круглым Столом – как раз посередине и до нее добираться по меньшей мере две недели. А тут – к вечеру доехали до замка Феи Морганы, а незадолго до полуночи уже прибыли в Камелот? Колдовство колдовством, но телега же не по воздуху летела, а, наоборот, перемещалась довольно медленно и даже весьма тряско.

Дурочкой Марция не была, просто деревенская жизнь не давала большого простора уму. А вот как пришлось рассуждать о чем-то более возвышенном, чем навозная куча, так и оказалось, что ей даже нравится вспоминать подробности и сопоставлять всякие сведения.

А еще ее внимание привлек стол, накрытый для рыцарского пира. Она отродясь не видела столько жареного мяса сразу. Его должно было бы хватить для целой армии, и Марция, которая дома видела мясо далеко не каждый день, сглотнула слюнки и возмечтала: вот бы эти знатные господа догадались угостить гостью с ее свитой...

Наконец к даме Рионе подошел юный и очень взволнованный рыцарь. Похоже, он был за столом самым младшим – да и самым красивым тоже. Дама взяла двумя руками шлем, рыцарь преклонил колено, все замолчали – вдруг стало понятно, что именно ему этот судьбоносный шлем придется впору.

Медленно, так медленно, что рыцари от нетерпения приподняли зады над дубовыми стульями и вытянули шеи, дама Риона опустила шлем на голову юного рыцаря и...

И ничего не получилось.

Вернее, получилось точно то же, что и с сэром Гарайном, и с прочими господами: край горловины шлема достиг бровей, а дальше – ни-ни! Дама Риона покрутила его вправо-влево, даже встряхнула – никакого толку, шлем упорно не желал наползать на голову юного рыцаря.

Дама Риона вернула шлем на поднос.

– Неужели за Круглым Столом нет ни единого рыцаря, достойного столь замечательного и достославного подвига? – горестно спросил король Артур. – Не испытать ли и мне судьбу?

Он выбрался из-за стола и пошел к даме Рионе, чуть прихрамывая, и, когда он был уже совсем близко, Марция слышала его дыхание. Король был немолод и страдал одышкой – какие уж там странствия в зачарованном шлеме, если для него обойти собственный стол – нелегкая задача?

Дама Риона достала из-за пояса палочку с шариком на конце, провела ею перед собой, изобразила в воздухе круг, забормотала, ткнула в серединку этого круга засветившимся шариком – и в зале настала полнейшая тишина.

Рыцари окаменели, а король Артур застыл, не опустив на пол поднятую ногу в домашнем мягком башмаке.

– Держи, – сказала Громерта и дала Марции свой край парчовой мантии. – Госпожа, вас же предупреждали!

– Скорее, скорее! – приказала дама Риона.

Громерта сунула руку вовнутрь шлема, что-то там нашарила, пискнула, оцарапавшись, и вытащила маленький металлический шпенок.

– Я же говорила, что нарезка сорвана!

– Теперь он наденется? – спросила дама Риона.

– Теперь наденется, – подкручивая железную головку снаружи шлема, отвечала Громерта. – Погодите, я только мантию возьму.

Дама Риона изобразила в воздухе круг и произнесла невнятное заклинание.

Король Артур поставил ногу на пол и хмыкнул. Он явно не понимал, как здесь оказался.

– Вы должны собственноручно надеть шлем на голову самому достойному из юных рыцарей и благословить его на приключение, память о коем останется в веках! – подсказала дама Риона.

Король взял шлем, коленопреклоненный рыцарь подставил голову, и все совершилось в наилучшем виде.

– Встань, рыцарь Зачарованного Шлема, – повелела дама Риона, – и готовься совершить подвиг, равного которому не было в анналах Круглого Стола!

Рыцари загремели бокалами и тяжелыми деревянными кружками для пива.

– Да, шлема, пожалуй, еще не было, – согласился король Артур. – Были зачарованное копье, зачарованный меч, зачарованный щит, зачарованные шпоры... Где еще столько найдется магических зачарованных доспехов, как не в Логрии? Писец!

– Записываю! – отозвался из угла седовласый дедушка, преогромным пером царапающий страницу толстенной книги. – Только помедленнее, сэр, я не поспеваю...

– А теперь позвольте мне удалиться, – сказала дама Риона.

– Благодарю вас, прекрасная дама, – произнес король примерно так, как поблагодарил бы мажордома, велевшего внести блюдо с жареным кабаном и отпускающего слугу восвояси.

– А ужинать? – тихонько спросила Марция.

Ее подтолкнули, и она пошла прочь из зала, уже совершенно ничего не понимая.

* * *

Гай стремглав неся через лес. Он не оборачивался, но знал – за ним гонятся все силы ада. Наконец тропинка вывела его на озерный берег.

Гай встал, тяжело дыша, и огляделся по сторонам.

Озерцо было небольшое, настоящее лесное озерцо в ложбинке, в сумрачный день даже немного страшноватое – лишь малая его часть освещалась солнцем, почти все оно было укрыто густыми древесными кронами. На берегу лежал здоровенный, Гаю по пояс, камень, рядом с ним стоял горшок краски, из горшка торчала кисть. Но ни единого слова на шершавом каменном боку еще не было.

Противоположный берег был довольно крут, и над самой водой виднелась большая темная дыра – очевидно, вход в пещеру, занятую семейством драконов. Гай задумался – куда же дальше бежать-то?

Тут над головой у парня затрещало, зашелестело, он посмотрел вверх и увидел ноги. Эти ноги в зеленых чулках и стоптанных башмаках поочередно шарили по стволу в поисках то ветки, то удобного изгиба. И сразу же сверху рухнула к подножию дерева какая-то железная штукавина, обвязанная веревкой.

Гай на всякий случай отступил и спрятался за валун.

С дерева спустилась хорошенькая девочка лет четырнадцати, не более. Ее золотые волосы были собраны в узел, но узел разлохматился, в нем застряли веточки и всякая древесная шелуха. Одетая девочка была как городской мальчик – хотя довольно неряшливый мальчик, и Гай подумал еще, что городские вряд ли так ловко карабкаются по деревьям.

– Бабуля! Бабуля! – закричала девочка и даже замахала рукой.

Из пещеры появилась пожилая дама в большом грязном переднике, как будто она там принимала роды у коровы или у кобылы.

– Хорошо закрепила? – громко спросила она.

– Да, обоих призраков выдержит!

– Ну, неси сюда веревку, да не забудь пропустить через блок вон там! – Дама показала вверх.

– А откуда черный призрак вылетит? – полюбопытствовала внучка.

– Как всегда – из пещеры.

Внучка побежала к указанному дереву, а бабушка, напротив, двинулась в обход озера к валуну. Там она вытянула кисть из горшка, подумала – и стала писать.

– Бабуля, бабуля! – зазвенело в вышине. – Веревки не хватает!

– Сейчас принесу еще моток!

Бабушка поспешила к пещере, а Гай высунулся из кустов. Надпись на валуне была сделана большими голубыми и очень разборчивыми буквами.

– «Сей подвиг уготован рыцарю Зачарованного Шлема», – прочитал Гай.

Он подошел бы к бабушке с внучкой – расспросить о дороге хотя бы, но побоялся связываться со старухой, которая командует призраками и выпускает их полетать из пещеры. Поэтому Гай тихонько стал отступать и оказался на скрещении тропинок.

Он уже понемногу стал осваиваться в этом колдовском лесу и не побежал куда глаза глядят, а изучил перекресток и обнаружил, что на нем есть тайные знаки. На коре вырезана стрелка – это раз. Другая стрелка выложена прямо на тропе мелкими камушками – это два. На ветке навязана красная ленточка – это три. Молодое деревце опоясано золотистой ленточкой – это четыре.

Подумав, Гай решил идти в направлении, указанном каменной стрелкой. И шел по меньшей мере четверть часа, внимательно изучая окрестности. Тропинка показалась ему не совсем прямой – а скорее закрученной, как свежая стружка из-под рубанка. И по дороге попадались еще какие-то знаки. Но Гай решил не сворачивать – в конце концов, по какой-то дороге ведь увезли Марцию в замок феи Морганы, и может статься, что именно по этой, она достаточно широка для всадника на лошади.

Широкая тропинка вывела на поляну, посреди которой громоздилась здоровая куча бревен и хвороста. Перед ней была вытоптанная площадка такой величины, чтобы повозке развернуться.

Вроде бы Гай на ходу не слишком шумел, однако был услышан.

– Это ты, Громерта? – прозвучал девичий голосок из самой середины страшной кучи. – Сколько же можно? Тебе полагалось сменить меня еще в полдень, я тут сижу, жду – никого! И рыцарь этот несчастный не притащился! Я же говорила, что он заблудится! Надо было два камня ставить – и на опушке, и на том пригорке, где выворотень.

Гай молчал.

– Преобразуйся и полезай в берлогу, а я – домой! – продолжал загадочные речи нежный голосок. – Мне еще сегодня нужно за дамой Рионой мантию нести, потом петь тоскливую песню в старой башне, потом еще куча всяких дел! Огонь я тебе приготовила, ты только не выбрасывай его весь сразу.

Куча зашевелилась, затрещала, оттуда полезло что-то огромное и неуклюжее.

Гай так удивился, что окаменел и даже не попятился, когда явилась на свет красно-лиловая чешуйчатая морда с коровьими рогами, зевнула и встряхнулась, избавляясь от мелкого хвороста.

И говорили же старшие, что в лесу водятся драконы!..

Гай понял, что настал его смертный час. Такая огромная и страшная скотина питается людьми – это уж точно! И нет поблизости доблестного рыцаря, чтобы проткнуть ее копьём и спасти бедного Гая Брута...

– Это ты, Гай Брут? – уставившись на парня огромными зелеными глазами, спросил дракон. – Ох ты, вот так встреча! Не узнаешь? Я Бомейна... Ох, нет, не Бомейна, Антония Квинта! Ромулус Квинтус Постум – батька мой! Теперь вспомнил? Да что ты стоишь, как деревянный болван для доспехов? погоди, сейчас преобразуюсь...

* * *

Марция понемногу приходила в себя. Очевидно, наведенный на нее морок, мешавший двигаться, говорить и даже чихать, нуждался в постоянной поддержке. В телеге ей стало уже совсем хорошо.

Дама Риона и Громерта препирались о сломавшейся не вовремя железке, которая, как поняла Марция, мешала надеть шлем, сдвигая внутри него какой-то хитрый ободок, а в нужную минуту, наоборот, этот ободок раздвигала.

– И мне давно пора сменить Бомейну, – завершила спор Громерта. – Сидит она в лесу голодная...

– Ее давно уже нашел и прикончил рыцарь Аграмейн, – возразила дама Риона. – И она вернулась в замок и отдыхает от трудов своих...

– Знаю я этого рыцаря Аграмейна! Он ведь двоюродный брат моего Аграмора! Этот рыцарь в собственной спальне кровать не найдет! Надо было послушать совета и дать ему в провожатые карлика Гонемана, иначе он будет кружить по лесу до второго пришествия...

– У нас всего два карлика, а Гонеман умеет чинить механические устройства. И хватит тебе кричать, Громерта. Иначе обо всем будет доложено фее.

– Ну как же! Чем бы вы еще могли удержаться на своем месте, дама Риона, как не доносами?

Слушая эту склоку, Марция все яснее понимала, что мать была права – в замке феи Морганы честной крестьянской девушке не место. Умнее всего было бы сбежать, пока на нее не обращают внимания, и, переночевав в каком-нибудь стогу, утром найти дорогу домой.

Марция подобралась к краю телеги, бесшумно соскользнула на дорогу и присела на корточки за кустом. Дама Риона и Громерта продолжали браниться, вмешались Лота, Персивелла и Герейна. Теперь им было не до Марции – и пропажу они бы заметили не скоро.

Девушка не боялась ночного леса. Во-первых, она переобулась – правый башмак на левую ногу, левый – на правую, благо мягкая кожаная обувь была изготовлена так, что позволяла эти переобувания. Во-вторых, она стащила с себя платье и надела наизнанку. Теперь ей не был страшен даже ночной охотник Рогатый Хорн, который шастает по тропам со своими призрачными гончими. Рогатый Хорн, к тому же, покушается лишь на женщин, а Марция – девица. Что же касается волков, медведей и прочих опасных тварей, то на поясе всякой дамы висит острый нож – был он и на поясе у Марции, да и слишком обжитым показался ей лес – вряд ли тут водилось хоть что-то пострашнее ежа.

Собственно, ей почти не пришлось идти лесом – она очень скоро оказалась на открытом месте, и это был необходимый ей луг после сенокоса. Свежее сено уже сметали в стога, и Марция могла выбрать любой. Правда, страшно хотелось есть.

Днем она бы уж нашла чего пожевать, а во мраке все травы – на одно лицо, так что Марция смирилась и стала разгребать стог.

Но заснуть ей не удалось.

Сперва в одну сторону пронеслась копытная топотня, потом в другую, запел рожок, кто-то заорал не своим голосом – ощущение было, будто началась война. А когда Марция, высунув голову из стога, увидела, что вдали мельтешат факелы, то поняла: так оно и есть!

На войне главное – поскорее прибиться к своим, иначе пропадешь. Марция знала это по рассказам стариков, которые хвалились тем, что потому лишь и выжили. Всякая семья должна в опасный час собраться вместе, иначе так разметает – может, только в какой-нибудь Норвегии и очнешься.

Марция в Норвегию не хотела, но вылезать из стога и бежать куда глаза глядят побоялась.

Суета укатилась куда-то за лес, стало тихо, и Марция уже поверила было, что обошлось, но ждал ее еще один подарочек судьбы.

Когда она почти заснула, сено зашуршало.

Мышам в стогу заводиться было еще рано – это могла быть змея. Вообще деревенский житель со змеями в ладу – он их не трогает, они его не трогают. Но это в лесу или на поляне, где можно обойти друг дружку за полмили. А оказаться в одном стогу со змеей – приятного мало.

Марция взвизгнула и выскочила из сена. Тут же на правой ее руке оказался железный браслет неимоверной тяжести, так что она покачнулась и шлепнулась обратно в стог.

Вот теперь следовало бы заорать во всю глотку, но что-то больно ударило Марцию по губам, и она во второй раз за недолгое время утратила дар речи.

А потом она услышала голос.

Это был мужской голос, негромкий и весьма внушительный.

– Если ты, девица, будешь буянить, превращу в лягушку, – произнес он. – Или даже в жабу. И будешь жить на болоте.

Марция замычала как можно выразительнее. Она уже поняла, что в окружении феи Морганы встречаются самые удивительные дарования и чары. Всю жизнь проквакать на болоте ей вовсе не хотелось.

– А ты ведь крепкая и выносливая деревенская девица, – задумчиво сообщил голос. – Какая удача... Да, именно удача. Они полагают, что теперь легко со мной справятся. Да, я не умею летать по воздуху – тут они правы. Да, способность делаться незримым тут бесполезна – проклятая Моргана видит незримое так же ясно, как зримое. Но они не могли предвидеть, что я встречу тебя, любезная девица. После того как все окончится благополучно, я щедро расплачусь с тобой и отдам тебя замуж за лучшего из рыцарей Круглого Стола. А сейчас не обессудь и поднимайся.

Железный браслет дернул руку вверх, и Марция встала. Рядом с ней оказался мужчина, закутанный в плащ с капюшоном. Это было еще страшнее змеи в стогу – всякий чужой мужчина представляется деревенским девицам губителем их невинности, а тут кричи не кричи – прибежать на помощь с навозными вилами некому.

Но странно начались опасные и похотливые действия чужого мужчины. Он отпустил руку Марции и, бормоча, крепко шлепнул ее по задку. Девица от неожиданности подпрыгнула, и тут у нее прорезался голос.

Но не человеческий это был голос, и не на две ноги она приземлилась – заржав тонко и жалобно, Марция опустила на четыре копыта.

– Славная кобылка! – сказал мужчина. – Ну, стой смирно. Седло я сделаю из своего кошеля, уздечку с поводьями – из пояса... Стой, тебе говорят! Они дорого мне заплатят за свои безобразия...

Марция ощутила спиной седло, животом – подпругу, в углы рта вжалась, передавив язык, узда. И тут же на новоявленную кобылу вскочил зловерный волшебник.

– Поехали! – тихо приказал он. – Вперед, в Камелот!

* * *

– И вот привезли меня в замок феи Морганы, – рассказывала Бомейна, она же Антония Квинта, сидя на бревне, – и первым делом поставили в свиту. Когда знатная дама отправляется ко двору, у нее должна быть свита из благородных девиц, чтобы нести мантию. Тихо... вроде идет кто-то?

Гай, сидевший рядом, прислушался.

– Нет, это белка шишку уронила. А дальше что? – спросил он.

– А потом стали учить. Ты же сам знаешь – нас в деревне учат только по хозяйству управляться. А я тут всего три года – и знаешь сколько всего усвоила? Я лучше всех пламя выбрасываю, показывать?

– Не надо!

Гай набрался страху уже тогда, когда дракон преображался в соседку Антонию Квинту. По огромному телу, покрытому крупной чешуей, пошли волны, оно исказилось, поплыло, внутри зародился и раскрутился бешеный смерч, а когда опал – перед Гаем стояла молодая женщина в красно-лиловом платье. Судя по белому головному убору – замужняя.

– Ну, как знаешь... – Соседка даже обиделась.

Гай помнил, как ее забирали из деревни. Он был еще мальчишкой и не понимал, почему так негодует дядька Ромулус Квинтус: дочку берут в замок феи Морганы, она там станет одеваться в городские наряды, каждый день есть пироги и спать на меховых покрывалах. Разумеется, дядька не знал, что его любимая доченька будет преображаться в дракона и выпускать изо рта языка пламени, иначе еще не так бы ругался.

– А для чего это все нужно? – спросил Гай.

– Ты понимаешь... – Антония Квинта призадумалась и махнула рукой: – Ох, все равно не поймешь... Я тоже не могла понять, пока замуж не вышла. Одно только скажу – хоть я здесь и на виду у феи Морганы, хоть и сама леди Нимуэ мне благоволит, и муж меня любит, и дама Риона хвалит, а разумнее было бы остаться в деревне. Жалко, не могла я дать знать Марции, пока она фее не попалась...

– Больно бы она тебя послушалась!

– Тихо! Едет!

– Да никто там не едет, тебе мерещится.

– Ага, мерещится! А как подъедет незаметно, а я преобразиться не успею?

– А кого ты, Антония, тут ждешь в таком страхолюдном виде? – спросил наконец Гай.

– Кого-кого, рыцаря... А он где-то заблудился... Слушай, Гай, а не пойдешь ли ты его поискать? Он ведь где-то поблизости.

– Найду, а дальше?

– Ты вот что, ты ему скажешь, что убегаешь от страшного дракона Змеинового леса, который сторожит сокровище, – деловито заговорила Антония Квинта. – И ты не сразу соглашайся его ко мне привести, а пусть сперва даст хотя бы одну золотую монетку...

– Так это Змеиный лес?

Антония Квинта несколько замаялась.

– Ну, Змеиный... А когда приведешь, я быстренько огонь выкину, хворост подожгу, рыцарь в меня копьем ткнет, я зареву – и за кучу, и тут же преобразуюсь, чтобы ему сокровище вынести. Тяжеленное, будь оно неладно!

– А что за сокровище?

– Портрет зачарованной девы, на медной доске всякими красками написан, а в придачу – большой кубок, лошадей из него поить впору. И он с этим портретом дальше поедет, подвиг у него такой. А мы с тобой пойдем в замок...

– Мне-то в замок зачем?

– А куда же еще?

– Я фее Моргане служить не хочу, – твердо сказал Гай. – Насмотрелся уже! Тот рыцарь, который дым извергает, тоже ведь ей служит?

– Да, это сэр Орингл, он на Ривалине женат, весьма почтенный и здравомыслящий сэр. Хоть глупостями не занимается...

– А ты за кем замужем?

Антония Квинта только рукой махнула.

– Он что, тебя бросил? – в простоте своей спросил Гай.

– Да лучше бы бросил! Вижу я его – раз в месяц! Ох, кто бы меня, дуру, предупредил – не иди за рыцаря, толку не будет! Так нет же – пообещали, что буду дамой, что шелковое платье дадут, я и обрадовалась! – чуть не плача, стала рассказывать Антония Квинта. – Посадили меня на скале, под скалой Громерта, в дракона преобразившись, там же озеро с рукой. Сижу – веришь ли, Гай, сердце замирает! И тут вижу сверху – едет мой суженый! Ну, сперва он – к озеру, там рука из воды высунулась, ему меч подала... А знаешь, как трудно ее наладить, чтобы она в воде двигалась? Все время чинить приходится...

– Ага... – мрачно произнес Гай. – Знаю я эту руку...

– Ну, Громерта – она опытная, бой провела по всем правилам, а потом заревела и в озеро свалилась – все как полагается. А он – ко мне! Я, говорит, твой жених, благородная девица! И перед собой на лошадь посадил и в Камелот повез! А меня фея предупредила – ты, говорит, дочь короля Периглота с Кровавых Пустошей, и кто бы чего ни спросил, именно так и отвечай. Дракон, говорит, тебя похитил, и как домой возвращаться, ты не знаешь. А я и рада – рыцарь-то был такой красавчик...

Антония Квинта вздохнула, ахнула, и слезы полились по ее румяным щекам.

Гай покосился на рыдающую соседку. И без того тошно – в Змеиный лес угодил, на каждом шагу – ужасы и страсти, драконы кишмя кишат, тут еще Антония Квинта реветь собралась, а у женщин это надолго.

– И свадьбу сыграли... – сквозь слезы продолжала соседка. – И комнату нам в замке дали большую, круглую... в южной башне... Платье мне сшили... А он!.. Каждую ночь сидит за этим самым Круглым Столом, приходит под утро, на ногах не держится!.. Три года, Гай Брут, три года на рассвете приходит!.. К обеду выпится, начинает вспоминать... вспоминает, кто чего рассказывал... Тихо! Вот теперь точно – рыцарь! Беги отсюда, я преобразаться буду!

Гай вскочил с бревна и скрылся в кустах. Он думал, что ему уже по горло хватило здешних чудес. Но далеко он не убежал – любопытство все-таки проснулось.

Когда он вернулся на драконью поляну, бой как раз завершился. Рыцарь в закопченных доспехах, спешившись, пытался разворошить бревна, под которыми было скрыто сокровище. А дракон лежал в сторонке, не двигаясь. Из его пасти торчало сломанное копьё.

Гаю это сильно не понравилось. Он на четвереньках подобрался к огромной драконьей башке и пощекотал прутиком черную ноздрю.

– Гай Брут... – прохрипела Антония Квинта. – Беги скорее... преобразиться не могу... приведи кого-нибудь... скажи – Бомейна...

– Держись, соседка, – шепнул Гай. – Сейчас раздобуду лекаря.

Как все деревенские ребята, он был неплохим наездником и мог управиться даже с неоседланным конем, этот же имел и седло, и стремяна, и поводья. Вскочив на коня, Гай тут же развернул его и погнал по тропинке, мало соображаясь с ленточками и стрелочками. Ему нужно было найти хоть кого-то из слуг феи Морганы.

Рыцарь гнался за ним, ругаясь, шагов двести или даже больше – сколько позволили доспехи. Ругался он так, что комары на лету дохли.

* * *

Марция бежала по ровной дороге без ухабов, и всадник явно знал, куда держит путь. Правда, то и дело он останавливал Марцию и слушал ночные звуки.

– Потерпи, моя кобылка, – сказал он вскоре. – До Камелота меньше мили. А там я верну тебе прежний вид.

Марция, обрадовавшись, пошла рысью, но вдруг встала, шевеля ушами. Всадник тоже услышал голос. И это был голос Гая Брута.

– Ну что ты за скотина проклятая?! – спрашивал Гай незримого собеседника. – Такую скотину волкам и медведям скормить надобно! Ну вот какого черта ты меня туда тащишь? Нам с тобой там делать нечего! Ничего там хорошего нет!

Марции так хотелось окликнуть Гая, что она не сдержалась – и залиvistое ржание огласило лесную опушку, и ячменное поле, и дорогу меж ними.

– Молчи, чертова кобыла! – в отчаянии прикрикнул на Марцию всадник, и тут прозвучало ответное ржание.

Марция, будучи девицей человеческого рода-племени, в кобыльем облике стала понимать некоторые вещи, человеку недоступные, и даже чувствовать не совсем по-человечьи. Ответное ржание было голосом сильного, уверенного в себе, норовистого и очень красивого вороного жеребца, Марция же была рыжей кобылкой, весьма изящной, и тут же у нее в голове родилась совершенно лошадиная мысль: вороной жеребец был бы вполне подходящим кавалером для рыжей кобылки...

Она ударила копытом оземь, словно предупреждая всадника: ты в наши любовные дела не лезь. Жеребец заржал снова, она радостно откликнулась. И, невзирая на ругань, на удила

и поводья, даже на удары пятками по брюху, жеребец и кобылка поскакали друг дружке навстречу.

Но волшебник, превративший Марцию в кобылу, сразу опомнился и пустил в ход свое мастерство. В самый миг встречи оба возлюбленных встали как вкопанные, глаза их закрылись и они заснули стоя – как и полагается спать породистым лошадям.

– Спасибо, добрый сэ! – воскликнул Гай. – Я уж думал, что эта скотина меня угробит! Как это вам удалось их успокоить?

– Это еще наименьшее из моих умений, – отвечал волшебник. – Кто ты, юноша, и почему разъезжаешь ночью на жеребце, который не признает в тебе хозяина?

– Зовусь я Гай Брут, сын Юния Брута, а конь мне достался случайно, – вывернулся, и не солгав, и правды не сказав, Гай. – Я хотел доехать до замка феи Морганы, чтобы рассказать про Антонию Квинту, которая в Змеином лесу ждет лекаря, а заодно забрать оттуда мою сестру Марцию, которую в замок хитростью заманили. Но проклятый конь идет не туда, куда я его посылаю, а куда ему самому угодно, и я с самого заката езжу тут кругами.

– Он хочет вернуться на свою родную конюшню, – объяснил волшебник.

– Я знаю, что у лошадей есть такая блажь, да мне-то туда не надо! А бедняжка Антония Квинта...

– погоди, юноша, не кричи, дай мне подумать хорошенько, – приказал волшебник.

Гай и замолчал.

Он понимал, что незнакомец – человек в годах, а деревенским детям с детства внушают почтение к старости. К тому же это была весьма бодрая и деятельная старость – человек, ночью разъезжающий верхом по проселочным дорогам, не из тех, кто с раннего утра вылезает на лавочку у ворот греться и рассказывать всем мимоидущим про свои подлинные или воображаемые хворобы.

– Слушай меня, Гай Брут. Тебе нужно попасть в замок феи Морганы, а мне нужно попасть в Камелот к королю Артуру. В замке феи ты ровно ничего не добьешься – разве что Моргана со злости превратит тебя в барана или даже в каменного болвана для украшения трапезной. Если же ты поедешь вместе со мной в Камелот, мы там вместе найдем средство одолеть Моргану и заставим ее вернуть тебе сестру. Заодно и лекаря там раздобудем. А коли сомневаешься – вот тебе доказательство, что я на многое способен.

Всадник поднял руку – и на его правой ладони созрел светящийся шар с хорошее яблоко величиной. Одновременно он шлепнул левой рукой по шее рыжую кобылку, и она открыла глаза.

– Я вижу, добрый сэ, что вы великий и славный волшебник! – воскликнул Гай. – Конечно же, я поеду с вами! Только скорее бы – а то Антония Квинта, чего доброго, помрет. Ежели еще не померла... А Марция пусть побудет до утра у феи Морганы. Может, поумнеет...

Марция хотела было возмущенно заржать, но у нее ничего не вышло – волшебник благоразумно оставил ей лишь способности смотреть, слушать и двигаться, прочие же приберег до лучших времен.

– Ты благоразумный юноша, – похвалил волшебник. – Едем же, а по дороге я объясню тебе, каких козней и злодейств нужно ждать от феи Морганы, хотя она и родная сестрица короля Артура...

– И ничего удивительного, – сказал Гай. – Вот у меня родная сестрица Марция – и что же? Из-за нее одни неприятности.

Марция промолчала.

– Слушай же, юноша. Прекрасная Игрейна была отдана замуж за герцога Горлуа из Корнуэлла и родила ему трех дочерей – Моргазу, Элейну и Моргану. И полюбил Игрейну король бриттов Утер Пендрагон, и тайно пробрался к ней, и родился после того младенец, и был он спрятан от недоброжелателей. А потом Утер Пендрагон объявил войну герцогу Горлуа, и одо-

лел его, и женился на прекрасной Игрейне. Обе ее старшие дочери к тому времени были уже замужем, а младшую, Моргану, отослали в монастырь, но там она каким-то загадочным образом приобщилась к черной магии. Но недолго правил после того Утер Пендрагон – предатель отравил его, и началась междоусобица, и рыцари сражались друг с другом, и саксы, видя, что у бриттов нет вождя, захватывали их земли.

– Да, мне дед рассказывал, – подтвердил Гай.

– А между тем сын Утера и Игрейны, Артур, был спрятан в замке у доброго рыцаря Эктора, и рос там, и вот ему исполнилось шестнадцать лет...

Гай слышал и историю о мече, зажатом между каменной плитой и железной наковальней, и историю о том, что на самом деле короля Артура воспитывали феи на острове Авалон, и про осаду города Карлиона – он только не знал, что все эти истории как-то между собой связаны. И, слушая, он ехал рядом с разглагольствующим волшебником, пока на ночном небе не обозначились зубцы высоких башен Камелота.

– Они не ждут меня здесь, они думают, что я отступил и скрылся... – прервав на полуслове историю о рыцаре Зверя Рыкающего, пробормотал волшебник. – Сейчас, юноша, мы с тобой станем незрими, а наши кони обретут голоса столь выразительные, что стражники откроют ворота и введут их в Камелот. Держись и ничем себя не выдай.

Оказалось, что обретение незримости – дело малоприятное. Кожа Гая, решительно во всех местах, чесалась и свербела. Но он терпел, пока на конское ржание и стук копыт не выглянула стража, не посовещалась и не послала человека ввести двух приبلудных лошадок через особую калитку, которая служила, чтобы выпускать и принимать гонцов.

Оказавшись в Камелоте, волшебник тут же напустил на парня, что держал конские поводья, морок, соскочил с кобылки, молча велел спешиться Гаю и повел его за собой по лестницам и переходам, показывая прекрасное знание местности.

Наконец они вошли в зал.

Это был тот самый зал, посреди которого стоял пресловутый Круглый Стол. Сейчас за ним сидело человек двадцать, и все – сильно навеселе. Возглавлял застолье сам король.

– А теперь твой черед, благородный сэра Мелиот, – сказал он.

– Которую историю рассказать? – спросил благородный сэра, приподнимая голову над столом. К его правой щеке прилипла обглоданная куриная кость.

– Любую.

– У меня их две. Как рыцарь Мелиот победил дракона в Зловещем лесу и как рыцарь Мелиот освободил трех рыдающих дев в Мрачном лесу у пещеры Злых духов.

– Про дракона сегодня уже было, – вспомнил пожилой рыцарь с такой роскошной седой гривой, что более походил на старого льва, чем на человека.

– Пусть расскажет про дев, только правду, а не так, как в последний раз насочинял, – вмешался маленький рыцарь зловредного вида, едва торчащий из-за края стола. – Сперва, когда он только совершил подвиг, дев было две. Потом у него в истории откуда-то взялась еще третья дева. Теперь он вообще повадился рассказывать, как освободил пять рыдающих дев. Они у него в той пещере Злых духов плодятся и размножаются!

– Помолчите, сэра Кей, – приказал Артур. – Довольно вам язвить, подумайте о своей репутации. У вас у одного нет ни единого настоящего подвига, и я не понимаю, что вы вообще делаете за Круглым Столом.

– У меня нет ни единой истории о подвиге, драгоценный король, – возразил сэра Кей. – А вот о подвигах многих рыцарей я мог бы порассказать кое-что любопытное... да не стану!

– Он хочет сказать, что в моей истории о моем неповторимом подвиге что-то не так? – взревел рыцарь, похожий на старого льва. – Сэра король, этот недостойный рыцарь вечно портит нам застолье! Мы рассказываем свои славные истории, а он из зависти утверждает, будто у

нас одни только эти истории и остались, а подвигов нет никаких! Сэр король, призовите его к ответу!

– Так я и думал... – пробормотал волшебник.

– И какой пример он подает молодежи? – продолжал возмущенный львинообразный рыцарь. – Сегодня мы пили за будущий подвиг юного рыцаря Зачарованного Шлема, а что он сказал? Невозможно повторить за столом то, что сказал этот ваш ненаглядный родственник сэр Кей! А что он еще скажет, если его не остановить?

– Да, что он еще скажет? – поддержал собрата сэр Мелиот. – Мы три дня как проводили на подвиг благородного сэра Гарлиана, а он хоть бы одно доброе слово сказал. А ведь история о том, как сэр Гарлиан убил огнедышащего дракона и добыл портрет прекрасной дамы, должна стать одной из лучших наших историй! Послушать сэра Кея – так мы должны сидеть за Круглым Столом молча, а все истории забыть навеки!

– Так я и думал... – мрачно повторил волшебник.

Рыцари загалдели, и король Артур тщетно призывал их к порядку. Сэр Кей выскочил из-за стола и побежал прочь из зала, но налетел на незримое препятствие.

– Тревога! В Камелоте злые силы! – заорал он, барахтаясь в объятиях волшебника.

– Тихо! – гаркнул волшебник. Облако ослепительных искр возникло вокруг него, Гая Брута и сэра Кея, а когда угасло – все незримые стали видны и, более того, – дивно преобразились.

Волшебник был в золотой мантии, в венце из переплетенных золотых ветвей, с посохом, в рукоять которого был вделан светящийся кристалл. Гай обнаружил, что одет в легкие рыцарские доспехи и даже подстрижен на рыцарский лад. Сэр Кей вырос по меньшей мере на фут, но его наряд остался прежним – впопыхах волшебник не подумал о такой мелочи.

– Тихо, благородные рыцари! Я вернулся!

И действительно настала тишина.

Король Артур опомнился первым.

– Да это же Мерлин! – воскликнул он. – Мерлин вернулся с острова Авалон!

– Ну, достанется сейчас кому-то на орехи, – ехидно сказал неугомонный сэр Кей.

* * *

Круглый Стол был начисто вымыт, вытерт и застелен чистыми простынями, а на них лежал предмет, Гаю незнакомый: гобелен не гобелен, посередке выткано большое зеленое пятно, состоящее из многих пятен разных оттенков, и по ним написаны буквы, но не по линейке, как учат в школе, а вкривь и вкось.

– Вот это и есть Логрия, – сказал Мерлин, обводя пальцем пятнышко чуть поболее отпечатка сжатого кулака. – Из конца в конец на добром коне за день проехать можно. Все, что осталось.

Рыцари понуро молчали.

– Значит, драконов побеждаем? Дев освобождаем? Женимся на них? А потом десятилетиями рассказываем, как именно воткнули в дракона копьё? – сурово спросил Мерлин. – Хороши, нечего сказать! И где же ваши жены? Ведь каждый кого-то освободил от дракона и на ком-то женился! Сэр Элейн!

– Живет она со мной, – уныло сообщил сэр Элейн. – Только зарок на ней. Три дня в неделю проводить в Восточном лесу на вершине высокой скалы, иначе опять в змею обратится.

– И где у нас в Логрии высокая скала? С вами все ясно. Сэр Бламур Болотный!

– Моя три дня в неделю на болоте проводит, в лягушачьем виде, иначе... иначе... она что-то объясняла, да я забыл.

– А историю о том, как победили дракона и завоевали невесту, помните?

Не стоило Мерлину задавать этого вопроса. Сэр Бламур Болотный встал, расправил плечи и заговорил зычным голосом, посылая звук в известное всем рыцарям Круглого Стола место под самыми сводами зала, откуда этот звук отражался мощно и царственно.

– Был великий пир, и все рыцари собрались за Круглым Столом в ожидании нового приключения, и мы ждали, что произойдет нечто удивительное и чудесное. И тут распахнулась дверь и в зал вбежала белая собачка неведомой породы...

– Порода известная – терьер, – возразил сэр Кей. – Только не белая, а рыжая.

– Болонка это была, мальтийская болонка, – сказал сэр Сомер. – У моей жены как раз такая накануне пропала, а потом опять нашлась.

– Собачка неведомой породы, – повторил сэр Бламур Болотный. – Что вы вмешиваетесь в мою историю? Свои бы как следует заучили! Вбежала собачка, сэр Мерлин, а за ней въехал на вороном коне рыцарь с опущенным забралом. Рыцарь подхватил собачку, посадил ее перед собой на седло и уехал. И сразу в зал на белой лошади въехала прекрасная дама и громко закричала, обращаясь к королю Артуру...

– Весело вы тут живете! Мало того что чужие собаки забегают в зал Камелота, так туда еще и запросто въезжают верхом какие-то проходимцы, – заметил Мерлин. – И вы не приказали слугам прогнать палками незваных гостей?

– Это же было приключение! – вразнобой ответили рыцари.

– Вы сами, сэр Мерлин, перед отъездом держали перед нами речь о необходимости опасных рыцарских приключений, – напомнил король Артур.

– О необходимости защищать границы Логрии я вам тоже говорил, – хмуро сказал волшебник. – Вообще с этой Логрией какие-то чудеса творятся. Вы, прекрасный сэр, сразили летучего змея в Заповедном лесу, вы, прекрасный сэр, гоняли драконов в лесу Черного Озера, вы, юный сэр, собрались добывать невесту в лесу Зачарованного озера, еще я слышал тут про лес Одноглазых Великанов, про Суровый лес, про лес Рыкающего зверя, так что почудилось мне, будто кругом на сто сотен миль – сплошные дремучие леса, как в Гиперборее. Но вот она – Логрия, и большой лес в ней остался только один, да и тот – безымянный!

– Вы подозреваете нас во лжи, добрый сэр? – спросил, задыхаясь от возмущения, король Артур.

– Я подозреваю, что все вы ездили по одному и тому же лесу, истоптав его вдоль и поперек, и не осталось там ни единой кочки, за которой не сидел бы дракон!

– Значит, и все наши истории – ложь?!

– Успокойтесь, сэр король, в том-то и беда, что ваши истории – правда... К историям у меня никаких претензий нет...

– Так в чем же дело, сэр Мерлин? – спросил тогда король. – Мы совершаем подвиги и рассказываем о них за Круглым Столом – все именно так, как вы желали.

– Не того я желал... Велите, сэр король, открыть ворота – к нам едет фея Моргана.

– Мне будет позволено досказать свою историю? – И сэр Бламур Болотный, не дожидаясь никаких позволений, заговорил, красиво разводя руками и в нужных местах поднимая к потолку указательный перст: – И дама закричала: о господин король, не дайте ограбить меня, ибо мне принадлежит собака, которую этот рыцарь увез с собой! И тут же в зал въехал огромный рыцарь на гнедом коне и силой увез даму с собой, не слушая ее громких криков и жалоб...

– А все рыцари сидели и смотрели на это безобразие? – перебил Мерлин.

– Но это же было приключение, и мы выбрали рыцаря, который поехал вызволять из беды даму, и это был сэр Бламур Болотный, – терпеливо растолковал король Артур. – Сперва ей полагалось попасть в беду, потом... А ворота отворять незачем! Я решительно не желаю видеть сестру.

– Зато я желаю ее видеть.

Мерлин обвел взглядом Круглый Стол и всех рыцарей, за ним сидевших, старых и молодых, красивых и не слишком. Затем, вздохнув, он сделал знак Гаю, и они вместе вышли из зала.

– Сейчас, юноша, тебе придется послужить мне необычным способом, – сказал Мерлин. – Ты обратишься в целый отряд рыцарей и будешь охранять меня при беседе с феей Морганой. Ничего делать не придется – только стоять, не двигаясь, ибо каждое твое движение тут же повторит весь отряд.

– Если это вроде незримости, то я не смогу, – честно предупредил Гай. – До сих пор лодыжки чешутся!

– Мыться иногда тоже не вредно, – отрубил Мерлин. – Ничего, это недолго.

Гай в восторг от обещания не пришел. Он догадывался, что беседа у Морганы с Мерлином выйдет куда как длиннее воскресной проповеди.

Стражник, который привел во двор Камелота вороного жеребца с рыжей кобылкой, так и стоял в оцепенении. Может, даже видел сны с открытыми глазами. Кобылка повесила голову, а вороной жеребец, напротив, приплясывал, пытаясь выдернуть поводья из рук стражника, но ничего у него не получалось – кулак закаменел.

– Садись, – велел Мерлин. – Нехорошо будет, если фея – в седле, а мы – пешком. Нет, на жеребца сяду я, так будет достойнее. А теперь приготовься. Это не больно, только немного кружится голова.

Голова-то покружилась и перестала, зато перед глазами все плыло и мельтешило – Гай видел одни и те же предметы с двадцати точек, а это с непривычки весьма утомительно.

– А мы в воротах не застрянем? – спросил он дружным хором.

Ворота меж тем отворились.

– Молчи, ради всего святого! Я сам вас проведу через ворота. – И Мерлин замахал руками мантии, как-то так устраивая, что компания Гаев Брутов выехала из Камелота гуськом.

Гай в количестве двадцати персон и Мерлин очень вовремя оказались на эспланаде перед замком. Кавалькада всадниц, возглавляемая феей Морганой, леди Нимуэ и дамой Рионой, уже приближалась к Камелоту.

– А ведь почти не постарела, – сказал, вглядываясь, Мерлин. – Есть надежда, что старость не озлобила ее. Но разговор будет нелегкий, слышишь, юноша?

Двадцать конных рыцарей разом кивнули.

Фея Моргана дала своей свите знак остановиться и направила коня к Мерлину.

– Здравствуй, старый друг, – сказала она, вложив в простые слова несказанную задушевность.

– Здравствуй, прекрасная дама, – отвечал Мерлин. – Ты все так же хороша и очаровательна. Мне весьма странно было, что ты не желала видеть меня и даже выслала слуг, чтобы не подпустить меня ни к своему замку, ни к Камелоту. Я думал, что ты не желаешь показаться тому, кто знал тебя в расцвете молодости и красоты.

– Прежде всего, сойди с коня, друг мой Мерлин, ибо это не конь, а человек, который служит мне, и ему вредно столько часов подряд пребывать в конском облике.

– Но ему не вредно задуматься о том, кому и для чего он служит. Кроме того, твои слуги, пытаясь изгнать меня из пределов Логрии, лишили меня моего коня, который конь природный и натуральный, так что ты и должна возместить мне эту потерю, а чем – меня мало беспокоит.

Фея Моргана явно разозлилась, и Гай подумал, что сражение между волшебниками может плохо кончиться для зрителей. Но бросить Мерлина он не мог.

– Старый друг, – уже не столь нежно и проникновенно произнесла Моргана. – Мы должны побеседовать наедине. Ты давно не был тут и не понимаешь, что происходит, и не можешь разумно объяснить себе...

– ...такого диковинного и чудовищного нагромождения вранья! – подхватил он. – В то время как на границах Логрии собираются вражеские полчища, король и рыцари бегают по

лесу, как детишки, играющие в битвы с великанами и драконами. Воистину, без объяснений прекрасной дамы тут ничего не понять!

Тут подъехала златокудрая леди Нимуэ и подняла руку. Мерлин замолчал.

– Позвольте мне побеседовать с сэром Мерлином, сестрица, – сказала она негромко, весьма приятным голосом.

– Не вижу повода для беседы, – отрубил Мерлин. – Лучший мой замысел вы изуродовали, превратили в потеху для детишек! Мне следовало, уезжая, заточить вас в подземную тюрьму! Что вы сотворили с Круглым Столом?!

– Сэр Мерлин, все сие произошло от нашей великой любви к мужьям и братьям, а затем и к сыновьям. Давайте все же побеседуем, – опять предложила кроткая, но настойчивая леди Нимуэ.

– Убереги меня Господь от подобной любви, – буркнул Мерлин. – Хорошо, говорите. Но кратко!

* * *

Леди Нимуэ и Мерлин ехали по ночной дороге, удивительно светлой, по одну сторону которой был благоухающий шиповник, по другую – зеленый луг.

– Логрия процветала, никто не осмеливался приблизиться к границам, и они тосковали – и сэр Артур, и сэр Мелиот, и даже сэр Кей. Все началось с безобидной шутки, поверьте мне, сэр Мерлин! Мы видели, что нашим мужчинам скучно, и захотели их развлечь. Я велела своей служанке переодеться в богатое платье, закрыть лицо вуалью, прийти в Камелот и пожаловаться на лютого дракона. Мы просто не ожидали, что они так обрадуются! Они заспорили, кому ехать на бой с драконом... это была шутка, мы хотели потом во всем им признаться...

– Где взяли дракона?

– Преобразили одного из конюхов, это оказалось совсем несложно. В лесу есть овражек, на дне его озеро, совсем крошечное, и пещера, в которой не поместится и лошадь. Мы все рассчитали – дракон должен был с ревом спрятаться в пещере и преобразиться обратно в конюха и выйти и сказать, что дракон держал его там в заточении. Видите, сэр Мерлин, это была безобиднейшая в мире шутка, розыгрыш! Дамы же имеют право шутить над рыцарями, то есть подшучивать... Мне, право, неловко, что все так получилось...

И голосок, и глазки леди Нимуэ были такие жалобные, такие виноватые, что Мерлин поневоле стал смягчаться.

– Но почему же шутка так затянулась? – спросил он.

– Ах, сэр, случилось то, чего мы не ждали. Убивать дракона отправился сэр Карадос, и он ударил дракона копьем и загнал его в пещеру... все именно так и было задумано! Но мы полагали, что он хотя бы заглянет в пещеру, чтобы убедиться в драконовой гибели... Всякая женщина заглянула бы, сэр Мерлин!..

– Ладно, ладно, речь не о женщинах.

– Даже не удостоверившись, что дракон мертв, он весело поскакал в Камелот с моей служанкой на крупе своего коня и стал рассказывать об этом приключении. Сэр Мерлин! Я готова была убить его! Он так складно повествовал о своем странствии по лесу, о загадочном реве в пещере, о зубах и когтях дракона, о первом наскоке, оказавшемся неудачным, что все рыцари Круглого Стола слушали, замирая от восторга. Мы не могли сразу же выйти и сказать, что это было лишь шуткой, – это убило бы сэра Карадоса!

– Остался бы жив... – пробормотал Мерлин.

– Его бы подняли на смех, а смех убивает... во всяком случае, настоящего благородного рыцаря смех убивает! И он потребовал, чтобы его немедленно обвенчали с моей служанкой, а

та, разумеется, возражать не стала и прямо на нем повисла. Ах, сэр Мерлин, как трудно в это испорченное время воспитывать служанок, если бы вы знали!..

Мерлин промолчал. У него было свое понятие о воспитании женщин – и он сейчас горько оплакивал день, когда не дал этому понятию воплотиться в жизнь.

– А потом началось нечто страшное, – продолжала леди Нимуэ. – Каждый вечер сэр Карадос рассказывал, как он поразил дракона и спас невинную деву. Причем дракон рос прямо на глазах. У него уже было шесть лап, чешуя величиной с блюдо, рога вдвое больше коровьих, а бился с ним сэр Карадос с восхода до заката. Мы сперва думали, что очень скоро прочие рыцари Круглого Стола призовут сэра Карадоса к порядку. Ничуть не бывало – они слушали, замирая от восхищения, верили каждому слову, и, сэр Мерлин... вы не поверите, но они сгорали от зависти!..

– Оттого, что не им посчастливилось убить дракона? Так это для мужчин естественно, – снисходительно произнес волшебник.

– О нет! От зависти, что у них нет в запасе таких же замечательных историй! И что нам оставалось делать?.. Мы не могли спокойно смотреть, как они прямо на глазах чахнут, слушая эту ужасную историю, мы обязаны были им помочь! Сэр Мерлин, поверьте, это было невыносимо!

Волшебник вздохнул.

– Мы нарисовали план леса, – чуть не плача, продолжала леди Нимуэ. – Мы проложили новые тропинки, приказали их протоптать, работники вырыли пещеры, приволокли с полей большие валуны... да еще углубили и расширили озеро... Лес – наша гордость, сэр Мерлин! По нашим тропинкам можно пересечь его семнадцать раз из конца в конец, и всякий раз это будет иной, совершенно неузнаваемый лес!

– Ага, Змеиный лес, Лягушачий лес, Жабий лес... лес Зачарованного пня, лес Зачарованной коряги!.. И что – отдали всех своих служанок замуж за рыцарей Круглого Стола? За рыцарей, которые могли бы жениться на королевских дочерях! Нет, леди, слушать это выше моих сил. Взрослые мужчины попались в такую нелепую ловушку! Вы обязаны были сказать им правду!

– Но ведь подрастали наши мальчишки... Сэр Мерлин, вы же знаете, в шесть лет мальчика благородного рода передают из женских рук в мужские руки. Наши сыновья и племянники выросли на этих историях о великанах и драконах! Мы не могли лишать их мечты: ну на что это будет похоже, если отец убил трех великанов, а сын – ни одного? У нас даже есть тропинка для самых маленьких – там нужно разгадывать загадки...

– В человеческих языках нет слова, чтобы назвать это безобразие. Злейший враг бы не придумал такого – а врагов у Логрии хватает. Я поразился – уезжая, я оставил большое и сильное королевство, вернувшись, вижу, что все соседи отщипнули себе по изрядному куску королевства, так что остался один этот дурацкий лес! Лес Зачарованных Дураков – вот что такое теперь наша Логрия! И ведь сорока лет не прошло...

– О сэр Мерлин!.. Разве мы, женщины, умеем оборонять границы?..

Слезы потекли по ухоженному очаровательному личику леди Нимуэ.

Но это сильное средство на волшебника совершенно не действовало.

– Завтра же, леди, с утра, как только они придут в чувство, мы соберем их за Круглым Столом и вы с феей Морганой расскажете им всю правду, всю – и без этих ваших нежностей.

– Нет, добрый сэр, о нет! – вскричала леди Нимуэ. – Они не переживут такого утра и такой правды! Они столько лет знали, что сильны, и отважны, и победоносны, и красноречивы!.. И вдруг – какая-то пошлая правда, преображенные конюхи, дочери несуществующих королей!.. Нет, нет, о добрый сэр! Если у них не будет этих подвигов и этих историй, что с ними станет? Проще всего – отобрать у них...

– Хватит, прекрасная дама, я все понял.

– Если они узнают правду – они умрут!

– Мужчины не настолько хрупкие создания, как вы вообразили, леди. И не мешайте мне думать.

Мерлин поторопил коня, леди Нимуэ, напротив, придержала своего. И обернулась.

Она знала, что где-то рядом, в ночном мраке, присутствует и тонко настроенным колдовским слухом ловит беседу с волшебником фея Моргана. Знала она также, что фея Моргана в глубине души – на стороне Мерлина, просто теперь уже невозможно что-то изменить.

Они обе прекрасно видели, к чему все идет. И обе понимали, что имеется один-единственный выход из положения. Но думать о нем решительно не хотели.

Потому что было до боли жаль этих больших и бородатых младенцев, этих хвастунов и поэтов, живущих единственно Круглым Столом и тем сводом историй, которые уже обрели, слившись вместе, некое новое качество и пропитали собой пол, стены и потолок вокруг Круглого Стола. Любой человек со стороны, будь он хоть крестьянским подростком, уже на третий день ощутил бы неловкость, слушая о смертоносных взмахах меча и отрубленных головах, великанских и драконьих. Но сами рыцари, их оруженосцы и юные пажи не замечали ни малейшей несообразности, и более того – они словно бы каждое утро заново рождались на свет, готовые слушать историю, прозвучавшую за Круглым Столом, раз триста, как совершенно новую, только что приключившуюся. Это была уже не человеческая, а какая-то иная жизнь – и леди Нимуэ с феей Морганой знали, увы, какому миру она более свойственна.

Мир этот был довольно далеко от Логрии.

* * *

Гай Брут в виде двух десятков юных рыцарей сидел в седле совершенно неподвижно и внимательно наблюдал за темнокудрой феей Морганой.

Моргана сильно волновалась. Ее свита понемногу отступала да отступала от нее, пока фея не оказалась в полном одиночестве. Она сидела в седле прямо, прислушиваясь к беседе между Мерлином и леди Нимуэ. Несколько раз она пыталась послать коня вперед, чтобы прийти на помощь подруге, но сдерживала благий порыв. Наконец фея Моргана тяжело вздохнула.

– Ну что же, дамы и девицы, мы потерпели поражение... Если смотреть правде в глаза, то это – поражение. Дама Риона, поезжайте с Громертой, подготовьте все необходимое.

– Как вам будет угодно, – отвечали дама Риона и Громерта, обе на удивление тихие и печальные. Затем они разом ударили коней хлыстиками и скрылись во тьме.

Фея Моргана обернулась к своей свите.

– Все, кого я приняла на службу по уговору с деревней, могут вернуться домой, я не держу вас более... Уговор расторгается!

Человек двадцать спешилось. Это были главным образом девицы, но среди них – и несколько парней.

– Люций Секунд! – закричал Гай, узнав двоюродного брата. – Ариция Секунда! Юлия Веррина!

Получилось внушительно – родственники даже шарахнулись, услышав такой громкий хор молодых и здоровых глоток.

– Ах, вот оно что! Старый хитрец обвел меня таки вокруг пальца, – сказала фея Моргана. – Ничего, я тоже приготовлю ему подарочек.

Ее волшебный жезл налился светом, обрел радужный ореол, полетели искры – и Гай ощутил, как одна огромная искра впирается ему в глаза и прожигает дорогу до сердца.

Это был краткий миг огня – и тут же мир перед глазами стал отчетлив. Гай вновь был один на рыжей кобылке.

– Ну что же вы? – крикнула свите фея Моргана. – Ступайте прочь! К утру вы дойдете до своей грязной деревни и вернетесь к своим навозным кучам! Все, все ступайте!

– Госпожа! Не прогоняйте меня! – раздался единственный хриплый голос, и дама с забинтованным горлом подбежала к серому коню феи. – Я не могу покинуть своего мужа!

– Отстань, Бомейна, какой он тебе муж? Это была игра... игра кончилась... Ступай домой, Бомейна.

– Нет, он мне муж перед Богом. Я остаюсь, – сказала Антония Квинта. – В радости и в беде... как говорила под венцом... вот так, госпожа...

– Дурочка, – только и могла ответить фея. – Бедная дурочка. Ладно бы рыцари... ты-то за что держишься?..

Она ссутулилась в седле, и Гай испытал острую жалость к женщине, которая проиграла.

Донесся топот копыт – негромко и вразнобой. В полной тишине подъехали Мерлин и леди Нимуэ. И неизвестно, кто из них был печальнее.

– Логрия обречена, останутся одни истории... – произнес Мерлин. – Этого ли вы добились? И мужчины ваши обречены.

– Мы заберем их на Авалон, – ответила фея Моргана. – Я уже послала за своим кораблем. К вечеру он войдет в устье реки. Мы заберем их всех – и Круглый Стол опустеет навеки.

– Бедные рыцари, – произнес Мерлин и вздохнул. – Авалон – это ведь не жизнь и не смерть, а каждый день одно и то же, одно и то же...

– Бедные рыцари, – повторила фея Моргана. – Не отнимай у них последнего, старый друг. Не отнимай у них того единственного, что осталось, – их прекрасных историй. Позволь нам увезти на Авалон своих мужей, братьев, сыновей и племянников.

– Но ведь они здоровые крепкие мужчины! Они еще могут встать на границе и защитить Логрию!

Этот возглас Мерлина был исполнен отчаяния – волшебник и сам не верил, что такое возможно.

– Нет, они уже не приживутся в мире, где нет драконов и великанов, а Логрию окружают враги, которые не станут падать замертво от одного взмаха рыцарского меча. Видишь – я не боюсь смотреть правде в глаза, – сказала фея Моргана.

– Значит, бегство?

Леди Нимуэ и фея Моргана переглянулись.

– Ну что же, забирайте их, спасайте их, как умеете.

– И меня! – воскликнула Антония Квинта.

– Тебя-то за что? – спросил Мерлин, спешиваясь.

– Где мой муж, там и я. Пусть Авалон... я слово дала... – И Антония Квинта, подойдя к серому коню, ухватила за стремя своей госпожи.

– Всех ли я отпустила? – спросила фея Моргана. – Нет, не всех. Еще остался конюх Септимий.

Вороной жеребец заржал в ответ.

– Ах, вот ты где... Что же ты до сих пор не преобразился?

Жеребец, сердито оскалившись, мотнул головой в сторону Гая – и проделал это очень красноречиво.

– Благородная госпожа, я не виноват! – воскликнул Гай. – Я хотел отвести жеребца к вам в замок, но он-то туда вовсе не желал! И он таскал меня по лесу, не слушая узды, как сам дьявол!

– Конюх Септимий хотел попасть в Камелот, потому что там его стойло, а в стойле висит старая уздечка, необходимая для преобразования. Только она может сделать его опять человеком, а при нужде – преобразить из человека в жеребца. Но эту уздечку я сама заговорила, так что...

Фея Моргана сплела пальцы странным образом, губы ее беззвучно зашевелились, и конь встал на дыбы. Поплясав на задних ногах, он заржал, и одновременно вокруг него закрутился черный смерч сухой земли, скрыв его из виду.

Точно такое же диво стряслось и с рыжей кобылкой.

Когда же оба смерча опали, взорам явились парень лет двадцати, плечистый и статный, с грубоватым добродушным лицом, и семнадцатилетняя девица в нарядном бирюзовом платье.

И тут свершилось чудо куда более прекрасное, чем превращение жеребца в человека.

Марция уставилась на Септимия, разинув рот. Он тоже первым делом отыскал глазами ту, которая полюбила его в образе рыжей кобылки. И они, как зачарованные, пошли друг дружке навстречу, молча взялись за руки – и им уже ни до кого не было дела.

– Прощайте, мои дорогие, – сказала леди Нимуэ. – Вы славно нам послужили. Ждут вас нелегкие испытания, ждет вас война, и мы уже ничем не сможем вам помочь. Спешите домой к родителям! Забирайте ценное имущество, угоняйте скот, пока не поздно. Логрия обречена, но есть и другие страны. Спешите, торопитесь, а я... а мы...

Она ударила коня хлыстом и ускакала.

Фея Моргана направила коня к воротам Камелота.

– Я уведу их сонными, и весь путь до корабля они проведут в блаженной дреме, а на Авалоне будет их ждать иной Круглый Стол, – громко сказала она Мерлину. – Наслаждайся же зрелищем опустевшего Камелота – и пусть совесть твоя онемее!

– Красиво сказано, – заметил Мерлин. – Прожил я триста лет, а лишь теперь начал понимать разницу между мужской и женской совестью.

Он неторопливо подошел к Гаю Бруту.

– Ты все слышал, юноша?

– Я ничего толком не понял, – честно признался Гай. – Но если надо воевать, я пойду. Пусть только меня научат. В свою деревню я никого не пущу. Скорее умру.

Волшебник взял его за плечи, а чтобы повнимательнее заглянуть в глаза, подвесил в воздухе голубоватый огонек.

– Умрешь за деревню – а за Логрию?

– Так это же теперь одно и то же. Только она и осталась.

– Идем, – сказал Мерлин.

* * *

Они шли по каким-то мрачным коридорам. Неизвестно откуда в руке у Мерлина взялся факел. Наконец запахнулась последняя дверь – и они оказались в большом и темном зале.

– Это – оружейный зал Камелота. Тут хранятся доблестные мечи, которые должны были служить своим хозяевам... да что уж говорить... Выбирай любой.

Гай, беспредельно взволнованный, пошел вдоль стены, на которой поверх гобеленов висело оружие. Мерлин сопровождал его светом факела, ложившимся как раз туда, куда глядел Гай, неровным желтым пятном.

– Вот, – сказал Гай. – Этот. Большой, правда, но ведь с маленькими на войну не ходят, так, добрый сэр?

– Да, это большой меч, – согласился Мерлин. – И на первый взгляд он тебе не по руке. Но если он согласится стать твоим – Логрию, может быть, еще удастся спасти. Это, видишь ли, тот самый Экскалибур...

И поскольку имя ничего не сказало Гаю, Мерлин добавил:

– Прославленный волшебный меч короля Артура. Долго он тут висел без дела...

– Тогда не надо! – воскликнул Гай. – Мне бы чего попроще! Нет ли тут меча простого латника?

– Бери и не бойся ничего, – приказал Мерлин. – Артуру, когда он впервые прикоснулся к этому мечу, тоже было пятнадцать. Хороший возраст, чтобы стать взрослым...

Гай неуверенно протянул руку к крестообразному эфесу.

Меч в ножнах шевельнулся. И рукоять, словно стосковавшись по делу, сама потянулась к чумазой мальчишеской ладони.

Михаил Назаренко
Остров Цейлон
(Из путевых записок)

Памяти Бориса Штерна

Люди на Северный полюс все-таки ездят.
Сомерсет Моэм. Искусство рассказа

I

Окутанное парусиной тело погружается в океан, с каждой саженью ускоряя падение. Вода прозрачна, и до залежей глубинной тьмы путь неблизкий; течение сносит мертвеца все дальше от мгновенного взлета кружевной пены, уже затерявшейся среди волн, сквозь белесую зыбь, к неизбежному мраку.

Полосатые рыбешки стаяй проплывают мимо, замирают на миг, стрелами несутся прочь и тотчас возвращаются, а следом из голубого сумрака, где за три аршина видно лишь колыхание теней, проявляется тулово акулы. Рыбы-лоцманы, соразмеряя движение с падением бесформенной добычи, указывают путь белесому хищнику, а тот лениво переворачивается на спину и словно бы нехотя открывает пасть.

Парусина долго и беззвучно рвется, из нее выпадает железный колосник, едва не задев акулу; в то же мгновенье глухой удар сотрясает океан, и рыбы бросаются врассыпную.

Не разлом коры, не извержение подводного вулкана; не выстрел (война здесь начнется не скоро – однако начнется); но шевеленье, но неупокой, но пробуждение: там, внизу. Пробуждение, не замеченное почти никем – лишь китами, акулами и левиафанами; да еще теми, кто следил и ждал.

II

Жара стекала по листьям пальм и магнолий, расплескивалась белыми пятнами по брусчатке набережной, переливалась в бесконечном потоке коричневых тел. Люди отсюда были неразличимы, хотя вблизи невозможно спутать хрупкого сингалеза в длинном саронге, малайца, разящего бетелем, рыжебородого афганца в мягких сапогах, широком бешмете и огромном тюрбане, круглолицего тамила, вечно озирающегося в поисках соплеменников. И даже отсюда, из гостиничного номера «Галле фэйс», кое-кто был виден отчетливо – например, китайцы, собравшиеся возле джонок и по-птичьи машущие рукавами, – но жара, выбелив до полной зеркальности камни маяка в конце Квинс-стрит, туманила взгляд.

– ...И наконец – сапфир в две рати, надколотый с краю, – сказал он, не оборачиваясь. Он знал, что не ошибся ни разу.

Не самым разумным из его подчиненных казалось, что лишь азарт да неизбывная ирландская спесь (странная в человеке, ни разу в жизни не покидавшем субконтинента) заставляют «черного сахиба», как его звали за глаза, ежедневно тратить время на Игру Драгоценностей. Но он-то знал, что выигрывает раз за разом именно потому, что не пропускает ни одного дня; более того – лишь благодаря этому он еще жив: ведь не все его экспедиции заносились в отчеты ведомства этнологической разведки... официально.

Впрочем, двадцатилетний Адам Стрикленд не задумывался над поступками своего начальника, веря, что веские причины есть всегда, – непростительная наивность, свойственная большинству субалтернов, ежегодно отправляемых на восток от Суэца. Те из них, с кого шелуха слетает в первый год службы, приучаются брать на себя ответственность и выходят в отставку в чине комиссара округа; прочие пускают пулю в лоб и удостоиваются эпитафии «неосторожное обращение с оружием». И те и другие знают, что память о них сохранится только в подшивках «Гражданской и военной газеты».

У Адама были основания для веры – если не слепой, то, во всяком случае, весьма глубокой: те несколько слов, которые произнес отец, узнав, под чьим началом он будет служить. Их было достаточно: Стрикленд-сахиб никогда не говорил зря.

Человек, стоящий у окна, обернулся. Он и вправду был очень темен: такой оттенок смуглости отличает лишь «черных ирландцев», много лет проживших в тропиках Ост– или Вест-Индии. Кремовый костюм европейского покроя был выбран словно для того, чтобы подчеркнуть смуглость кожи и черноту волос; кроме того, он очень удобно скрывал узоры, нанесенные на кожу весьма прочной краской, – свидетельство принадлежности к касте ловцов черепах северной лагуны. Ведьма, рисовавшая узор, сказала, что это *пакка джаду* (надежное колдовство), и не солгала: отмыться не удавалось уже вторую неделю по возвращении из ночной прогулки, следствием которой стало... Но довольно сказать, что держатели опиумных курилен оказались чрезвычайно обеспокоены.

– Невероятно! – сказал субалтерн. Его взгляд все еще метался по столу, пытаясь рассортировать все, что там лежало. – Мистер О'Хара, вы же только... вам одного мига хватило!.. Двенадцать предметов...

Смуглый сердито мотнул головой.

– Тринадцать, Адам, тринадцать, – заметил он сухо. – Двенадцать удержит в памяти кто угодно. Я занимаюсь игрой Драгоценностей с пятнадцати лет. У меня были хорошие наставники в школе Святого Ксаверия... и за ее стенами. Как и у вас, Адам. Если это могу я – и любой факир на базаре, – если ваш отец умел это задолго до моего рождения, – можете и вы. Но к делу, мистер Стрикленд. Меня интересует «Петербург». Когда он прибывает?

Адам встал из-за стола и оказался на добрую голову выше начальника.

– Вероятно, уже через час он станет на рейде. Е.23-й сообщил, что русский агент, – Адам щегольнул выражением, вычитанным у Р. Л. Стивенсона, – «пошел на корм рыбам».

– Вряд ли Е.23-й выразился именно так, – одернул его О'Хара. – Полагаю, он был более конкретен.

Адам покраснел ушами.

– Он сообщил, что некто Гусев, бессрочноотпускной рядовой, умер на третий день после отплытия из Сингапура от остановки сердца... официально.

Это словечко Стрикленд успел подхватить из местного жаргона, и О'Хара усмехнулся – краешком губ.

– Так и есть?

– Вне сомнений. Если подушку достаточно долго прижимать к лицу, то сердце рано или поздно остановится.

– Понятно. Кто это сделал, конечно же, неизвестно.

– Неиз... Но откуда вы?..

– Е.23-й не предполагает (потому, кстати, он и Е.23-й). Он или знает, или нет; если бы знал, вы бы мне уже сообщили. Итак: ваши соображения?

Адам подобрался. Прежде ему нечасто предлагали делать собственные выводы, теперь же приказывали чуть ли не каждый день, к тому же никогда не говорили, прав он или нет. Адам кашлянул и начал говорить, совершенно не зная, чем закончит:

– Вряд ли... вряд ли даже русские сами убрали бы своего агента, если только он не переметнулся. Мы знаем, что это не так. Тем более что Гусев, видимо, должен был встретиться с цейлонским резидентом... если он существует.

– Значит, русских вычеркиваем. Какое облегчение. Они не умеют играть спортивно.

– Вам виднее... Во-вторых, – Адам все оттягивал, – мы этого тоже не делали.

– Иначе Е.23-й не замедлил бы в этом отчитаться.

– Значит... – Адам замолчал. – Но это же бессмысленно.

– А именно? – О'Хара стал совершенно серьезен, что означало: он откровенно забавлялся.

– Некая третья сила убирает Гусева, чтобы... – Он понял, что ответ очевиден и был очевиден с самого начала. – Чтобы нанести удар по русской агентуре и помешать нам выйти на оставшихся.

О'Хара помолчал. Он не просчитывал варианты; скорее всего, выбирал – осадить Адама немедленно или чуть попозже.

– Вероятнее всего, Стрикленд. Но вы должны запомнить – еще до того, как овладеете навыками Игры Драгоценностей, – что в нашем деле наиболее вероятное не обязательно будет верным. Отбросьте невозможное, и то, что останется, каким бы очевидным оно ни казалось, скорее всего окажется абсолютной и непреложной ошибкой.

Адам закусил губу и упрямо сказал:

– Есть еще один русский.

– На русском корабле? Как неожиданно.

Адам разозлился вконец.

– Он врач. Он сидел с Гусевым целый день перед его смертью. И это не все. Он не только врач, он инспектировал каторгу – якобы как частное лицо, однако начальник главного управления тюрем дал секретную телеграмму с приказом о всяческом содействии. Этот врач провел на каторжном острове перепись. У него аналитический ум. Знаю, это сомнительно, и все же...

– Е.23-й собрал эти сведения? – быстро спросил О'Хара.

Адам вскинул голову.

– Он только упомянул врача. Я навел справки сам.

– Очень хорошо, Адам, – сказал О’Хара без улыбки. – Вот этой сомнительной версией я и займусь... Нет, Стрикленд, – остановил он субалтерна, – займусь я. Вы уже сделали довольно. Если вы обратили внимание на то, что пропустил Е.23-й... значит, скоро вы сможете сами войти в Большую Игру.

III

Люди на пароходе умирали так часто, что было даже досадно. Вообще вредно жалеть людей, врачам и писателям в особенности. Теряешь квалификацию, упускаешь симптомы.

Он уже не был уверен, что и себе поставил правильный диагноз.

Еще один сырой день – даже без шторма, какой измучил его на пути из Гонг-Конга в Сингапур, – и опять пойдет горлом кровь, зловещая, как зарево; в рассказе метафора была бы дурна, а для письма издателю сойдет. Как назло (или как знамение), пока Цейлон медленно разворачивался перед кораблем, подставляя взгляду зеленые холмы, по которым пробежала зыбкая тень одинокого облака, – все долгое утро у борта корабля плыла широкая кровавая полоса, качаясь на волне. Говорят, какие-то инфузории, что ли, – размножаются в пору юго-западных муссонов, а все остальное – суеверия, обычные туземные суеверия, какие-то рыбные боги, нечего забивать себе голову: так посоветовал судовой врач, человек странный и – с того времени, как в воду упало первое тело, – непросыхающий.

Главное, не волноваться и не угрожать литературе «еще одной потерей». Сибирские полгода, кажется, основательно его укатали; но сегодня, верно, обойдется – солнце прокалит всё. А впрочем, кто его знает, что там, на берегу.

Остров остановил вращение и начал приближаться; палило нещадно. К пароходу осторожно приблизилась трехсаженная долбленка с высокими бортами и очень узкая: белый человек в пробковом шлеме (хочу такой) сидел, заложив ногу за ногу, а иначе не помещался. Лоцман-англичанин поднялся на борт и начал скучным голосом давать указания рулевому; челн, с неожиданной живостью развернувшись, помчался в гавань, сообщать новости.

«Петербург», негромко пыхтя, осторожно прошел мимо волнолома, и Коломбо (город, как всё на востоке, любит неожиданные эффекты) возник внезапно и сразу весь: ослепительно-белый форт уступами взбирался на холм, слева от него к морю спускались ряды палаток, а вокруг, там и сям, из-под листвы казали себя туземные окраины.

Чем ближе, тем сильнее расплывался берег: так бывает, если долго всматриваться. Дубки и джонки забили добрую треть гавани, и не видно было, где начинается пристань, которая к тому же вся оказалась застроена какими-то хибарками – видимо, лавками. И лодки, и лавки – об этом капитан предупредил заранее – сбывают грошовый товар, который туземцам ни к чему, колонизаторам смешон, а вот заезжим туристам в самый раз. Торг неизбежен: если тебе предлагают «настоящий рубин с острова рубинов» за восемьдесят рупий, цену можно сбить до одной монеты, но покупать все равно не следует: ничего, кроме цветного стекла европейской работы, на берегу не подсунут, нужно идти на базар, но и там быть поосторожнее. Вот оно, происхождение «колониальных товаров» из отцовской лавки.

Крик над гаванью стоял страшный; лодчонки, успевшие прорваться к трехсотфутовому пароходу первыми, ударялись о борта, и если не тонули, то болтались днищами вверх, неудачники хватались за долбленки конкурентов и получали веслами по пальцам; отстающие, ухватив товар обеими руками, прыгали с лодки на лодку, получали веслами по коленям и присоединялись к первым.

– Дикари, – сказал мичман с музыкальной фамилией Глинка. – Никакого понятия не имеют. Вот англичанка ими и вертит, как хочет.

Глинка не упускал случая – особенно во время стоянок в портах – высказаться об «англичанке», которая, как известно, «гадит». Надо бы ему ответить: дороги, водопровод, христианство, словом, цивилизация, – но плыть еще не меньше месяца, отношений портить не хочется, и вообще – доводы нужно приберечь для путевых заметок, а лучше – для рассказа. Пусть столкнутся лбами два спорщика, а читатель, если не дурак, и сам поймет, кто прав; хотя какая из точек зрения дойдет в рассказе до нелепости, еще не выяснилось. Может, и обе.

Чем ближе к экватору, тем более откровенна полуприкрытая нагота; народы, близкие к природе, знают, как этим пользоваться. Коломбо севернее Сингапура, но все-таки... Девки тут должны быть хороши, а доступны – как в любом порту. Пять ночей на берегу, вся Москва завидовать станет.

«Петербург» наконец остановился. Если верить Суворину, Достоевский собирался отправить Митю Карамазова в Сибирь не пешком по Владимирке, а кругом Азии на таком вот каторжном пароходе – оттуда побег, Америка, и проч., и проч. Самого Достоевского бы сюда, на Цейлон; вот был бы сюжет. Впрочем, у него все романы цейлонские – по экзотическому неправдоподобию. Длинно, нескромно, много претензий.

Старух-процентщиц не убивают из идеи, идиоты не проповедуют всеобщее счастье (они его устраивают), а если в трактирах и обсуждают мировые вопросы – это сколько угодно, – то без зачитывания поэм в прозе. На Руси только живут с идеей – не самой приглядной, такой, что иначе как в пьяном угаре никому и не скажешь, – а убивают «на дурняк», как говорят хохлы. Ни на Цейлон, ни в Америку ездить нет нужды.

Он, однако, на Цейлоне: сошел в шлюпку и направился к берегу, с интересом крутя головой.

Кроме привычных уже китайцев в лодках прыгали и кричали по меньшей мере два несхожих народа: одни покрыты темным коричневым загаром, другие и вовсе черны, цвета пережаренного кофе; первые в таких длинных... вроде юбок... на вторых – только набедренные повязки; первые протягивают всякую снедь, вторые – побрякушки из «драгоценных камней» и резного дерева. Жаль, что ни с кем здесь не знаком: так и придется ходить истоптанными тропами, поглядывая на «такое большое дерево» или «забавных таких туземцев», тогда как на самом деле это малабарцы расположились табором в роще каучуковых деревьев. На пароходе энциклопедии не оказалось, а дома пролистать не додумался.

Берег.

На острове, по первым впечатлениям, оказалось неплохо: недаром говорят, что именно здесь и цвели сады эдемские. Пахло нефтью и молотым кофе. Ближайшая лавка выставила из-под волнистой крыши пузатый прилавок, и гладкие, словно лакированные черепаховые гребни сверкали на солнце. Бедные черепашки. Инстинкт гонит их сюда размножаться – или что там у них назначено природой в цейлонских лагунах, – а у длинноволосого торговца, который уже всучил мне гребешок и, верно, содрал втридорога, – тоже инстинкт, человеческий: чем ему еще жить? Не опиум же продавать исподтишка.

А вот и «англичанка»: чернявый мальчишка, субалтерн (я худо-бедно выучился различать колониальные мундиры), кого-то высматривая, пробирается через толпу. Лавочник тут же накрыл гребни серой дерюгой и, сплюнув через плечо, ушел в темноту двери. Ну вот, и здесь полицейские поборы, да как рано мальчик-то начал. Имперское воспитание, готовят с малолетства.

Из портового лабиринта выскочил рикша – бронзовый старик, чьи длинные (соль с перцем) волосы были собраны на затылке в узкий пучок и блестели, смазанные маслом. Хватая рукав, он забормотал на том ломаном языке, который чужд всем народам, но всеми отчего-то считается единственно внятным для иностранцев. Понять было решительно ничего невозможно, отцепиться тоже; оставалось только сесть в узкую коляску с откидным верхом, тут же хлипко закачавшуюся, и командовать, как учил капитан:

– В «Голь-фэс».

Замелькала зеленая тень, рикша выбежал на лишенную тени эспланаду, и солнце ударило, как бичом.

IV

– Почему он? Почему этот?

Из темноты послышался голос, безысходно мрачный; казалось, сама Бездна вещает им. Да! Так и было! Бездна, древнее всех помыслов человеческих, властно влекущая к безумию всякого, – Бездна избрала его своим глашатаем на этом проклятом острове.

– Он избран, – молвила тьма, – ибо найден достойным дара; нет, не Хозяевами нашими, но тем, кто знает! Человек на корабле хотел получить *это* для своего господина, царя Северной Державы; он не получит, ибо ушел к Хозяевам! Да свершится же!

– Да свершится! – ответил хор.

– Маловерным, – прибавила темнота с угрозой, – будет подан знак; этой же ночью! Знак несомненный и рокошующий!

– Но как он попадет туда, где будет одарен? – опять спросил первый, склоняясь со всей почтительностью. – Как узнает?

Воцарилась неимоверная тишина, ужаснувшая более, нежели страшные пророчества, возглашенные прежде; и пал ответ, как закутанное в парусину тело падает с борта океанского парохода:

– Э-э-э...

Во тьме просвистали бескрылые птицы, и все содрогнулось.

V

Он проснулся – и думал, что от кошмара.

Каждый раз, проваливаясь в болезнь, он узнавал об этом в ночь накануне, когда температура только начинала ползти. Верные признаки: просыпаешься каждый час, а неглубокая муть полузабытья выносит на склизкие серые камни, под которыми шевелятся то ли черные раки, то ли бесформенное удушье; бежишь, сбивая пальцы на голых бревнах, кем-то брошенных на берегу, падаешь в стылую ноябрьскую воду. Самое мерзкое – даже не заливаемая водою склизь, но вдруг прояснившиеся во мраке кладбищенские ворота: столбы давно обвалились, а земство и губернатор все никак не решат, кому платить за ремонт, – родина. Кого-то хоронят; в толпе одни лишь гимназические учителя, все в одинаковых плащах и с зонтиками, и все говорят полатыни. В гробу, точно в футляре, лежит – каждый раз кто-то новый: кого пришлось хоронить наяву.

Коля.

Смерть страшна – но разве не страшнее было бы жить вечно? Так же трудно, как всю жизнь не спать.

И тут же старый, сродный кошмар сменяется новым: кладбищенская грязь оборачивается топкой томской дорогой, ночь – предрассветным сумраком, почтовая тройка несется гоголевским аллюром навстречу тарантасу, оба экипажа сворачивают в одну сторону, и черная грязь бросается в лицо, залепляет нос, лезет в рот, дыхание перехватывает болото, и последнее, что слышно, – это глухая, лютая брань откуда-то сверху – с небес, – но что страшнее всего, отчего останавливается сердце и пропускает удар, другой, третий, и вместо него тикают, уже наяву, часы на прикроватной тумбочке, – страшнее всего одна мысль, потому и ставшая кошмаром, что днем он заслонялся от нее: один; совершенно один; согнуть в томском болоте – хоть не под забором, вопреки пророчеству одного критика, – нелепая смерть, как у всех в семье, как у Николая, туберкулезника, пропившего все, талантом начиная и жизнью заканчивая; в одиночестве.

Хороший был писатель, но не Толстой.

Как будто убежишь от такого.

Но рухнул не тарантас, подминая чемоданы и узлы, – грянуло за окном, и ударилась о стену приоткрытая балконная дверь.

Вспыхнуло фиолетовым, и в бесконечный миг уложилось все: черные лапы пальм, белое небо – слепящее зарево, словно выросшее из океана дерево, – удивленный циферблат, распавшийся на блеск и тени, и белая лапа – гребень волны, поднявшейся ко второму этажу; и отчетливее всего – медленное вращение расшитой комнатной туфли в огромной луже, захлестнувшей ковер.

Дерево погасло, и разом, тысячью барабанов, зарокотали гром и ливень.

В цветастом халате (гонг-конгский якобы шелк), на каждом шагу хлюпая мокрыми туфлями, он спустился в приемный зал, мраморный и темный. Ночной портье, человек положительный, в ливрее и с прокуренными рыжими усами, отложил книгу (на обложке мизерный человечек убегал от огромного пса, почему-то светящегося), подкрутил газовый рожок, чтобы светил поярче, и чуть приподнял бровь.

– Гуд найт, – сказал постоялец. – Май рум из вери... вет. – И, подумав, прибавил, озабоченный вспышкой: – Нау.

Портье что-то сказал, но его заглушило новое падение неба.

– Сорри, бат ай кэн нот хиар, вуд ю рипит, плиз?

Опять фотографический блеск, и снова грохот.

Портье закончил ответ и замолчал.

Беседа все более напоминала цирковое представление: два клоуна, мокрый (белый) и сухой (рыжий) обмениваются вскриками без складу и ладу, большой барабан в сопровождении визгливой трубы то и дело подает свои реплики, а за кулисами фокусник и дрессировщик режутся в карты на битой молю львиной шкуре.

– Вы русский? – спросили из-за спины с чрезвычайно сильным акцентом.

Разговор в восточном порту, даже с чистильщиками обуви, всегда начинался с этого детского изумления: оказывается, русские не выдумка – и даже ездят за границу; удивление не пропадало с каждым новым вопросом, каждым новым русским. В России иногда спрашивали, не татарин ли он – но вряд ли о таком народе слышали на Цейлоне.

Он обернулся.

Перед ним стоял невысокий, очень смуглый молодой человек, лет на пять его младше, в светлой ситцевой сорочке и светлых же штанах (молнии делали его альбиносом в черном: идеальный негатив). Улыбка была не дежурной, но и не вполне искренней: так смотрят на ребенка, дикаря и того, кто схож с обоими, – на путешественника, не знающего языка. Лицо показалось знакомым: да, точно, вчера он что-то втолковывал другому портье, медленно и строго. Ну, слава богу, хоть объяснить смогу.

– Да, я русский, с парохода «Петербург». Видите ли, мою комнату залило, и я...

– А что он говорит? – спросил смуглый, кивая в сторону портье.

– Я никак не могу расслы...

Теперь заглушило его самого.

Грохот едва улегся, перейдя в ворчание, а незнакомец (фу, еще сказал бы «таинственный незнакомец»; заменить) уже очень быстро говорил с дежурным – судя по тону, отдавал приказания; портье только вставлял международное «э-гм».

– Все уложено... уложено, – поправил себя смуглый, улыбаясь от души. – Ваши вещи перенесут в другой номер, на сухой стороне. Более или менее сухой. Такие бури нечасто, но бывают, и ничего тут не поделать. В ближайшие... – он так зыркнул на человека за стойкой, что тот немедленно исчез, – полчаса. А пока что, прошу, посидите у меня, согрейтесь. В такое время ночи и в такую погоду советовал бы виски.

– Благодарю за приглашение, но вас затруднит...

Смуглый решительно повел рукой:

– Совсем не затруднит. Кроме того, я, в некоторой степени, представляю администрацию. Нет, не отеля, а колониальной службы. Ведомство этнологической разведки. – Короткий наклон головы.

Конечно, этот знает, как обходиться с дикарями.

– Но вы не англичанин?

– Все спрашивают, – ухмыльнулся смуглый. – А вас, наверное, не русский ли. Я ирландец. Как у нас говорят, *native-born*. – Он протянул руку. – О'Хара. Кимбол О'Хара.

– Антон Чехов, врач.

Мистер О'Хара оказался удивительно приятным, а главное – неназойливым человеком: сразу видно англичанина, даром что туземнорожденный ирландец. Когда Чехов выразил желание (а он выразил? – во всяком случае, О'Хара так его понял) переселиться в другую гостиницу, этнолог сразу же послал коричневого мальчишку, торчащего у входа, с запиской в «Гранд ориенталь» и распорядился о перевозке вещей.

Наутро шторм как будто решили вычеркнуть из природы: потрепанные пальмы за окном приглаживали вымытую листву ветром с холмов, немногие темные пятна стремительно исчезали на темно-красной, почти лиловой брусчатке. Мастер сцены убрал декорации пролога, и на подмостках осталась залитая солнцем повседневность – верно, так же прискучившая мест-

ным обитателям, как величественная картина вечного покоя – дьячку стоящей над обрывом церквушки.

У входа в «Голь-фэс» (трехэтажное белое здание, не уступающее иным дворцам, с нелепым псевдогреческим портиком) они расстались, договорившись встретиться завтра – посетить базар, без чего ни один турист не покидает Коломбо. «Петербург» отбывал в Европу вечером пятого дня, времени на местные красоты оставалось вдоволь.

– Да, чуть не забыл, – сказал Чехов негромко и закашлялся.

О’Хара обернулся на ходу, а вернее – замер на полушаге и за миг опять стоял рядом. Опасная плавность; хорошо же учат этнографов. И жара ему нипочем, ни капли пота на лбу.

– Два вопроса, если позволите.

О’Хара молча кивнул.

– Откуда вы так хорошо знаете русский?

– Лет десять... да, десять лет назад я был проводником в Гималаях у одного русского.

– Пржевальский? – живо спросил Чехов. Не так давно он написал некролог славному путешественнику и хотел бы узнать подробности.

– Вряд ли: такую фамилию я ни повторить, ни запомнить не смогу, но точно узнал бы. Вот тогда я и начал учить язык; а я имею привычку все дела доводить до конца.

Прозвучало едва ли не с угрозой, хотя отчего бы?

– Сколько же вам было тогда?

– Совсем мальчишка, только закончил школу. Это была моя первая взрослая работа. Ну а второй вопрос?

– Вы недавно на Цейлоне?

– Здесь, вероятно, я должен спросить: «Но как вы догадались, Холмс?»

– «Догадались» – кто?

– Ах да, вряд ли повести мистера Дойла успели перевести на русский. Я хотел сказать: частный сыщик, выдающийся литературный герой.

– Я всего лишь врач.

– Мистер Дойл тоже. Так как вы догадались, доктор Чехов?

– А как иначе вы бы оказались в гостинице глубокой ночью? Мне успели объяснить, что англичане почти сразу снимают бунгалоу.

– Господин Чехов, – веско ответил О’Хара, – ваше правительство совершенно зря не зачисляет врачей в разведку. Я прибыл на остров позавчера, а сегодня, как и вы, переселяюсь. Итак, до завтра. Я зайду за вами ровно в девять часов утра. В Индии пунктуальны только поезда и этнологи. Имейте хороший день. – Он хмыкнул, показывая, что так обойтись с идиомой может только в шутку. – Да, и еще, – сказал Кимбол О’Хара. – В сказках полагается задавать три вопроса. Последний за вами.

Он кивнул и, толкнув тяжелую вращающуюся дверь «Голь-фэс» (ох уж этот акцент; запомни наконец: «Galle Face»), исчез.

Навстречу доктору Чехову по эспланаде уже бежали наперегонки рикши, лоснясь на солнце.

VI

О'Хара назначил молодому Стрикленду встречу под белым парусиновым навесом в кафе «Фонтаны рая»: южная сторона маленькой площади, в центре которой журчал фонтан со скульптурой, изображавшей свидание Рамы с Ситой. В самом кафе все обстояло благочинно, и джентльменам заходить сюда было не зазорно, название же и скульптура намекали на то, что за углом начинается улица не столь строгой репутации.

Час был самый жаркий; О'Хара любую погоду принимал равнодушно, а вот у Адама гудела голова – он еще не привык к тропикам. Кофе здесь подавали крепкий и горький до сведенных челюстей. Адам не выдержал и попросил сахару и молока; слуга-парс поклонился и заказ выполнил, но Стрикленд знал, что его репутация здесь погублена.

– Адам, – начал О'Хара, – я не могу понять, были вы правы или нет. И не смотрите на меня так. Размешайте сахар и пейте.

Адам отхлебнул из чашки, еле заставив себя отвести взгляд. Он готов был признать, что сморозил чушь, – кому и знать, как не мистери О'Харе, – но что шеф окажется в недоумении, этого он не мог ни предвидеть, ни принять.

– Очень непростой человек, Адам. Очень. Доброе лицо, хорошая улыбка и жесткие глаза. Не холодные, именно жесткие. Да, конечно, опытные врачи все такие... но есть в нем что-то еще: он не просто смотрит, он запоминает, мысленно описывает – это ни с чем не спутать. – О'Хара сделал небольшой глоток и откинулся на спинку плетеного кресла. – Я играл, особо не таясь. Если он и вправду агент, ему придется выходить на своих, так пусть уж считает, что перехитрил недалекого этнолога. Но. Я не могу понять, какую игру ведет он. Поэтому мне опять нужна ваша помощь, Адам. Сейчас я расплачусь и уйду, вы спокойно, *спокойно* допьете кофе – кстати, рекомендую здешнюю сдобу, – и пойдете на Райскую улицу.

Адам заморгал.

– Вы хороший мальчик, – продолжал О'Хара, искоса поглядывая на него, – но и хорошие мальчики посещают Райскую улицу, так что не хлопай длинными ресницами, о губитель сердец. – (Последние слова были сказаны на хинди.) – Найдете дом госпожи Ханифы – третий слева, под знаком лотоса, его содержит слепая старуха, уроженка Лакхнау.

Конечно, Адам ее знал. И не потому, что... словом, не только потому, что... словом, всем было известно, что шеф год назад помог ей с обустройством заведения в благодарность за какую-то давнюю услугу.

– Закажете на час – простите, Адам, на два часа – девицу по имени Цветок Услады. Мне все равно, как она этого добьется, но: когда мистер Чехов постучится в любой из домов на Райской улице, отворить ему должна Цветок. Допрос с пристрастием, потом она немедленно идет в лесное бунгало, где ее ждем мы. Все ясно, мистер Стрикленд?

– Но... – Конечно, Адам видел на улицах Коломбо невысокую метиску, но не мог и подумать, чтобы... да и не по карману. – Но вы уверены, что Чехов пойдет на Райскую?

– Уверен. Не знаю, что он помнит из наших ночных посиделок, – никогда не пейте неразбавленный скотч в таких количествах, – но он поделился очень теплыми воспоминаниями о публичных домах во всех портах следования. Даже если это «легенда», он позаботится о том, чтобы ее подтвердить. А скорее – просто «русская душа»: сразу рассказать о себе чужаку что похуже – пускай тот потом не разочаруется. Деликатность, в своем роде. – О'Хара пододвинул тарелку со сладкими апшамми. – Прекрасный здесь кофе, однако не мешало бы добавить корицы. В Калькутте...

VII

Если зажать левой рукой рот, а правой полоснуть по горлу, крови будет много, а шума чуть. Тело можно бросить в лагуну к черепахам и крокодилам, а можно оставить там, где его найдут поутру – и поймут намек.

VIII

Проституция – социальное зло (порок без сознания вины и надежды на спасение); однако неизбежное. Не надо брезговать жизнью, какой бы она ни была.

Если ты потерял невинность в тринадцать лет в дешевом таганрогском борделе, некоторые привычки останутся надолго. Всегда получать ту, кого ты хочешь; больше не брать ту, с которой тараканился; говоря о женщинах, цитировать кого-то: «низшая раса», да и думать так.

А когда и если встретишь ту, которая окажется слишком близка, чтобы так говорить о ней, – завести роман с двумя актерками разом (у одной прозвище «Жужелица», у второй даже прозвища нет), запутаться в этих трех соснах и сбежать.

Не главная, но причина.

Проституция хороша тем, что честна; казалось бы, Толстому это должно нравиться – и нравилось, судя по всему, пока силы были. А если покупное тараканство еще и чисто – чего желать? Уж не семейной жизни.

Эта была чиста, точно как та японка в Благовещенске. Восточное обыкновение. Черна, конечно, как смертный грех, и днем, наверное, кожа отливает синью; роста немалого – глаза в глаза. И тем еще хороша, что иностранным языкам не обучена, – а нынешний ее клиент не так хорошо знает английский, чтобы вести с ней личные разговоры.

Поэтому больше объяснялись жестами – даже уговариваясь о цене; она, не выдержав, полезла в его портмоне, достала две не такие уж мелкие купюры, помахала ими и положила обратно: после, после. Не ломалась, не жеманилась – ни в чем.

А теперь молчали.

Прибывая, почти круглая луна висела между ветвями; огромный крылан картинно пересекал ее диск: даже летучие мыши прониклись духом здешней слишком театральной природы. Бамбук, распушенный перьями, будто нарисован, светляки разлетаются искрами пиротехники, и орет за сценой хор древесных лягушек.

Она привела его под своды огромной смоковницы. Местная порода, не чета неплодной палестинской тезке: корни, мочалом спускавшиеся с ветвей, год за годом утолщались, пока не стали новыми стволами, опорой библейского шатра. Крупные, мясистые листья: немудрено, что ими прикрыли свой срам прародители, егда отверзошася очи обема, – совсем недалеко, на Адамовой горе, в самом сердце острова.

Возвращенный рай: наги и не стыдимся.

– Когда я состарюсь и буду помирать, – сказал он в шутку, с трудом подбирая английские слова, – обязательно скажу сыновьям: сукины дети, на Цейлоне я... прекрасную женщину, в тропической роще, в лунную ночь. А вы что?

Она тихо засмеялась, прикрывая рот свободной рукой.

– Ты долго будешь здесь? – спросила она. – Ты еще будешь со мной?

– Четыре дня, – сказал он. – Буду, наверное.

– Наверное? Тебе не нравится? Ты уезжаешь?

– Куда? – Он не понял вопроса и тут же резко вдохнул. – Уплываю через четыре дня, а пока здесь, в Коломбо.

– Никуда не поедешь? – Она удивилась так, что даже остановилась. – Остров большой, красивый, есть что посмотреть. Например... – Говорила скучно, словно по заученному. Неужели ей платят за рекламу красот?

– Ни-ку-да, – прервал он и опрокинул ее на спину. – Разве только...

Она засмеялась.

Потом она сказала:

– Ты правда расскажешь об этом детям? Правда?

Он не ответил.

Бывает такая боль, которая не убивает, но и – врет немец – не делает сильнее. Просто отмирает часть души, загноившаяся память покрывается сухой коркой, которую время от времени с Достоевским сладострастием отдираешь, и тогда снова кровит.

Когда он узнал, что бесплоден, то сперва не поверил, как не верил до сих пор, что у него чахотка. Не то чтобы он так уж стремился обзавестись семьей – да и жениться не собирался, – но сидело, значит, в нем стремление к продолжению рода: на биологию наслои́лась мужская гордость.

Глупо, конечно; «книги и дети делаются из одного материала» – кто это сказал? Флобер? Бальзак? Глупый француз: сколько детей у графа Толстого? А байстрюков? Или он и в этом идет против общих правил?

Оно и к лучшему, пожалуй: что бы я успел, виси на мне, кроме родной семьи, еще и чужая?

Вот оно что: любая семья для меня будет чужой, а своя – тошная, постылая, но своя. И уж она-то никуда не денется, если я на полгода уеду в другое полушарие.

А вот эта черная девица, она расскажет своим детям (если после подобных занятий сможет их выносить) – или умолчит, станет почтенной матроной, какие никогда не выглядывают из паланкинов и велят слугам расчищать дорогу от всякого сброда? Пожалуй что и расскажет: на востоке такого не стыдятся, как не стыдились и в Греции. Гейши, гетеры. Никаких «надрывов», все так, как и должно быть, честно и чисто. Она не сопьется, не умрет после подпольного аборта, не сгниет от сифилиса, и худшее, что может случиться, – шепот за спиной: «Славная куртизанка, но до Нана далеко». Говорят, Золя читают и в Индии, на горе местным б...ям.

– Не уезжай, – настойчиво сказала она. Странно, ведь только что хвалила... бог знает какую достопримечательность, прослушал. – Не уезжай. Эти дни будь со мной.

– Нет, – быстро сказал он.

Вот так оно: уже предъявляет права. Хоть на неполную неделю, но отхватить, присвоить, приставить к себе.

Луна пошла на закат, пальмы потемнели. Сыро становится.

Он не видел ее лица – только очерк, смутный овал, более памятный губам и рукам, чем глазам.

– Орхидеи начинают отцветать, – сказала она непонятно.

Вот и еще одно различие между нашими и местными: эти не уговаривают – словами, по крайней мере, – но тут она опять потянулась к нему, и, теряя себя, он успел подумать: а будь я параноиком, решил бы, что ее подослал непростой, ох какой непростой мистер О'Хара.

Никогда не узнать мыслей другого... другой... все равно. Так стоит ли мучаться, придумывая «психологию», если можно описать взгляд, движение, неясное слово, проблеск – и все будет ясно, или не ясно ничего; но не в этом ли цель искусства?

Это он поймет после, много после – но что-то же думал он и в такое время, когда не думает никто? Я не знаю. Да и он не знал.

IX

– Нет-нет-нет, мистер О'Хара, – упрямо говорил Адам. – Мы, люди цивилизованные, не должны делать ни малейших уступок. Я готов признать силу гипноза, ясновидение – да, может быть, – но все прочее только суеверия.

– Один из моих наставников, – весело сказал О'Хара, – очень любил читать Спенсера – но, проходя мимо ведьмы, всегда делал крюк, потому что она, как известно, может ухватить душу за ее тень.

– Еще одно суеверие, – пожал плечами Адам.

Он нетерпеливо ходил из угла в угол полупустой комнаты на втором этаже бунгало, стоящего у края болот. Удобное расположение: никто не будет прогуливаться рядом от нечего делать, и достаточно близко к Форту, чтобы два глупых англичанина могли заплутать неподатливого... или назначить там встречу Цветку Улады.

(На углу площади сидел безногий – якобы безногий – нищий. Когда Адам кинул ему монетку в три аны, он пробормотал, что русский явился на Райскую улицу и больше не показывался: или там остался, или прошел ее насквозь.)

Уже стемнело, жара, не отступая, все же перестала давить. О'Хара зажег масляную лампу, что поблескивала на кривоватом столе, и пристроился у стены – по-местному, на корточках: так он мог сидеть, не шевелясь, часами. Адам знал, что это означает доверие; шеф никогда не позволил бы такого перед теми, кто мог, фыркнув, сказать: «Совсем отуземился». Мало где в Империи стена между белыми и «ниггерами», особенно европеизированными, так высока и прочна, как на Цейлоне; но не Адаму – сыну человека, который прошел весь Северо-Запад, переодевшись саисом, – осуждать Кимбола О'Хару. В такие минуты шеф говорил протяжно, чаще вставлял в речь местные слова – и становился похож на черного божка с туманной, неподвижной улыбкой прирожденного мастера загадок и обманов.

– Простите, мистер О'Хара, – медленно проговорил Адам, – но вы что же, верите во все, что рассказывают на базаре? В зеленую пилюлю бессмертия? Спящего рыбоголового бога? Тайный орден Управителей, которые поклоняются Единому в образе Маятника?

– Считайте меня *агностиком*. – О'Хара выделил чужое слово голосом. – Пока что я не берусь выносить суждение по этим вопросам. Есть то, что происходит у нас в голове, – продолжал он, растягивая гласные. – Когда в первый день я заставил вас принять разбитый кувшин за целый, вы могли – повторяю, *вы могли* – увидеть черепки и лужу на полу. У вас не получилось – это другое дело. Но если прокаженный насылает на белого проклятие, едва коснувшись его одежд, и тот ближайшей же ночью превращается в зверя и воеет, катаясь на полу; если двое, не сговариваясь, видят одно и то же – скажем, собрание богов, решающих судьбы народов; если человек вспоминает, что в прошлой жизни он был ростовщиком, и вот, он идет в прежний свой дом, убивает новых хозяев (он сам рассказал мне это в тюрьме) и выкапывает из угла запечатанный горшок, полный золотых монет, – это не наваждение, это явь; а не считаться с явью – дело опасное. *Декха, бара-сахиб?* – Он поднял голову на точно рассчитанный угол и посмотрел прямо в глаза Адаму. – Нужно знать, как избавляться от наваждений. Как раскалить на огне ружейный ствол и заставить прокаженного снять проклятие. Важнее – отличить наваждение от яви. А еще важнее, – он усмехнулся невесело, – знать, что и явь – лишь наваждение, чья-то выдумка; и тогда ты пробуждаешься.

Адам присел на корточки подле, хоть и знал, что ноги с непривычки затекут через минуту. Он и так жался от неловкости, нависая над О'Харой, а уж теперь, когда собирался нарушить один из главных запретов англо-индийского общества – не задавать личных вопросов... В горных фортах, отдаленных поселениях, тесных селтльментах узлы затянулись слишком давно и крепко, чтобы разрубать их, спрашивая о чем-то напрямик.

Он решился.

– А правду говорят, что вы...

– Правду, – отрезал О'Хара.

Адам замолчал пристыженно. За окном резко прокричала майна.

Когда субалтерн уже подобрал от стыда пальцы в ботинках, О'Хара сказал тихо:

– Десять лет назад я освободился от Колеса. Знали бы вы, Адам, как это трудно – видеть мир таким, каков он есть, и как прекрасно. Видеть Спицы, идущие от Ступицы к Ободу, видеть, как восходят и нисходят по ним... Понимать, как и для чего существует все, идущее Большим Путем.

– Но тогда, – спросил Адам столь же тихо, – что вам Большая Игра, если вы видите Большой Путь?

О'Хара неожиданно рассмеялся – негромко и не шевелясь; только чуть подрагивали его не по уставу длинные волосы.

– А что делаете вы, Адам? Ведь не потому вы торчите в этой дыре, выполняя мои странные поручения, что решили пойти по отцовским стопам?

Адам замялся. Он знал, почему, но сказать не мог: в школе «Вестворд Хо!» речи о Брени Империи набили такую оскомину, что повторять их всерьез было невозможно; а новых слов еще никто не нашел – впрочем, один новый поэт, из туземнорожденных...

– Вы не можете сказать, – кивнул О'Хара. – Первый шаг – отказ от слов. Но вы *знаете*; знаю и я.

Они замолчали. Тень от оконной решетки ползла по комнате, переплетаясь с тенями, которые бросала чадающая лампа. Адам неловко пошевелился.

– А вот доктор Чехов, которого мы разрабатываем... – О'Хара поморщился. – Не знаю, как объяснить. Я не умею рисовать Колесо; мой Учитель умел, одним из последних во всем Бхотияле и, может быть, последним в Индии. Он выучил двух англичан – куратора лахорского музея и его сына, журналиста... жаль, я не успел поговорить: года полтора тому они вернулись в Европу. Я не умею – но Чехов умеет. Есть такие люди, которые накрепко прикованы к Колесу, но при этом видят его изнутри и могут – иногда – менять его ход. Они плохие политики, плохие игроки, но хорошие пророки. Когда они видят ясно – никто не видит лучше их; когда ошибаются – их видение вплетается в узор и переходит к другим. «Как называется сон, который видят сразу многие?»

Ответа он не получил: заскрипел гравий на дорожке, и даже Адам понял, что шаги не женские.

Х

Бронзовый Шива утапывал чернильный прибор и пиялился на стопку бумаги – пока что пустую, лишь несколько отрывочных замет на верхнем листе. Гостиничный «бой» (неопределенного возраста, но с проседью) постучался почти неслышно, бочком прошел через комнату и мягко опустил на стол поднос с завтраком. Разумеется, вечное азиатское карри, только от порта к порту разнятся добавки и специи.

«Бой» ушел не сразу – на пароходе предупреждали о несносном любопытстве местных слуг, – краем взгляда он ухватил полуисписанный лист и, кажется, даже потянулся к нему, но тут постоялец приподнялся в кровати, продирая глаза, и «бой» исчез.

Просыпаться после давешнего оказалось трудно до чрезвычайности, и только мысль о добросовестности этнологической разведки согнала с постели. Несмотря на ранний час, за окном опять жарило; прохлада воды в расписном кувшине казалась намеком и увещанием: зачем отсюда уходить? Карри: приправа на сей раз незнакомая, но очень горячительная; а еще – дольки апельсинов и чуть ли не икра. День не обещал сюрпризов – да и откуда им взяться на цивилизованном острове, – до тех пор, пока Чехов не обул левую туфлю.

Длинный мраморный холл «Гранд ориенталья» был обширен и прохладен. Подумать страшно о том, чтоб выйти на дрожащий от жары воздух; впрочем, давил низкий потолок. Мистер О'Хара, одетый в светлый костюм с некоторой претензией на щегольство, лениво прогуливался вдоль огромного, во всю стену окна с видом на порт. Типичный европеец: минуты мы не можем усидеть на месте, словно шаги взад-вперед хоть немного, а приблизят нас к цели. Улыбка этнолога опять стала несколько натянутой: что же случилось такого со вчерашнего дня? Неприятности по службе, видимо; но пришел, как обещал, и даже чуть раньше назначенного.

(А случилось вот что.

– Мертва? – спросил О'Хара. Ночь слой за слоем стирала с него европейское воспитание Святого Ксаверия, пока не остался только базарный мальчишка, тринадцать лет назад взятый в оборот Большой Игрою.

Четверо стояли над полузатопленной промоиной на краю южного болота. Солнце еще не вошло, но утренние птицы перекликались всюду: серое время, смутное время.

– Очень грамотно, – сказал констебль Уиггинс, связанной О'Хары: еще один мальчишка, прошедший лондонскую уличную выучку, а потом прокаленный цейлонским солнцем; человек добродушный и даже чувствительный – но не на службе. – Китайский бишоу, от уха до уха.

Китайцев на острове много, подумал Адам, и бишоу может купить кто угодно; но доктор Чехов по пути заглянул в Гонконг. Только это было явно Опрометчивое Суждение.

Как странно: убита женщина, с которой еще вчера я... которая... а я думаю, сделал ли это какой-то русский, или он ни при чем, а зарезали ее те же, кто задушил незнакомого Гусева... Только так и можно остаться живым и в здравом рассудке: никого не жалеть, но твердо знать, что право, а что нет, и поступать как должно. Наверное, и у врачей так. Выучиться нельзя, только привыкнуть.

– Когда? – спросил О'Хара.

Все трое посмотрели на врача – сухого шотландца с проседью в редких усах, весьма недовольного тем, что его подняли ночью и погнали на болото.

– Более двух часов, – сказал он. – Менее двенадцати. И вероятно, ближе к девяти-десяти.

– Ближе к девяти, – пробормотал Адам. – Всего через два часа после того, как я...

– Жалко, – сказал О'Хара пустым голосом. – Утром зайду к Ханифе.

И тут до Адама дошло то, что шефу, конечно же, пришлось в голову сразу: если Цветок убита – с кем же был Чехов?)

– Ну что, готовы к экспедиции?

– Готов и предвкушаю.

Солнце еще не добралось до зенита, но в зеленой тени было парко. О'Хара свистом подзвал двуколку; праздные рикши под навесом вскочили было, но тут же снова опустились на землю, прислонясь спинами к почернелым колесам. Маленькая мохнатая лошадь, почти пони, пофыркивая, остановилась у щербатых колонн крыльца: она не была расположена куда-то спешить, а кучер и не собирался гнать. Он подождал, пока Чехов и О'Хара усядутся на кожаные сиденья, проеденные влагой и насекомыми, поднял откидной верх, неторопливо уселся на козлы и что-то спокойно сказал лошади. Та переступила с ноги на ногу, постояла еще немного и начала неспешный обход площади, стараясь не выходить из тени.

– На базар, – приказал О'Хара, двуколка сделала еще полкруга, и лошадь затрусила по узкой улице, застроенной двух-трехэтажными оштукатуренными домами с наглухо закрытыми бурями ставнями.

– Как вам понравилась новая гостиница? – спросил этнолог.

– Всем хороша, – признал Чехов. – Нету этого, знаете, показного великолепия, которое говорит только о глубоком упадке – гостиницы, страны или вкуса. В «Галле фэйс» я даже окно не мог притворить, и пахнет там сыростью. Одно странно: с моими туфлями продолжаются приключения.

– Что такое? – спросил О'Хара с равнодушной вежливостью.

– В «Галле фэйс» комнатная туфля – правая – чуть не уплыла за балконные перила, а теперь вот в левой...

– Тоже комнатной?

– Нет, вот этой. – Чехов, насколько позволили борта повозки, вытянул длинные ноги и пошевелил носком вправо-влево: прочная тупоносая туфля коричневой кожи, свеженатертая «боем». – Ну-с, так: выставляю я их вечером... – (Соврал: почти под утро.) – Выставляю за дверь, перед выходом надеваю и чувствую – что-то нога не входит до конца. Засунул руку – оказалось, записка: извольте видеть. – Он достал из портмоне мятый листок. – И не записка даже, а... Что скажете? Какой-то местный обычай?

О'Хара небрежно принял листок.

– Бумага местного производства, – заметил он. – Водяной знак цейлонской фабрики. Дешевый сорт. Теперь...

Перед ним была «не записка даже»: на бумагу как по линейке наклеили три слова, вырезанные из газеты или книги:

GO TO KANDY

– Клей тоже дешевый, такой есть в каждой гостинице, – определил О'Хара. – Вторая полоса «Коломбо гзетт»...

– По шрифту опознали? – поразился Чехов. Ему всегда нравились люди, достигшие высокого мастерства в своем деле.

– Да, главным образом. И по бумаге. Газета, видимо, вечерняя: там как раз была заметка о завтрашнем параде в Канди.

– А где это и что это?

О'Хара откинулся на сиденье, но листок не отдал, а сложил вдвое и сунул в нагрудный карман безукоризненно-белой сорочки.

– Плохо же вы подготовились к путешествию, доктор. Канди – это на северо-восток от Коломбо, одно из самых почитаемых мест Цейлона... и кто-то хочет, чтобы вы ему поклонились. В этом городе хранится *Далада* – зуб Будды; если хотите, одолжу вам несколько брошюр.

– Благодарю, было бы любопытно. – Чехов глядел по сторонам, на мешанину коричневых, красных и зеленых пятен. Люди, одежды, деревья даже при медленной езде сливались воедино – они и были одним: Цейлоном. – Конечно, никуда я не поеду, но... – Он закашлялся, прикрывая рот платком.

(Гусев был не жилец. Он кашлял час за часом, надрывая душу и горло, то и дело отхаркивая. Но с такими симптомами, даже усиленными горячкой, можно протянуть не один год, – Чехов знал это прекрасно, и внезапная, глухая смерть отставного солдата поразила его. Освидетельствовать покойника ему как постороннему не дали, а судебной врач только бормотал спяну. Он словно боялся чего-то, не понять чего.

В последний свой день Гусев, блестящий в свете фонаря капельками пота, хватал за руку, тянул к себе и с настойчивостью злого бреда шептал:

– Зуб, зуб... ты к зубу ехай... Я не смогу, ты ехай к зубу... потом отдашь, отдашь потом, это не тебе... Зуб...)

– Приехали, – сказал Кимбол О'Хара. – И, если позволите совет... побывайте в Канди. Там интересно и очень красиво. А от кого эта записка, я выясню.

Чехов видел разные торговые ряды – приморские, в Таганроге и Одессе; московский Хитров рынок, куда и полиция ходит только сам-четверт; Гостиные дворы обеих столиц, где не так-то просто вырваться из рук лавочников – даже сыну лавочника, знакомому со всеми уловками; назойливые дальневосточные базары – на взгляд чужака, избыточные до бессмысленности.

Здесь было все – сверкающие камни, драгоценные ли, бог весть; раковины, плоские и спиралевидные, серебряные цепочки, пляшущие боги, вяленые акулы и мерцающие золотом шкуры пантер; снулые рыбы и еще живые крабы – все огромные и причудливо глазастые; пирамиды кокосов и связки бананов, корзины и циновки, китайские коробочки и простые, ничем не украшенные палочки – зачем они? – и палочки курящиеся; статуэтки, слишком мелкие, чтобы разобрать детали, – слоны, демоны, будды; сквашившееся по жару молоко, горький дух шоколада; проволочные клетки, из которых мангусы, замерев, с ненавистью смотрели на исконого врага: кобру выманивала из тыквы-долбенки флейта ахи-кунтакайи, «очарователя змей»; подвешенные над головами рулоны тканей время от времени сами собой разворачивались и тяжелыми цветистыми складками закрывали проходы вглубь лавок. Кривые проходы изредка выводили к узким, но прямым улочкам, которыми тянулись запряженные горбатыми волами крытые арбы, не ускоряя хода и не замедляя его. В воздухе стояла взвесь из пыли, запахов (мускус, бетель, навоз), криков (попугаи, рикши, торговцы, полисмены) – и ропот океана оставался общим фоном.

Здесь было все, что ожидал увидеть иностранец, а значит, не было главного: той простой, скудной, будничной жизни, которая прячется за прилавками и дивными видами, всюду одна и та же. Только одни страны, в уничижении паче гордости, выставляют ее напоказ – вот мы каковы, и не стесняемся, а если что и прячем, то за тоскливым забором; в других же землях принятый людьми и природой наряд – чопорный ли, беспорядочно ли пестрый – защищает и своих, и чужих от безысходной, безнадежной серости: вдруг кто обманется и поверит. Но и пальмы скоро надоедают – особенно вон те, низкие и пузатые, что лезут из земли, точно репа.

О'Хара объяснял значение амулетов, показывал, как отличить фигурку Будды, сработанную недавно, от старой, хоть и плохонькой, и аляповатой; рассказывал, как обходиться со множеством разноцветных каст, обитателей бесчисленных закоулков, чтобы получить скидку, а то и сохранить жизнь; и почему джат в ответ на обращение «погонщик ослов» рассмеется, а раджпут вытащит нож. В этом краю вместо неба – переплетение ветвей, хранящее от солнца; и вечное движение нескончаемо, словно колесо.

Чехов и О'Хара остановились на косом перекрестке, у клетки, в которой бесновались черно-серые мангусы и пальмовые кошки – Чехов никак не мог отличить одних от других. Владелец зверьков, густо-сизый сингалез в фиолетовом саронге, начал обхаживать европейцев на ломаном английском, но, когда О'Хара прервал его на местном наречии, на миг онемел, а потом заговорил быстро, голосом, похожим на мангусово щелканье. Он то размахивал руками, показывая нечто огромное – змею, наверное, – то замирал, и тогда на его правом запястье становилась отчетливо видна багряная татуировка: то ли рогатый одноглазый человечек, то ли странной формы маятник.

Чехов отступил в сторону, готовясь достать кошелек, почти опустелый; возница, не покинувший своих клиентов, тащил пальмовую корзину, полную бессмысленных сувениров, отобранных на подарки; бессмысленных, потому что никогда и ничего они не скажут тому, кто не узнал их на ощупь здесь, в цейлонском парном месиве. Надо купить мангусов; заказал же он для Суворина яванского пони.

Из-за угла выскочил плосколицый китаец, чье канареечное ханьфу даже среди здешней пестроты казалось вызывающе-ярким: так в африканской сказке леопард, еще не запятнанный, был замечен среди желто-зелено-черного подлеска Туземной Флоры. Китаец двигался быстро, легко и бесшумно; короб с выпечкой ровно плыл перед ним – пока не натолкнулся на долговязого русского.

Китаец ахнул, пошатнулся, и печенье полетело в утопанную пыль; ахнул и Чехов.

– Я жалкая личность! – закричал китаец по-английски, кланяясь в пояс. – Я толкнул уважаемого гостя! Я причинил ущерб!

– Простите... – бормотал Чехов, пытаясь ухватить торговца за рукав и остановить равномерные поклоны. – Мне так неловко... Я заплачу...

– Большая ошибка, – бросил О'Хара, которого явно забавляло происшествие.

Китаец застыл, но закричал еще громче:

– Никакой платы! Низкорожденный Сун Ло Ли почтет за счастье угостить высокодостоинного своим жалким печеньем! Судьба говорит бесплатно!

– Это печенье-гадание, – пояснил О'Хара, подходя. Сун Ло Ли глядел на него безмятежно. – У вас есть такие? Разломать, а внутри предсказание на каждый случай. Бывает забавно.

– Выбирайте, уважаемый господин, – сказал торговец, склонившись так низко, что совершенно закрыл собою короб. Выпрямился и поглядел выжидающе.

Чехов очень не любил разного рода лотереи, рулетки и прочая: и так ясно, что не все-рьез, что выигрыш исключен – не для того все выдумывалось, – но каждый раз ощущал легкое касание надежды, мгновенную анестезию души; а выпадает опять выигрыш заведения.

Он с неохотой взял круглое печенье, позажаристей, которое тут же раскрошилось, и на ладонь выпал узкий, точно телеграфная лента, листок.

Китаец склонился снова. Он походил на балерину, которая, выйдя на аплодисменты, грациозно поникает.

– Читайте, – сказал О'Хара серьезно. – Узнаете судьбу.

Цепочка иероглифов – и следом английский перевод:

«Прислушайтесь к добрым советам».

XI

– Мало времени, Адам! Мало времени. Я еду за ним – неофициально; вы остаетесь на хозяйстве. Пока я еще здесь: досье на Сун Ло Ли – полное, помимо того, что есть в участке. Сводка происшествий в Канди за последний месяц – мне на стол. Там готовится парад Армии спасения – кто о нем объявил, когда, нет ли связи. Что я упустил?

– Мистер О'Хара, я навел дополнительные справки об этом человеке. Оказывается, он не только врач, но и писатель. Сначала сочинял юморески для журналов вроде «Панча», а теперь – рассказы в духе Мопассана о русской тоске. Лауреат престижной премии.

– Ну-ну. Очень хорошо, Адам, я что-то такое и предполагал. До вечера, мистер Стрикленд. Жду отчета.

XII

- Да свершится! Вечным будет владычество Хозяев наших!
- Да свершится!

XIII

«В Индии пунктуальны только поезда и этнологи»: О'Хара (отговорившийся от поездки в Канди множеством дел), как всегда, оказался прав. Ужин в гостинице, даром что английской, задержали на добрые полчаса, зато невыносимо-ранний поезд, пофыркивая, как давешняя лошадка, въехал под вокзальный навес точно по расписанию. Дым вознесся к железным небесам, и молчаливый черный табор, сидевший на узлах и по углам, мигом вскочил, загалдел, помчался в оба конца платформы.

Чехов осторожно пробирался сквозь толпу, жестами и бормотанием отваживая носильщиков. Только дойдя до своего вагона, он понял, как ошибся – или как его надули в кассе: вагон оказался не первого, а второго класса, для смешанной публики. Вот она, чаемая нашими литераторами возможность узнать жизнь простого народа – без О'Хары, правда, не очень осуществимая: видеть, не понимая, для писателя губительно. Но еще хуже – понимание мнимое: видишь только то, что увидеть и ожидал; себя, в конечном счете, а не других. Колбасники немцы, пьяницы (богоносцы) русские, англичане – просвещенные мореплаватели, у которых каждый обучен боксу: что еще нужно знать? Литератор, между тем, должен быть объективен, как химик.

Цейлонцы, дети природы, без опаски и со сноровкой, выдающей привычку, лезли в вагоны: немыслимое сочетание, казалось бы. А между тем очень скоро «настоящие» тунгус, русский, сингалез и т. д. останутся только напоказ туристам, в самой глуши, да и туда проведут электричество для освещения кафешантанов. Это и есть прогресс: когда в зубы бьют реже, ездить удобнее, а человек становится частью человечества.

Вагон, вопреки толчее на платформе, оказался удивительно малолюден: в своем купе Чехов ехал один, в соседнем тоже оказался лишь один пассажир (если правильно запомнились объяснения О'Хары – садху), полуголый, раскрашенный охрой, с длинными пепельно-серыми волосами; на плечи его был наброшен драный цветастый ситец. Припухшие глаза – верный знак того, что недавно он принял опиум, – рыскали, ни на чем не останавливаясь, и на соседа по вагону он внимания не обратил.

Откуда он, зачем едет в Канди – никогда не узнать.

Поезд с лязгом дернулся и пошел ровно. Сначала пейзаж за окном менялся стремительно: проскользнули опоры вокзала, похожие на баньяны, сменились баньянами настоящими (на миг вспомнилась ночная девица; встретиться еще, как вернусь, пожалуй), мелькнула зеленая муть лагуны, и однообразное переплетение зелени потянулось ровной стеной. За стуком колес терялись все звуки, которые придают приятное разнообразие тропическому лесу. Вопреки господам жюль-вернам и прочим любимцам гимназистов, ни приключений, ни сюрпризов он не обещает; леопарда встретить на тропе – так, докука, много их тут ходит.

Чехов вздохнул и достал записную тетрадь.

Раз уж праздному г. читателю так интересны далекие острова, я напишу о самых далеких и экзотических: «Остров Сахалин» и «Остров Цейлон». Только не будет там приключений – одна повседневность, и серый сахалинский ужас, и пестрая цейлонская обыденность. Место приключений займет статистика, ибо наш мир устроен так, что правила важнее исключений.

XIV

Я был в аду, каким представляется Сахалин, а теперь в раю, т. е. на острове Цейлон. Всю дорогу, от Гонг-Конга до Коломбо, мои спутники россияне бранили англичан за эксплуатацию инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете? В электричестве и паре любви к человеку больше, чем во всех рассуждениях о добродетели и воздержании от мяса. Вот чему можно выучиться на Цейлоне, но прибывают сюда совсем за другим.

Ни один местный проповедник, вероятно, не говорит с таким жаром, как заезжие европейцы, о том, что иллюзии и желания погружают человека в бездну страданий. Мы никак не можем решить, быть ли нам фанатиками (и какого бога) или атеистами, и выбираем буддизм как религию, которая дает человеку всё (в том числе превосходство над ближним, не причастным к тайне Востока), не требуя ничего. Что говорят об этом сами буддисты, мне, полагаю, еще представится случай узнать, поскольку поезд везет меня в г. Кэнди. О состоянии цейлонских путей сообщения я напишу особо.

NB Добавить: еще недавно дороги тут не было, ни железной, ни обычной (когда построили?), одни тропы, раскисавшие в сезон дождей, и т. п.

Кэнди, или *Маха-Нуvara*, бывшая столица острова, ныне известна главным образом тем, что в этом городе хранится величайшая святыня Цейлона – «*datha dhatu*» (О'Г. говорил как-то иначе, проверить). Так называют зуб Будды, одну из немногих телесных частиц Просветленного, которые сохранились до сего дня. Зуб (левый глазной) нашли в пепле погребального костра. За две с половиной тысячи лет он много раз менял владельцев и становился причиной ожесточенных религиозных войн. Один из князей поклялся его уничтожить и чуть не исполнил свое намерение, но некая супружеская пара перевезла святыню на Цейлон, где она и пребывает в безопасности под охраной монахов уже полторы тысячи лет. Легенда говорит, что так будет продолжаться еще десять веков, а что дальше – неизвестно. Везде неопределенность.²

10 лет назад очередные искатели восточной мудрости посетили святилище г. Кэнди. Вероятно, многое о русском национальном характере скажет следующая история. Наша бывшая соотечественница г-жа Блаватская была удостоена чести увидеть святыню воочию. Она, хоть и ожидала получить озарение от созерцания реликвии, такового не обрела, после чего разочарованно заявила, что зуб, по видимости, принадлежит крупному аллигатору. Как обычно бывает, человек (русский в особенности), не имея сил и желания пройти поле между верой и неверием в ту или другую сторону, довольствуется тем, что разрушает чужую веру или создает свою, попроще и поудобнее. [Самый величественный и оттого самый яркий пример – проповедь гр. Л. Н. Толстого.]³ Поскольку г-жа Блават-ская высказалась громко и по-английски, паломники зароптали в негодовании, так что для успокоения

² Историческими и этнографическими сведениями об острове я обязан любезности м-ра О'Гара, сотрудника департамента этнологической разведки, – человека удивительно разностороннего.

³ В издательском тексте предложение выделено зачеркнутым шрифтом (*Прим. ред*)

собравшихся ее спутник, г-н Олькотт, высказался в примирительном духе: зуб, точно, принадлежит Будде, но в одном из его прошлых воплощений, когда Всесовершенный явился на Землю в облике тигра.

До важнейшей из местных церемоний остается еще 9 месяцев. В августе ларец, хранящий реликвию, вывозят из храма на слонах, сопровождая шествие пением и фейерверками. Буддистские авторитеты полагают это идолопоклонством, однако поделать ничего не могут: традиция! Поток паломников не ослабевает в любое вре

XV

Ему снятся рыболовные боги, спящие на первобытном дне океана, не живые и не мертвые.

Ему снится варение зелий в горной пещере – дело долгое, рассчитанное по звездам и лунам, которые медленно ходят над неподвижной землею.

Снится мир, в котором нет законов и правил, кроме тех, что создаются на время и в любое мгновение могут быть изменены.

Снится то, чего не может быть, потому что не было никогда. И никогда не будет, Бога ради.

Бессмысленность мира сдавила его, и он проснулся; поезд подходил к Канди, по коридору пробежал китаец, в соседнем купе заворочался садху.

Он откашлялся в платок; снова увидел кровь. Достал портсигар и, зло чиркнув спичкой, закурил.

XVI

Впереди шли девушки в национальных костюмах, но головы, по завету апостола Павла, были прикрыты вполне европейскими монашескими накидками; из-под каждого покрыва сверкали солнечными зайчиками очки в металлических оправках. Полумонахини пели что-то дикое, видимо гимн.

За ними следовал мужской оркестр: белые полотняные костюмы и соломенные шляпы. Первый ряд наяривал на губных гармониках, дальше сомкнутым строем шли гитаристы. Черные мальчишки в набедренных повязках бежали рядом, свистя и прыгая, и все время налетали на музыкантов. Огромный негр в красной куртке замыкал процессию: неподвижно глядя перед собой, он бил в барабан и заглашал всех.

Так Армия спасения проповедовала воздержание, умеренность и милосердие; из того, что Чехов успел узнать о восточных празднествах и парадах, этот и впрямь был умеренным.

На Цейлоне 805 христианских школ и 4 буддистских. А поскольку для приема на государственную службу необходима справка об образовании... К тому же законными признаются только христианские браки. В итоге – то ли повальная христианизация, то ли всеобщее лицемерие, не разберешь. Туземцы, выучившие английский язык, от своих отстали, к чужим не пристали: все хотят работать в колониальной администрации, так что предложение превышает спрос. Точно то, о чем предупреждал Даль: грамотный крестьянин сразу решает, что работа в поле не для него и т. п. Только местным и вовсе некуда податься.

Он не хотел уподобляться тем туристам, которые на все смотрят с деланным равнодушием, только что не сплевывая через губу: это пошло, да и Цейлон ему нравился. Путешествие оказалось увлекательнее, чем он предполагал: после первых однообразных миль виды за окном менялись с каждой минутой. Горы то прятались в низких облаках, то вновь являли зеленые склоны в переливах света и тени. Отвесные голые скалы сверкали серебром, а вблизи оказывались серо-желтыми и снова блестели вслед поезду.

Долина Канди оказалась недурна: горы замкнули ее кольцом, незаконное буйство леса сменилось регулярностью рисовых и чайных плантаций, а посередине искрился аккуратный квадрат бирюзового озера; невысокий, похожий на пагоду храм с красной крышей был виден издалика.

Однако сам город скучен: ровные улицы вдоль сторон квадрата, от них под прямыми углами расползаются переулки. Старых зданий вовсе нет, кроме бывшего дворца и храма, спрятанных за рвом и стеной; хижины сингалезов, нечастые бунгалов, кое-где – открытые лавки. Форты нет, зато серым кубом торчит острог. Да и по ту сторону рва интересного мало: сырой одноэтажный дворец пропах древней плесенью, и недавний европейский ремонт делу не помог. Что же до храма... Всезнающий О'Хара мог бы разъяснить значение бесконечных геометрических фигур и орнаментов, на фоне которых посетителю улыбались равнодушные будды или скалились демоны, – но гостю они были непонятны и вскоре приелись. Зуба он так и не увидел: предмет поклонения хранился в реликварии – огромном сундуке красного дерева, украшенном камнями и золотыми цепями; больше всего он походил на кухонную ступку, да и назывался как-то похоже.

Приторно и удушливо пахли цветы, невнятно шептались паломники, конус света медленно смещался по дощатому полу, и золоченные спиральные колонны вспыхивали поочередно. Больше всего храм напоминал церковь где-нибудь на окраине Москвы – не бедную, но в будни полупустую; старухи и младшие приказчики приходят туда поставить свечку Пресвятой-Троице: Иисусу-Христу, Богородице и Николе-Угоднику. Язычество везде одно и то же, а веры нигде не найдешь.

Он вышел из храма и, шурясь, стоял под козырьком. Горы удваивались в отражении, пахло свежим навозом, слонов было не видать. Тут-то и загремела умеренная процессия, точно по отмашке. Закончилась она столь же внезапно, как и началась; в ветвях магнолии закричала незнакомая птица, будто молоточком стучала по каблуку.

Чехов посмотрел на часы: до обратного поезда оставалось часов пять; можно пообедать в английском ресторане и обойти озеро. Или сначала обойти, а потом пообедать, иначе вконец разморит и развезет. Заодно расспросить о жизни местных крестьян: на кого они работают, сколько получают, сколько тратят. О'Хара предоставит официальные таблицы по первой же просьбе, так ведь то официальные... На Сахалине Чехов провел перепись (десять тысяч опростых карт), здесь, конечно, ничего не успеет, но все-таки. Он уже понимал, что «Остров Цейлон» окажется куда ближе к традиционным «путевым запискам», чем «Сахалин»; пожалуй, даже с комическими интермедиями – вроде плавающей туфли и таинственной записки. Жаль будет, если О'Хара, как обещал, выяснит, чьих это рук дело: пусть так и остается загадкой. Сговор лакея и железнодорожного кассира: заманить простака-иностранца, а потом содрать за билет второго класса как за первый...

Монах возник неизвестно откуда.

Высокий – выше даже десятивершкового Чехова, – уколиций, короткие седые волосы и длинные черные усы, вислые, как гречневая лапша. Очки в толстой черепаховой оправе чуть расширяли узкие глаза; бурая ряса, перехваченная поясом с ташкой, висела мешковато; ноги, обутые в кожаные сандалии, не загребали пыль, словно ступали, подобно миражу, чуть выше земли.

– Здравствуй, – сказал он.

В груди что-то оборвалось, стало тепло и тесно, в ушах зашумело, только успел подумать: как-то неловко умирать при чужих.

XVII

Здравствуй, ответил он.

Ты умрешь, сказал он. Но не сейчас.

Я знаю. Но не верю. Это не чахотка.

Это чахотка. Тебе осталось тринадцать с половиной лет.

Много.

Много. Во что ты веришь?

Не в Бога: эту веру из меня выбили в детстве. В человека – трудно, да и в кого тут верить. Религия порядочного человека – равнодушие. Я бы пошел в монахи, если бы принимали неверующих и не заставляли молиться.

Кого ты любишь?

Никого. Полюбить кого-то – значит выйти из-за стены, а я ее слишком долго строил. Есть нечто большее, чем любовь: сознание долга и его выполнение, остальное приложится. Я знаю, чем обязан семье – и еще немногим, – и возвращаю долги. Как примут то, что я делаю, мне все равно.

Кого ты любишь?

Я не люблю, я влюбляюсь, а потом не могу развязаться: так же как не умею завязывать и развязывать галстук. Ничего я не умею любить, кроме своего писания, а муза холодна и бесплодна, как я сам: задери подол и увидишь плоское место.

Ты виноват?

Ни подвигов, ни подлостей – такой же, как большинство. С нравственностью мы квиты. Лениость, чревоугодие, блуд – все это личное, никому не вредит и никого не касается. Закрыто.

Страшен же мир, в котором ты живешь.

Но другого нет.

Чего ты хочешь?

Изменения. Чтобы жизнь стала такой, какой должна быть, – полной, умной и смелой, свободной от силы и лжи, – какой все знают, что она должна быть, но не делают ничего. А если это невозможно – я знаю, что невозможно, – пусть остается как есть и следует своим законам. Пусть люди трудятся, любят, страдают и надеются, что когда-нибудь, через двести лет, через триста... Пусть остается надежда.

Ты веришь в бессмертие?

Как медик – нет; как человек – сомневаюсь. Если же правда то, что обещают Будда, Кант и граф Толстой, – слияние с бесформенной студенистой массой, – такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его и боюсь.

Тогда... – сказал он, предлагая.

Нет-нет, ответил он испуганно. Только не это. Слишком страшно. Слишком не по-человечьи.

Человечество мечтало об этом веками.

Я – не человечество. Я не смогу.

Возьми. Возьми, пусть будет у тебя.

XVIII

Садху в грязно-белой рванине, жилистый человек с красными глазами (он снова принял катышек опиума), сидел в тени шипастого кораллового дерева, покачиваясь взад-вперед. Он не сводил глаз с высокого иностранца (не он один); видел, как тот рассеянно наблюдал марш Армии спасения, как покачнулся; как бурый монах подскочил к нему и, поддерживая непривычного к цейлонской погоде человека, сунул ему в руку сандаловую коробочку.

Чехов выпрямился, потер виски, машинально положил коробочку во внутренний карман, огляделся.

Монах стоял неподвижно, склонив голову набок и улыбаясь.

Чехов что-то сказал ему – кажется, поблагодарил – и поплелся к озеру.

Монах подошел к нагахе, железному дереву, сел у корней и поставил перед собой миску для подаяний.

Садху неторопливо поднялся и, внезапно сорвавшись с места, подскочил к нему.

– Ты дал ему это? – спросил Кимбол О’Хара; о буре монахе он знал только по смутным рассказам, но понимал, какой вопрос нужно задать. – Дал ему *это*? Зачем? Отчего именно ему?

Монах медленно поднял голову.

– Потому что он никогда этим не воспользуется.

XIX

Кажется, Гёте, указывая тростью на звездное небо, говорил: «Вот моя совесть!»

Моя совесть – далекие огни: на том ли берегу широкого озера, по обе ли стороны бегущего поезда. И это не просто детское удивление – «всюду жизнь!» – которое охватывает людей, выдернутых из привычного уклада. Когда я смотрю на дальнее гипнотическое мерцание, то понимаю, как мало значит то, что происходит со мной, с Вами, со всеми по отдельности. Не спешите окрестить мое настроение «пессимизмом» или «хандрой»; для меня оно, быть может, вернейший знак того, что существует нечто большее, чем каждый из нас: так и кладбище, покойное (дурной каламбур) под лунным светом, – залог вечной жизни. Она есть, несомненно есть, но никому из нас не дано увидеть ее иначе нежели сквозь тусклое стекло.

А главное в дальних огнях и дальних людях – то, что они не ближние и думать о них можно лишь от случая к случаю.

XX

О'Хара встретил его на привокзальной площади (садху выпрыгнул из вагона раньше Чехова, рысью направился в уборную, и через десять минут оттуда вышел смуглый, несколько вальяжный европеец, хозяин страны).

– Рад видеть, – сказал О'Хара искренне, протягивая руку. – Как съездили?

Чехов пожал плечами.

– Красиво, что сказать. Для здоровья, правда, не очень – котловина, испарения. Меня, представьте, чуть солнечный удар не хватил.

– Да, в этом отношении Коломбо предпочтительнее, зато в Канди прохладнее: ветер с гор.

Стараясь держаться в тени навесов и карнизов и только один раз выйдя на ослепительную брусчатку, они прошли в кофейню: кофе местных сортов здесь подают отменный, посулил О'Хара.

– А вы что же, все поезда встречаете? – спросил Чехов, размешивая деревянной ложечкой тростниковый сахар.

– Ну что вы, – засмеялся О'Хара и пригубил из фарфоровой чашки; на миг замер, оценивая вкус. – Я жду моего подчиненного, он сейчас занимается бытом китайских кварталов – правда, не столько с этнографической, сколько с юридической точки зрения... Мистер Стрикленд!

Высокий молодой полицейский в пробковом шлеме, крутивший чернявой головой на другой стороне площади, в аркаде старого голландского дома, обернулся и, встряхнувшись, как собака, выходящая из воды, побежал к начальству по самому солнцепеку. Его круглое лицо с робкими усиками было чем-то знакомо – но не более того.

С утра Чехов успел осмотреть знаменитые Сады Корицы (ничего особенного – белоснежный кварцевый песок, в который там и сям натканы кусты), а потом весь день, пока не спала жара, сидел в гостиничном номере, записывая дорожные впечатления. С О'Харой условились на вечернюю прогулку: любой город, а чужой в особенности, можно узнать, лишь пройдя по нему *в сумерках* (О'Хара чуть подчеркнул голосом последние слова, и Чехов мысленно усмехнулся: уж конечно, этнолог не знал заглавия сборника его рассказов).

А Коломбо вечером и впрямь оказался чудесен, не похож на себя дневного: Чехов понял это еще третьего дня, а теперь уверился окончательно. Они с О'Харой переходили из кафе в паб и снова в кафе, где толстые белые свечи стояли под стеклянными колпаками, о которые билась мошкара, и завсегдатаи знали, на каком расстоянии сесть, чтобы лица не растворились в полумраке, а мошки, взметнувшись, не облепили руки и лицо (кофе с корицей был восхитителен); и снова в паб, для контраста – отнюдь не самый изысканный, где за квотер наливали стакан виски. О'Хара пил, не пьянея, и глаза его оставались пронзительно-ясны. Чехову смутно помнилась ночная беседа в номере «Галле фэйс», поэтому он только пригубливал, наблюдая зыбкое соединение затуманенного стеклом дробного пламени свечей, ровного света масляных фонарей и переливчатого мерцания древесных вершин, где устроились светляки, вздымаясь и вновь опадая. Черные деревья заслоняли зеленое небо, и крупно, размашисто рассыпались звезды.

– Скажите, мистер О'Хара, – спросил Чехов. Они сидели на балконе двухэтажного каменного дома; словно бабочкино крыло, дышала китайская циновка, которую, сидя за стеной, не доходящей до потолка, раскачивали невидимые слуги. – Как вы различаете... нет, я не говорю – сингалезов и тамилов или китайцев и афганцев, – здесь все ясно. Но эти бесчисленные касты, мелкие народности, их обычаи – как вы запоминаете? Тренировка?

– И тренировка тоже. – О'Хара повертел в руке полупустой янтарный бокал. – Но главное в другом. Обычно мы смотрим на человека – и что видим? Особые приметы, говоря языком протоколов. Моя задача – увидеть не человека, а сумму... как бы сказать... всего, что сделало его тем, чем сделало. Происхождение, родина, каста, профессия – всё. Если угодно, считайте это доказательством, что цельного «я» вовсе не существует. Мне было легче прочих: я вырос на лахорском базаре, для меня все началось с игры: переодеться, скажем, в ученика факира – значит принять на время его платье и душу. А потом вернуться.

– Стало быть, существует такое «я», к которому вы возвращаетесь?

О'Хара негромко рассмеялся и осушил бокал.

– Вы слишком европеец. А как работает врач?

Теперь улыбнулся Чехов.

– Да, пожалуй, так же. Нужно знать каждую мелочь в устройстве организма и определять, из-за какой суммы неполадок возникает болезнь. Но перевоплощения не требуется.

– Другими словами, мне нужно отделиться от своего «я», а вам – от чужого.

– Именно: нет человека, есть пациент. Поэтому так трудно лечить своих. Интересно, как мыслят политики? Нет людей, даже стран – есть интересы и влияния?

– В подобном духе можно разобрать все профессии. Как думают писатели? А шпионы?

– Так же, как мы, – ответил Чехов и снова чуть улыбнулся. – Но каждое обобщение – условность. Среди врачей есть, к примеру, диагносты и практики.

– Среди этнологов тоже. – О'Хара встал, положил на стол купюру и жестом остановил Чехова, который полез за кошельком. – Я практик. Пойдемте.

У входа в ресторан былолюдно и шумно; О'Хара сделал шаг в сторону – и они оказались в ярко освещенном, но совершенно пустом переулке. Тени колыхались на матовой брусчатке.

– Какой ухоженный город, – сказал Чехов. – Но есть же тут и трущобы?

– Трущобы? – переспросил О'Хара.

– Бедные, опасные для чужаков районы. – Чехов с интересом следил за тем, как этнолог помещает новое слово в мысленную картотеку: едва ли не был слышен щелчок каталожного ящика.

– Есть, конечно. В одном из них вы даже были: Черный город, где базар. Хотите посмотреть ночью? Думаете, имеет смысл?

– Молодой человек, – с шутиливой строгостью сказал Чехов, – я пешком обошел самый большой российский каторжный остров.

О'Хара подумал, кивнул, чуть приподнял правую руку, и из рукава с еле слышным шуршанием выскочил небольшой револьвер.

– Если вы готовы к прогулке, – сказал он, – то и я тоже.

Келани – река узкая и глубокая, но возле устья ее можно перейти не замочив ног – так плотно стоят у берегов барки, груженные рисом и чаем; дальше вглубь острова берега заболочиваются, и Келани становится крокодильим садком. Черный же город лежит на полдороге между этими крайностями: уже видна густая темная вода, но берега еще не заросли манграми – на реку выходят тылы складов, хибар, дешевых харчевен; и промежутки между фонарями все длиннее.

Только теперь Чехов понял смысл вопроса О'Хары: этнолог знал, что по вечерам здесь не увидишь ничего и никого: всё прячется, заползает в глиняные мазанки, а уж какая жизнь идет там, ведают лишь местные – и не говорят.

Чехов вышел на темные мостки, скрипящие под ногой; подошел к самому краю. О'Хара остался на берегу.

Впереди не было ничего, только беспросветная вода и сомнительный огонек; потух. Символ, навязчивый до банальности: такова и жизнь человеческая. Если бы моя закончилась здесь,

у реки, – то что? что? Он прислушался к себе. Не было ни страха, ни смирения – только черное, как эта чужая, дальняя река, желание сделать еще один шаг.

Если он умрет здесь и сейчас, думал О'Хара, то что? что? Он умирает и так, сколько я видел чахоточных – ошибиться нельзя. Одна пуля в основание черепа – смерть быстрая, аккуратная и, говорят, безболезненная. А для него – еще и благодатная, взамен долгой муки, ему уготованной. И то, что он об этом не узнает, не меняет ничего.

А он думал: еще один шаг.

Еще один шаг.

Шорох позади: револьвер лег в ладонь.

Вот так: даже выбор остался не за мной. Спасибо и на этом: писательское самоубийство – такая пошлость. Он наклонил голову и ждал.

Волосы на затылке были пострижены аккуратным полукругом.

– Доктор, – сказал О'Хара.

Чехов обернулся.

О'Хара стоял, сунув руки в карманы, и улыбался.

– Ступайте вон туда... – Он мотнул головой. – Пройдете по улице, выйдете к перекрестку, где собираются рикши. Больше рупии не давайте, это с чаевыми. А у меня, уж простите, еще дела.

Он снова кивнул и исчез в темноте.

Теперь пошли мытарства. Козырьки крыш сходились навесом; улица делалась все более темной и все более вонючей. По правую руку, где-то под стеной, похлупывала канава. Улица сузилась до переулка и запетляла; на каждом шагу упираешься в шершавую стену. Дверей не было, и не было перекрестков.

Впереди замаячил огонек. Последняя дуга привела к деревянной вывеске – стилизованному осьминогу, повешенному прямо под фонарем. Вероятно, закусочная с морским меню – но закрыта.

Рикши и впрямь сгрудились у осьминога, но из-за угла выступил желтый человек в желтой одежде, и они рассеялись.

– Недостойнейший Сун Ло Ли, – сказал китаец по-русски и почти без акцента, – наинижайше просит высокорожденного господина посетить его убогое заведение. Нижайше и настоятельно просит.

Идти пришлось недалеко, но Чехов сразу потерял направление. Сун Ло Ли нес в поднятой руке потайной фонарь, и узкий луч проявлял в темноте то сухой фонтанчик в форме рыбьей головы, то крутое колесо водяной мельницы; и тусклый шепот реки был заглушен низким голосом океана.

Китаец остановился, толкнул возникшую ниоткуда низкую дверь и молча поклонился гостю. Чехов вошел.

Убогое заведение, как он и подозревал, оказалось вовсе не убогим. Негромкое эхо говорило о том, что зал тянется далеко, стены высоки, а за ними плещется лагуна.

Сун Ло Ли поставил фонарь на один из столов – кажется, посреди зала, – зажег две свечи, отодвинул громоздкое, но легкое кресло, жестом предложил сесть и в поклоне ушел.

Чехов ждал. Сумятица, бессмыслица, обреченность последних месяцев – последних лет – заканчивались здесь, в темном краю, на другом конце земли. Люди, которых он не понимал, преследовали невнятные цели и распоряжались его судьбой. Какой-то смысл в этом был, но – как всегда и во всем – он ускользал, терялся, да и был ли? Диагноз поставлен: неоперабельно. «Теперь, так не после».

Сун Ло Ли появился вновь, поставил перед ним тарелку и кубок. Лапша, и очень вкусная; горькое зеленое вино на травах.

– Спасибо, – сказал Чехов. Он успел проголодаться.

Хозяин отошел в полутень и молча ждал, пока гость наестся, потом унес посуду и сел напротив.

– Есть древний обычай, – сказал он, – уверьтесь, что я его соблюдаю. Если кто-то поел у вас в доме, вы уже не сможете его убить.

– Мне помнится, – заметил Чехов, – что вы не сможете причинить ему вред.

– Мы читали разные книги, – отрезал Сун Ло Ли, улыбаясь обворожительно. – Повторяю: я блюду обычай. Поэтому сейчас вы совершенно добровольно отдадите мне то, что вам дали в Канди, – и подтвердите свой дар устно, – а потом вас проводят в отель.

Что мне дали в Канди? – удивился Чехов. Удар не удар, а что-то неладное с ним произошло: несколько часов словно расплылись в памяти.

– Тогда позвольте один вопрос, – сказал он. – Зачем вам это?

Сун Ло Ли встал, и в позе смешного человечка появилось нечто торжественное.

– Не мне, – проговорил он ровно, – а Хозяевам моим.

Чехов откинулся на спинку кресла и промокнул губы салфеткой.

– Мне очень не нравится все это. Пожалуй, я не отдам вам ничего.

Китаец снова присел.

– Поверьте, – кротко сказал он, – я не из тех людей, которых называют... как это... гуманными. Но я очень изобретательный человек. Я не буду рассказывать вам о некоторых своих методах – опробованных и надежных методах. Я просто их применю. И вы, как я уже заметил, совершенно добровольно отдадите мне товар.

– Мы одни, – сказал Чехов. – Я выше вас и, наверное, сильнее. Сейчас я встану и уйду. Эта суета мне надоела.

– Куда уйдете? – спросил Сун Ло Ли невозмутимо. – До двери, не дальше.

– До гостиницы, – сказал О'Хара, выходя из темноты. Походка его стала пружинистой; в руке был револьвер. – Доктор, у входа вас ждет молодой Стрикленд, он дойдет с вами до «Гранд ориентл». А мы с уважаемым Сун Ло Ли поговорим о многих интересных вещах. У меня тоже есть свои надежные методы; кроме того, он в моем доме не ужинал.

– Но я мог бы... – начал было Чехов. О'Хара прервал его:

– Идите. Надеюсь, этот инцидент не испортит вашего впечатления о Цейлоне.

Чехов медленно поднялся.

– Мы еще поговорим?

– Непременно, – улыбнулся О'Хара.

Чехов ушел; слышно было, как он здоровается с Адамом; шаги стихли. О'Хара и Сун Ло Ли оставались неподвижны.

– А теперь, – сказал этнолог, – ты расскажешь мне все о своих хозяевах.

– С радостью, – ответил Сун Ло Ли. Он быстро глянул куда-то за спину О'Хары. Конечно, тот не купился на старый трюк и не обернулся; тут его сзади ударили по голове, и он потерял сознание.

XXI

Холодная вода, отдающая болотом, плеснула в лицо. По давней привычке он не открыл глаза, а чуть разомкнул веки. Гудели факелы, тени металась по стенам и низкому своду. Голова кружилась, пошевелиться было невозможно, и казалось, что падаешь: так бывает в лихорадке.

Каждый дюйм свода покрывала каменная резьба: водоросли, рыбы и спруты переплетались под неестественными углами, множились и соединялись, заставляя всякого, кто глядел на них, проникаться глубоким, инстинктивным омерзением к тому, что древнее человека и ему изначально враждебно.

Сун Ло Ли, этот гнусный представитель желтой расы, успел сменить свое нелепое облачение на зловещую черную мантию, пронизанную алым блеском, и теперь, склонив голову набок, смотрел на Кимбола О'Хару, который лежал, связанный по рукам и ногам, на низком продолговатом камне.

– Не притворяйся! – сказал Сун Ло Ли низким голосом, заполонившим пещеру, и отзвуки, усиливаясь, загрохотали. – Прежде чем ты умрешь, тебе придется ответить на мои вопросы!

О'Хара смотрел на зловещего китайца, не отводя взгляда. Он лучше многих представлял, что может уготовить ему злокозненность изощренного восточного разума.

– Зачем ты хотел убить его?! – спросил Сун Ло Ли.

О'Хара молчал.

– Впрочем, я догадываюсь! Ты знал, что *это* может быть передано из рук в руки только по доброй воле, иначе утратит силу! А значит, смерть доктора сделает *это* бесполезным и мои планы расстроятся!

– Да, – сказал О'Хара.

– Но ты проиграл! – воскликнул китаец, вздевая кривые руки к закопченному потолку. – Ты умрешь здесь, во славу моих Хозяев, и лишь один человек узнает об этом! Когда русский увидит твой изуродованный труп, он станет куда сговорчивей – а я клянусь Бездной, что не выпущу его с острова, покуда *это* при нем!

– А теперь ты ответь мне, – молвил О'Хара, спокойный, как никогда, сохраняя присущее белому человеку мужество перед лицом неминуемой гибели. – Кто такие те хозяева, о которых ты говоришь? Для кого ты хочешь добыть *это*?

– О! – воскликнул китаец, и лицо его, мнимо-невозмутимое, исказила гримаса извращенного довольства. – Ты спрашиваешь о великой тайне! Но поскольку ты все равно обречен на долгую, мучительную смерть, узнай же, во имя кого примешь ее! Хозяева мои – Боги, спящие на первобытном дне океана, не живые и не мертвые; Они ждут пробуждения, когда восстанут из вод древние земли, а нынешние континенты сгинут! *Это* вернет Им силу, вернет Им власть, вечную власть над миром, и велика будет награда преданного слуги, который споспешествовал великому возрождению! Теперь же... – Сун Ло Ли склонился к беззащитному герою и зашептал, так что громовое эхо сменилось ужасающими шорохами: – Узнай, какой смертью ты умрешь на этом древнем алтаре, который десять лет назад обрела Елена Блаватская! Знала бы она! Знала бы она!..

Злобный, ликующий хохот наполнил склеп, и где-то в дальнем конце подземелья, невидимом для связанного О'Хары, словно бы в ответ раздалась глухие звуки, порожденные явно не человеческим горлом.

Несколько успокоившись, Сун Ло Ли достал из складок мантии благовония и огниво, разложил их на каменном выступе, также украшенном резьбой – словами древнего, давно забы-

того языка затонувших стран, – и зажег курения. Затем нечестивый жрец проклятых богов обернулся к пленнику и провозгласил:

– Тебя заключают киви!

– Кто? – переспросил О'Хара.

– *Нелетающие птицы Новой Зеландии!* – взвизгнул жрец, и ответом ему стал ужасающий свист из дальнего угла склепа.

О'Хара был впечатлен.

– Бред какой-то, – сказал он. – Вы бы еще пингвинов сюда притащили.

Рот Сун Ло Ли скривился в жутком подобии улыбки.

– Спасибо за совет, мой обреченный друг! Я завтра же выпишу партию этих гордых птиц, любимцев моих Хозяев, прямо от подножия Эребуса! Их сильные лапы затопчут, а мощные клювы разорвут всякого, кто осмелится встать у меня на пути – если успеет, ибо вскоре мир переменится! Теперь же, когда ты знаешь все и не можешь поделать ничего, – молись своему бессильному богу, ибо сейчас ты убедишься, что клюв киви с размаху пробивает двухдюймовую доску, не говоря уж о брэнной плоти!

Отвернувшись от жертвы, мерзкий жрец выкрикнул что-то на языке, непонятном даже Кимболу О'Харе. Отворилась незаметная прежде дверь, и глазам пленника предстала высокая, очень темнокожая девушка неимоверной красоты, облаченная в тонкое бирюзовое сари. Волосы ее, цвета воронова крыла, были уложены в высокую прическу; на лице ее, когда она склонилась перед гнусным китайцем, своим господином, читался бесконечный испуг. Жрец отдал краткий приказ, и незнакомка медленно двинулась к сокрытым в полумраке клеткам.

Прогрохотали засовы, и девушка, испуганная еще более, отскочила в сторону. Поспешно, однако не теряя некоторого достоинства, китаец последовал ее примеру и затянул на гортанном прадревнем языке литанию смерти.

Мягкое цоканье наточенных когтей по холодному камню вселило бы ужас и в самую отважную душу – но Кимбол О'Хара не позволил себе отвлечься на бессмысленное волнение. Он играл мышцами, надеясь хоть сколько-нибудь ослабить гнусные веревки, оплетавшие его тело, – увы! тщетно.

Первая из ужасных, противных естеству птиц вошла в круг света, и обреченный узник невольно содрогнулся. Грушевидное тело с редуцированными крыльями, поросшее словно бы не перьями, но свалившейся бурой шерстью; чудная походка, которая в иных обстоятельствах могла бы показаться забавной; странный запах болот иного полушария; пронзительный, невыносимый для слуха свист – все вместе сделало птицу исчадием душераздирающего кошмара. За нею маячило трое собратий. Киви была уже в шаге от алтаря; она зловеще присвистнула и, повернув голову, ударила клювом в стену – полетела каменная крошка.

О'Хара готов был зажмуриться, не желая видеть, как первый удар безжалостного клюва пронзит его, и мысленно поклялся принять смерть безмолвно, – но тут в воздухе сверкнула золотая полоса, и страшная птица рухнула с тонким писком, обливаясь кровью.

Волосы темнокожей девушки упали ей на плечи роскошным водопадом: она распустила гордую прическу, выдернув из нее три золотые заколки, ставшие смертоносным оружием. Мелькнула вторая, третья – и еще две птицы обагрили пол, истертый тысячами ступней.

Три киви пали, но четвертая приближалась, и жрец, на несколько драгоценных мгновений замерший потрясенно, оставался столь же опасен. Издав невнятный вопль ярости, китаец ринулся к бестрепетной девушке, но столь же оглушительный, сколь неожиданный звук револьверного выстрела – о, славное достижение высокой цивилизации! – остановил его. Первая пуля опрокинула дьявольскую птицу, чьи пуговичные глазки уже высматривали точку рокового удара; вторая поразила китайца, тот взмахнул руками – полы его мантии взметнулись подобно крыльям нетопыря – и повалился ничком.

– Мистер О'Хара! Мистер О'Хара! Вы живы?!

То был голос Адама Стрикленда.

Отважный юноша и храбрая девушка одновременно подбежали к связанному.

– Я нарушил ваш приказ, сэр! – воскликнул молодой Стрикленд, перерезая веревки. – Не вы один вызвали подкрепление. Я передал Чехова на руки Уиггину и последовал за вами, сэр!

– Вы все правильно сделали, Адам, – сказал О’Хара, приподымаясь и растирая запястья. – Спасибо. Как всегда – спасибо.

Девушка, видимо робея, на шаг подступила к нашим храбрецам. Ее прекрасно очерченные губы чуть приоткрылись, но она не успела сказать ничего. Раздался тонкий свист, из уголка ее рта потекла струйка крови, и она упала на колени: в спину ее вонзился китайский кинжал с золоченной рукоятью – последний дар умирающего Сун Ло Ли.

О’Хара осторожно взял ее на руки.

– Скажите ему, – прошептала девушка, – скажите, что я...

И это было все.

О’Хара медленно опустил ее на пол и огляделся. Узкая пещера, чадающие факелы; камень, на котором валяются обрезки веревок; пустая клетка; четыре мохнатых комка на полу. Мертвый мужчина, чья правая рука чуть вытянута вперед; мертвая женщина.

– Пойдемте, Адам, – сказал О’Хара без выражения. – Мы и так чуть не остались на хребтах чужого безумия.

XXII

– Мистер О’Хара, вы живете в большой, пестрой стране – вам, уж простите, трудно вообразить, до чего однообразен мир. Везде – бесплодные хотения, напрасный труд, везде – богатство и нищета, беспросветность обыденной жизни, большая или меньшая глупость властей.

Чехов понурясь сидел на гостиничной кровати, свесив руки между колен; О’Хара – напротив него, в плетеном кресле. За окном было тускло; в десятых числах ноября на южном Цейлоне меняются ветра, и Коломбо становится похож на осеннюю Ялту: сизое море под серым небом и устало покосившиеся деревья. Стояла тишина, какая бывает перед дождем: вот-вот и зашуршит, но пока нет ни ропота, ни ветра – одно терпеливое ожидание, а к набегаящим волнам уже привык и не слышишь. В углу номера, возле письменного стола, что-то попискивало в квадратной клетке, накрытой цветастым платком. До отбытия «Петербурга» оставалось еще больше часа.

– Я приехал на Цейлон, «место, где был рай», – продолжал Чехов взволнованно, – и что нашел? Все то же, но еще игру разведок – не отрицайте и не подтверждайте, я давно уже все понял, – да нарушил покой мирных опиумных контрабандистов. Ведь этот китаец отчего-то решил, что мне всучили в Канди какое-то зелье?

– Да, вроде того, – кивнул О’Хара.

– Какая скучная история, – сказал Чехов. – Какой однообразный, неизменный, бесконечно скучный мир.

– А вы бы хотели иначе? – спросил О’Хара.

– Нет-нет, – быстро ответил Чехов. – Нет, ни за что. Ведь это и вправду лучший из миров. Вернее, единственно возможный.

– Один добросовестный журналист, – перебил О’Хара, – сообщает, что на русских Командорах даже морские котики стонут: *«Scoochno! Ochen scoochno!»*

– Не шутите, – попросил Чехов. – Поймите, ведь люди не ездят на Северный полюс, не залазят на айсберги – они едят, пьют, а жизнь в это время проходит за стеной; они влюбляются, женятся и бывают несчастны. Вот и все. Остальное – проблески... исключения, за которые приходится платить, и платить дорого.

О’Хара не ответил ничего.

– Помните, за мной еще один вопрос – ну, третий? – сказал Чехов, выпрямляясь.

– Что? А, да, пожалуйста.

– У меня их два, – улыбнулся Чехов. – Первый. Это вы подослали ту девицу?

– Нет, не подсылал. – О’Хара заложил ногу за ногу. – А еще?

– Почему вы меня не убили – там, у реки? – На миг запнувшись, Чехов заговорил быстро: – Я не спрашиваю, почему вы хотели это сделать, – я же вижу, вы человек, который без причины на такое не пойдет; почему не выстрелили? Хотели поймать китайца на живца?

– Это была вторая мысль, – кивнул О’Хара. – А первая... Не знаю, поймете ли вы, но выстрелить там и тогда было бы... как это по-русски?.. ну, скажем, неспортивно.

– Кажется, я понял, – сказал Чехов. – Кажется, понял.

– Что ж, – сказал О’Хара, – прощайте. Я рад знакомству и хотел бы только, чтобы оно состоялось в менее... профессиональных обстоятельствах.

– Я тоже рад встрече, – сказал Чехов, протягивая руку. – При любых обстоятельствах, мистер О’Хара.

– Ким, – сказал О’Хара. – Просто Ким.

Неловкое молчание заглушил пароходный гудок.

– Вы напишете об этом? – спросил Ким.

– Уже написал. – Чехов кивком указал на стол, где лежала небольшая стопка желтоватой бумаги. – Вчерне, конечно, зато обо всем – не беспокойтесь, без лишних подробностей. Коломбо, железная дорога, Канди, забавный монах... Кстати, спасибо за книги, они мне очень помогли.

Ким повел рукой: не стоит упоминания.

– А вот напоследок, – сказал Чехов, – хочу показать вам мое главное цейлонское приобретение. Смотрите, – он встал и сдернул накидку с клетки, – какие очаровательные мангусы, самец и самочка. Я их купил на базаре – помните, торговец стоял на том самом углу, где мы встретили вашего преступного китайца. Прелестные зверьки, только все время норовят выско-
чить.

– Вас обманули, – сказал Ким, приглядываясь. – Один, точно, самец мангуса, а вторая – циветта, ее приручить нельзя.

– Как? – поразился Чехов. – Которая?

– Осторожно! – крикнул Ким, но было поздно. Дверца отворилась, и мангус прыгнул на письменный стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.